A2 8/86

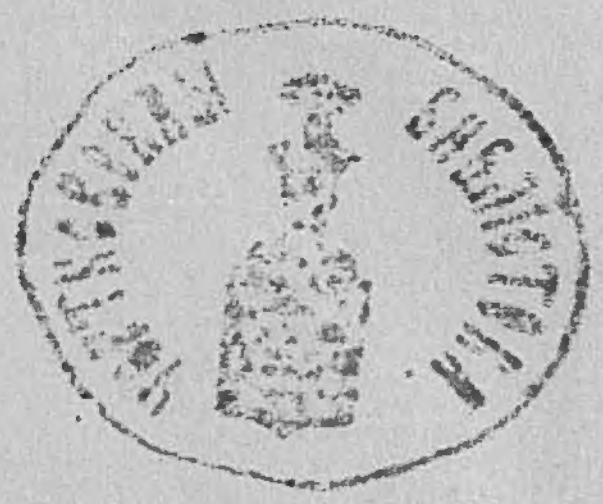
42 8/86

А28

СѢВЕРНЫЙ СФИНКСЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

A 28
86



1362/4

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I Благословенный.

А. И. СОКОЛОВА

СѢВЕРНЫЙ СФИНКСЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

А 28
86
1809.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
№1589
3/IV 1912
БИБЛІОТЕКА.

Начало XX вѣка ознаменовано двумя великими, почетными юбилеями въ исторіи нашего отечества.

Въ 1912 году исполняется столѣтіе со времени великой и славной отечественной войны...

Въ 1913 году исполнится трехсотлѣтіе благополучнаго царствованія на русскомъ Престолѣ Дома Романовыхъ.

Понятны и тотъ нравственный подъемъ, и то патріотическое чувство, съ какими Россія встрѣчаетъ эти два историческихъ юбилея.

Понятно, то вниманіе, съ какимъ вся Европа прислушивается къ выраженію этого патріотическаго чувства.

Воцареніе на русскомъ Престолѣ Дома Романовыхъ является эрой новой жизни для нашего отечества...

Побѣдоносный 1812 годъ, эпосомъ встаетъ въ исторіи міра.

На чествованіе этихъ почетныхъ дней, несомнѣнно, откликнется вся Россія... Въ привѣтѣ имъ сольются всѣ русскія сердца...

Присоединяясь скромнымъ голосомъ къ этому могучему хору, мы въ краткихъ очеркахъ дадимъ

правдивую оцѣнку всего, наглядно пережитаго Россіей, за долгій, трехвѣковой періодъ ея исторической жизни.

Въ настоящемъ же очеркѣ мы остановимся исключительно на крупной исторической личности Александра I-го, за которымъ вся Россія, а за нею и вся Европа, признали почетный и свѣтлый титулъ „Благословеннаго“.

Но прежде, нежели приступить къ правдивой и безпристрастной біографіи великаго Монарха, мы слегка оговоримся и напомнимъ читателямъ нашимъ, цѣль и характеръ нашего сжатаго и скромнаго историческаго этюда.

Мы не учебникъ русской исторіи намѣрены повторить, и не перечень военныхъ событій намѣрены дать съ оцѣнкой одержанныхъ побѣдъ и понесенныхъ пораженій... Мы намѣрены проникнуть глубже во внутренній міръ описываемыхъ лицъ, и создавшей ихъ эпохи... Мы хотимъ глубже и пристальнѣе заглянуть за „кулисы исторіи“. Исторія—таже сцена.

Въ ея лѣтописяхъ, также какъ и на театральныхъ подмосткахъ, длинной вереницей проходитъ рядъ лицъ, прихотью рампы освѣщенныхъ тѣмъ или другимъ свѣтомъ... волею режиссера окруженныхъ тѣми или другими декораціями... и по временамъ, отдѣленныхъ отъ зрителей тяжелымъ и непроницаемымъ занавѣсомъ...

Для правдивой оцѣнки той или другой пережитой эпохи, необходимо отрѣшиться отъ произвольнаго освѣщенія рампы... пристально и смѣло заглянуть на изнанку кулисъ... и постараться приподнять уголокъ заповѣднаго занавѣса...

Тогда только получится правдивый и ярко освѣщенный историческій обликъ...

Тогда только на судъ публики выступитъ правильно освѣщенная историческая фигура...

Въ длинномъ и громкомъ перечнѣ всѣхъ лицъ, послѣдовательно вступившихъ на русскій Престолъ, Императоръ Александръ I-й является одною изъ самыхъ крупныхъ, и самыхъ рельефно выдающихся личностей.

Современные Ему европейскіе дипломаты дали его справедливую оцѣнку, назвавъ его „Сѣвернымъ Сфинксомъ". Дѣйствительно, таинственнымъ, неразгаданнымъ Сфинксомъ встаетъ онъ на рубежѣ народившагося XIX вѣка и, таинственнымъ, неразгаданнымъ, молча уходитъ со сцены міра.

Выросшій среди неустанной распри, двухъ враждовавшихъ между собою Дворовъ, Императрицы Екатерины и Цесаревича Павла, привыкшій мириться съ двумя противуположными теченіями и склоняться передъ противуположными требованіями, Императоръ Александръ I-й на всю дальнѣйшую жизнь свою сохранилъ ту двойственность міровоззрѣнія, то отсутствіе внутренней цѣльности, которыя красной нитью прошли чрезъ все Его царствованіе.

На немъ ярко отразился великій переломъ, совершившійся въ духовной жизни человѣчества на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, и отсюда выработалась та неопредѣленность, та раздвоенность Его умственнаго настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ, въ его нравственномъ обликѣ совершаются такія рѣзкія перемѣны.

То Онъ скептически относится къ догматамъ вѣры, то доходитъ до религіознаго экстаза... То отдается порыву освободительныхъ стремленій, то переходитъ къ строгой реакціи... То со Сперанскимъ мечтаетъ о благѣ и свободѣ подданныхъ, то строитъ военныя

поселенія съ Аракчеевымъ... То мощной рукой освобождаетъ порабощенную Европу изъ подъ ига грознаго завоевателя, то покорно склоняетъ голову передъ мистическимъ вліяніемъ полубезумной фанатички, баронессы Крюднеръ.

И вся эта внутренняя и неопредѣленная тревога... эта жажда новыхъ ощущеній... это тщетное и мучительное исканіе какого-то далекаго, невѣдомаго счастья... все это служитъ выраженіемъ больной, тревожной души, все это раздвояетъ нравственный обликъ историческаго лица, и создаетъ изъ крупной исторической фигуры Александра I-го, тотъ образъ легендарнаго „Сѣвернаго Сфинкса“, передъ которымъ въ смущеніи останавливается исторія... который могучей и колоссальной загадкой встаетъ на рубежѣ двухъ столѣтій...

Такимъ признали Его историки послѣднихъ лѣтъ...

Такимъ разсмотримъ Его и мы, стараясь по возможности, путемъ строго разслѣдованныхъ историческихъ данныхъ, освѣтить передъ читателемъ его внутренній, нравственный обликъ, изучая Его не только какъ самодержавнаго правителя могучаго царства, но и какъ человѣка, какъ семьянина, какъ гражданина родной земли...

Эпоха Александра I-го, близкая намъ эпоха. О ней сохранились и интересные письменные документы, и устныя преданія, живымъ словомъ воскрешающія передъ обществомъ, недавнюю быль родной земли...

Фактовъ равно всѣмъ извѣстныхъ, мы коснемся только стороной, чтобы не утратить хронологическаго порядка изложенія...

„Знакомыхъ словъ“ мы повторять не будемъ... Мы постараемся сказать свое, живое, и по возможности, „новое слово“...

Въ правдивой и безпристрастной оцѣнкѣ историческаго прошлаго, важно именно только это „новое слово“...

Постараемся сказать его какъ можно полнѣе...

Въ этомъ вся наша цѣль... Вся наша задача...

Издатель.

I.

Рожденіе Императора Александра I было радостью и благословеніемъ для всей Царственной семьи, радостью и благословеніемъ для всего русскаго народа.

Державная бабка Его, Императрица Екатерина II, первая принявшая Его на руки послѣ появленія Его на свѣтъ, съ восторгомъ воскликнула:

— Этой минутой, судьба вознаграждаетъ Меня за долгіе и трудные годы моего царствованія... Благодарю Господа за ниспосланное на Меня благословеніе!..

Такъ пророчески встрѣченъ былъ словомъ „благословенія“, тотъ вѣнчанный вождь русскаго народа, за которымъ впослѣдствіи, исторія укрѣпила титулъ „Благословеннаго“.

Не питая никакихъ надеждъ на единственнаго сына и наслѣдника своего, Великаго Князя Павла Петровича, Екатерина жаждала при жизни своей упрочить престолъ за прямымъ и болѣе надежнымъ потомкомъ своего рода, и рожденіе державнаго внука было для нея исполненіемъ самыхъ заповѣдныхъ Ея стремленій, и желаній.

Императрица поспѣшила оповѣстить всѣхъ близкихъ объ этомъ радостномъ событіи, и въ Академіи хранится интересное письмо, адресованное ею на другой день послѣ рожденія Великаго Князя Александра Павловича, къ Шведскому Королю Густаву III.

Письмо это, переведенное академикомъ Гротомъ, указываетъ на ту степень заботы, какою окружила Она своего державнаго внука, съ первой минуты Его появленія на свѣтъ.

Родился Великій Князь Александръ Павловичъ 12 декабря 1777 года, и объ этомъ радостномъ событіи возвѣщено было всѣмъ жителямъ столицы, поднятіемъ штандарта надъ Зимнимъ дворцомъ, и 201 пушечнымъ выстрѣломъ съ обѣихъ крѣпостей.

Крестины Великаго Князя происходили, согласно обычному пышному церемоніалу, 20 декабря, въ большой церкви Зимняго дворца.

Новорожденнаго несла на глазетовой подушкѣ Герцогиня Курляндская, подушку и покрывало поддерживали оберъшенкъ Нарышкинъ, и генералъ анъ-шефъ Салтыковъ.

Воспріемницей была сама Государыня, совмѣстно съ заочными воспріемниками: Императоромъ Римскимъ Іосифомъ II и Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II. Вечеромъ весь городъ былъ парадно иллюминованъ, причемъ особымъ великолѣпіемъ отличалась иллюминація Академіи Художествъ, съ громадной аллегорической картиной вдоль берега Невы.

Тотчасъ послѣ крещенія, новорожденный Великій Князь былъ отнесенъ въ покои Императрицы, и помѣщенъ въ большой просторной комнатѣ, примыкавшей къ Ея спальнѣ.

Здѣсь все было устроено съ горячей любовью, но съ замѣчательной простотой.

Постель маленькаго Великаго Князя, поставленная посреди комнаты подъ балдахиномъ, состояла изъ желѣзной кроватки съ кожанымъ тюфячкомъ и легонькимъ англійскимъ одѣяльцемъ. Воздухъ въ комнатѣ никогда не превышалъ 15 градусовъ, и вода, въ которой купали ребенка, съ каждымъ днемъ постепенно охлаждалась.

Любовь къ водѣ и купанью осталась за Императоромъ Александромъ навсегда, и Онъ говорилъ впослѣдствіи, что самое сознательное ощущеніе Его далекаго дѣтства, было ощущеніе холодной воды.

Тотъ же спартанскій характеръ носило воспитаніе маленькаго Великаго Князя, и въ остальныхъ подробностяхъ Его дѣтской жизни.

Императрица пріучала Его спать среди говора и шума, причемъ укладывали Его въ разное время, безъ малѣйшаго соблюденія разъ навсегда систематически опредѣленныхъ

часовъ. Послѣдствіемъ этой системы воспитанія, явилось крѣпкое здоровье ребенка, который всегда былъ оживленъ и веселъ.

По единодушному свидѣтельству современниковъ, Александръ былъ очаровательнымъ ребенкомъ, и Императрица любила Его съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе.

Жизнь какъ-то бралась ребенкомъ съ бою.

Четырехъ мѣсяцевъ онъ ползалъ, по второму году бѣгалъ и очень отчетливо говорилъ, а четырехъ лѣтъ отъ роду бойко и безошибочно читалъ на двухъ языкахъ.

Всѣ Его окружавшіе любили Его искренно, и на всю послѣдовательную жизнь свою, Онъ сохранилъ даръ почти магнетически дѣйствовать на всѣхъ приближенныхъ, что и заставило Сперанскаго, въ подробныхъ запискахъ оставленныхъ имъ объ эпохѣ царствованія Императора Александра I, назвать Его „сущимъ прельстителемъ“.

Эта особенность обаятельно дѣйствовать на всѣхъ окружающихъ, ясно сказалась позднѣе, во всѣ выдающіеся моменты Его жизни.

Такъ, во время Его побѣдоноснаго вступленія въ Парижъ, всѣ французскія дамы были Имъ очарованы и громко высказывали свое сожалѣніе, что такой чарующій монархъ призванъ царствовать въ „дикой странѣ“, надъ калмыками, казаками, и прочими „дикими народами“.

Предъ Нимъ, побѣжденные Его чарующимъ привѣтомъ, въ бытность Его въ Варшавѣ, склонялись всегда непокорные и волнующіеся поляки..., и въ возмутившейся и волновавшейся Ригѣ, при появленіи Его на площади, съ кроткимъ примирительнымъ словомъ, изъ толпы, окружившей Его экипажъ, выдѣлился одинъ изъ самыхъ ярыхъ антагонистовъ Россіи и русскихъ, и мощными кулаками раздвигая толпу, приблизился къ царской колескѣ, съ громкимъ восклицаніемъ:

— Пропустите меня... Дайте мнѣ поближе взглянуть на этого Царя мира и любви!..

Александру было два года, когда у Цесаревича Павла Петровича родился второй сынъ—Константинъ.

Имя это дано было новорожденному по желанію Его Августѣйшей Бабки, придававшей этому особое значеніе.

Она, не зная предѣла своему честолюбію, видѣла вдали возможность возстановить Греческую Имперію подъ скипетромъ Царя изъ русской Императорской фамиліи, и, не считаясь ни со временемъ, ни съ обстоятельствами, за 20 или болѣе лѣтъ впередъ, намѣтила въ Греческіе Императоры, своего новорожденнаго внука, давъ ему имя Византійскаго Императора.

Въ честь рожденія маленькаго Великаго Князя, отчеканена была медаль съ эмблематическимъ изображеніемъ замѣны мусульманской луны крестомъ, на куполѣ св. Софіи.

Въ кормилицы къ Константину Павловичу взята была гречанка, первымъ дядькой былъ приставленъ къ Нему грекъ Курута, впослѣдствіи возведенный въ графское достоинство, и по-гречески маленькій Великій Князь выучился говорить раньше, нежели по-русски.

Но всѣ эти честолюбивые замыслы властной Царицы, не мѣшали Ея преданной и безграничной любви къ старшему внуку.

Ему она прочила русскую Императорскую корону, въ то время уже задумывая передать ему ее, минуя Цесаревича Павла.

Заботы о Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ проходили у Нея всегда впереди всего остального, но тѣмъ не менѣе, и къ воспитанію второго внука Императрица прикладывала ту же заботу, и не только сама составила весь планъ первоначальнаго обученія внуковъ, но и первую азбуку для нихъ составила сама, приложивъ къ ней нѣсколько разсказовъ, для ихъ первоначальнаго чтенія.

Азбуку эту Императрица назвала „бабушкиной азбукой“ и посвятила ее своему маленькому любимцу, Великому Князю Александру.

До 7-ми лѣтняго возраста Александръ Павловичъ оставался на женскихъ рукахъ и первой воспитательницей Его была баронесса Ливенъ, проживавшая въ Остъ-Зейскомъ краѣ, и спеціально съ этой цѣлью вызванная Императрицей въ Петербургъ.

Когда старшему изъ Великихъ Князей минуло 7, а второму 5 лѣтъ, Императрица объявила, что „приспѣло время

отнять отъ нихъ женскій надзоръ, и передать ихъ въ мужскія руки".

Первымъ воспитателемъ ихъ былъ Н. И. Салтыковъ, вызванный Императрицей съ этой цѣлью изъ-за границы.

Выборъ этотъ равно сочувственно встрѣченъ былъ какъ при Большомъ, такъ и при Гатчинскомъ Дворѣ, гдѣ Салтыковъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, былъ гофмаршаломъ.

Назначеніе Салтыкова было почти единственнымъ пунктомъ, на которомъ сходились оба Двора, и его вліяніе на державныхъ воспитанниковъ сказалось въ томъ, что Александръ, горячо и преданно любившій бабушку, въ то же время былъ сердечно привязанъ и къ родителямъ.

Отъ внимательнаго и чуткаго ребенка не укрылась та существенная разница, которая царила въ жизни и въ управленіи обоихъ Дворовъ.

При Дворѣ Екатерины все было блескъ, роскошь и великолѣпіе... Въ Гатчинѣ все дышало методическимъ разсчетомъ, скромностью и почти бѣдностью...

Тамъ золото лилось рѣкой... Тутъ рубли считались и пересчитывались съ разумной, почти горькой экономіей...

Ужасомъ вставала въ неокрѣпшемъ умѣ ребенка, эта разительная противуположность...

Осуждать бабушку Онъ не могъ и не смѣлъ... но не могъ не сочувствовать глубоко и положенію родителей, и эта двойственность впечатлѣній отразилась на его умственномъ развитіи, и сообщила двойственность и его міровоззрѣнію.

Онъ хотѣлъ быть равно близкимъ и желаннымъ, и тутъ и тамъ. Хотѣлъ быть любящимъ и любимымъ членомъ, и пышнаго Двора Екатерины, и скромнаго Двора Цесаревича Павла...

Передъ бабушкой Онъ благоговѣлъ... Мать любилъ преданно и горячо.... Отца какъ-то инстинктивно жалѣлъ, чуткой дѣтской душой понимая, что по отношенію къ нему творится что-то недолжное, несправедливое...

Въ общемъ, Александръ былъ по женски чувствителенъ и нервенъ, и необходимость скрывать на душѣ всѣ переживаемыя впечатлѣнія, и привѣтливо улыбаться когда въ груди кипѣли слезы, наложила на всю дальнѣйшую жизнь

Его, печать чего-то недосказаннаго, какъ бы таинственнаго... Онъ не притворялся... нѣтъ... Онъ былъ вполнѣ искрененъ... Но ту горькую правду, до которой Онъ могъ додуматься своимъ дѣтскимъ умомъ, Онъ держалъ упорно про себя, и на прелестномъ дѣтскомъ личикѣ, равно какъ и впослѣдствіи на лицѣ вполнѣ сформировавшагося человѣка, никогда нельзя было съ точностью прочесть воодушевлявшаго Его чувства.

Въ ранней молодости, эта загадочность составляла одну изъ главныхъ прелестей этого обаятельнаго человѣка... Впослѣдствіи, она у многихъ стала отнимать вѣру въ Него. Онъ рано ушелъ въ себя, и мистическое настроеніе, такою красной нитью прошедшее чрезъ всю Его жизнь, явилось отзвукомъ раннихъ впечатлѣній Его юности.

Великій Князь Константинъ не раздѣлялъ, ни тяжелыхъ впечатлѣній брата, ни Его мрачныхъ предчувствій. Это была натура болѣе примитивная, болѣе непосредственная и грубая. Но уменъ Константинъ былъ исключительно, его быстрые и остроумные отвѣты ставили въ тупикъ всѣхъ, его окружавшихъ, и Императрица, нерѣдко строго взыскивавшая съ Него за Его рѣзкія выходки, называла меньшаго внука не иначе какъ enfant terrible.

Въ желаніи отпарировать то, что ему казалось нападкомъ или несправедливостью, Константинъ Павловичъ не останавливался ни передъ чѣмъ, и когда одинъ изъ его учителей, Сакенъ, возмущенный его упорной и непобѣдимой лѣнью, строго замѣтилъ ему, что необходимо русскому Великому Князю хоть читать-то выучиться, маленькій шалунъ рѣзко отвѣтилъ:

— Не буду читать... Не нахожу нужнымъ... потому вижу, что вы вотъ, умѣете читать, а дѣлаетесь со дня на день все глупѣе!..

Подобныя рѣзкія выходки, конечно, не проходили ему даромъ, но Онъ не унимался и на Него не дѣйствовали даже просьбы и уговоры брата, съ которымъ Его связывала самая искренняя дружба, сохранившаяся на всю ихъ дальнѣйшую жизнь.

За Александромъ Павловичемъ, напротивъ, почти никакихъ шалостей не замѣчалось, и случаи когда Императрицѣ прихо-

дилось прибѣгать къ какимъ-нибудь репрессивнымъ мѣрамъ по Его адресу, были очень рѣдки, и равно тяжело отзывались какъ на ребенкѣ, такъ и на августѣйшей бабушкѣ.

Въ интимныхъ запискахъ одного изъ лицъ близко стоявшихъ ко Двору Императрицы Екатерины, сохранился разсказъ о томъ, какъ однажды Императрица, предсѣдательствуя въ „Совѣтѣ Государственныхъ чиновъ“, все время казалась необыкновенно смущенной и какъ будто растерянной. Всѣ это замѣтили, но никто не рѣшался спросить о причинѣ такого видимаго, и непривычнаго Императрицѣ, смущенія.

Она сама разрѣшила всеобщее недоумѣніе, и поднявшись съ мѣста, съ улыбкой обратилась къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Господа!.. Уходя, Я заперла Александра за шалости одного въ комнатѣ, и у Меня теперь душа не на мѣстѣ, покуда Я не пойду и не выпущу его“...

Въ горячей любви къ внуку Она никогда не называла Его иначе, какъ „мой Александръ“, и съ первой минуты Его рожденія уже намѣтила его своимъ прямымъ и непосредственнымъ Наслѣдникомъ, помимо нелюбимаго сына Ея, Цесаревича Павла.

И не одна Императрица такъ горячо любила Великаго Князя. Онъ, по единодушному сознанію лицъ близко Его видавшихъ, почти магически дѣйствовалъ на всѣхъ окружающихъ.

Много способствовала этому очарованію и привлекательная наружность Александра, который, по свидѣтельству современниковъ, былъ очень красивъ, и до конца жизни своей отличался необычайной моложавостью.

Онъ былъ бѣлокуръ, съ большими и кроткими голубыми глазами, и слегка вьющимися бѣлокурыми волосами.

Въ общемъ, въ наружности Его было много женственнаго. Голосъ у Него былъ нѣжный, манеры мягкія, жесты граціозные, и всему этому придавала особую прелесть легкая застѣнчивость, которой Онъ не могъ побѣдить даже въ зрѣломъ возрастѣ.

Росъ и физически развивался Онъ чрезвычайно быстро, и стоя подъ вѣнцомъ 15 лѣтъ отъ роду, казался юношей, а не ребенкомъ, какимъ Онъ былъ въ дѣйствительности.

И наставниковъ, и воспитателей, и учителей для внуковъ своихъ, Екатерина выбирала сама, и въ выборѣ этомъ слегка чувствовалось ея пристрастіе ко всему англійскому. Это сказалось, между прочимъ, въ томъ, что въ законоучители къ Великому Князю Александру Павловичу приглашенъ былъ священникъ Андрей Афанасьевичъ Самборскій, долгіе годы состоявшій при нашемъ посольствѣ въ Великобританіи, и такъ освоившійся съ этой страной, что ему же Императрица поручила и преподаваніе Великому Князю, англійскаго языка.

Остальными преподавателями Великихъ Князей были: знаменитый Палласъ, преподававшій имъ ботанику, полковникъ Массонъ, преподававшій математику, профессоръ Крафтъ, читавшій имъ экспериментальную физику, и извѣстный писатель Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, которому поручены были лекціи по русской словесности, а въ послѣдствіи и нравственной философіи.

Одновременно съ этимъ, приглашенъ былъ Екатериной въ наставники къ Великому Князю Александру Павловичу, швейцарскій педагогъ Лагарпъ, имѣвшій громадное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь, и на все царствованіе своего державнаго ученика и воспитанника.

Фридрихъ Цезарь Лагарпъ, или какъ его живо окрестили у насъ на Руси, Петръ Ивановичъ Лагарпъ, былъ человѣкъ замѣчательный какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Сынъ свободной страны, съ дѣтства выросшій и воспитавшійся среди свободнаго народа, онъ не увлекся крайностями республиканскаго ученія и республиканскихъ теорій, сумѣлъ удержаться въ предѣлахъ строго разумнаго философскаго ученія, и явился вполнѣ достойнымъ того высокаго избранія, какимъ почтила его геніальная правительница великой державы.

Изъ строго выработаннаго курса ученія Великаго Князя Александра Павловича, совершенно изгнаны были музыка и стихосложеніе. И то и другое, Екатерина считала пустою тратой времени. Александръ и самъ не оказывалъ никакого расположенія къ музыкѣ, а о театрѣ отзывался, какъ объ учрежденіи совершенно безполезномъ: „Никто бы ничего

не потерялъ, ежели бы театра совсѣмъ не было"!..—говорилъ Онъ своимъ спокойнымъ, слегка презрительнымъ тономъ, и въ Его царствованіи русская сцена не обогатилась ни однимъ выдающимся талантомъ.

Нельзя не признать, что какъ отъ музыки такъ и отъ театра, Александра значительно отдаляло то, что Онъ былъ отъ природы нѣсколько тугъ на ухо, недостатокъ который Онъ тщательно скрывалъ, и сознаніе котораго сильно удручало Его.

Напрягая слухъ чтобы уловить все Ему сказанное, и не пропустить того что говорилось кругомъ, Онъ зорко и подозрительно слѣдилъ за разговаривавшими, стараясь и въ то же время боясь уловить на ихъ лицахъ, оскорбительную насмѣшку.

Несмотря на то что оба Великіе Князя росли вмѣстѣ, въ характерахъ обоихъ замѣчалась существенная разница.

Въ то время какъ Александръ чутко отражалъ на себѣ вліяніе всего его окружавшаго, Константинъ, по мѣткому выраженію Императрицы, выросъ и навсегда остался „самъ собою".

На нравственномъ обликѣ Александра Павловича, глубокими неизгладимыми чертами отразилось вліяніе Лагарпа, и связь державнаго воспитанника съ выдающимся воспитателемъ, не нарушилась съ годами.

Александръ сохранилъ къ Лагарпу самую искреннюю и преданную дружбу и, войдя побѣдителемъ въ Парижъ, отыскалъ тамъ жену своего бывшаго воспитателя, и посѣтилъ ея лично, въ ее скромномъ жилищѣ.

Лагарпъ многими годами пережилъ своего державнаго воспитанника, и умеръ только въ 1838 году.

Цесаревичъ Павелъ не любилъ Лагарпа, не сочувствовалъ тому, что швейцарскому выходцу довѣрено было воспитаніе будущаго русскаго Императора, и тотчасъ послѣ восшествія своего на престолъ, лишилъ Лагарпа той скромной пенсіи, которая была дарована ему при его отъѣздѣ изъ Россіи.

Если можно было въ чемъ-нибудь упрекнуть Лагарпа, какъ воспитателя, то развѣ только въ томъ оттѣнкѣ мизантропіи, благодаря которому онъ самъ не вѣрилъ ни въ чью

дружбу и ни въ чью преданность, и державному воспитаннику своему, внушалъ тоже горькое недовѣріе.

Александръ чутко воспринималъ все что внушалъ Ему его воспитатель, и на одномъ пунктѣ только учитель и ученикъ не сходились и не могли сойтись, это на пунктѣ религіи.

Лагарпъ былъ чуждъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, тогда какъ Александръ съ дѣтства вѣрилъ свято и глубоко, и вѣра эта подготовляла въ немъ то мистическое настроеніе, которое овладѣло имъ впослѣдствіи.

Но строго тактичный Лагарпъ, и не вступалъ съ воспитанникомъ своимъ ни въ какія клерикальныя пренія. Онъ предоставлялъ духовному руководителю Великаго Князя, направлять его на этомъ пути, замалчивая тѣ вопросы, которыхъ онъ касаться не могъ и не хотѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, вліяніе Лагарпа, какъ передового человѣка, старавшагося держаться не только на уровнѣ переживаемой имъ эпохи, но и опережать ее по возможности, сказалось на воспитаніи Великаго Князя Александра Павловича и сказалось не совсѣмъ отраднымъ образомъ.

Открывая передъ быстро развивавшимся умомъ ребенка, едва доступные Ему широкіе горизонты, и пробуждая въ Немъ неопредѣленные порывы къ чему-то далекому, неизвѣданному, онъ въ то же время будилъ въ юномъ сердцѣ, невольный ропотъ противъ всего Его окружавшаго.

Не загадочный историческій Сфинксъ взошелъ на ступени русскаго престола, въ лицѣ Императора Александра I... На нихъ взошелъ утомленный внутренней борьбою представитель въ конецъ разъединенной царственной семьи, со скорбными тѣнями отца и дѣда на порогѣ тронной залы... съ потоками царской крови на ступеняхъ могучаго трона.

И все мистическое настроеніе послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра, и тѣ легенды которыя впослѣдствіи сложились вокругъ Его имени, являются пережиткомъ того далекаго прошлаго, которое никогда не могло изгладиться ни изъ Его памяти, ни изъ Его потрясеннаго воображенія!

Но время шло... Великій Князь росъ и мужалъ не по годамъ и 14 лѣтъ получилъ отъ Императрицы разрѣшеніе

явиться на придворный балъ въ полномъ бальномъ костюмѣ, „какъ бо́льшіе“...

Екатерина, любуясь красавцемъ внукомъ замѣтила, что скоро пора уже будетъ думать и о Его женитьбѣ.

Ея любящее сердце какъ будто почувствовало, что этотъ балъ будетъ рѣшительнымъ въ жизни ея горячо любимаго внука.

Въ этотъ вечеръ Онъ впервые встрѣтился съ Княжною Маріей Антоновной Четвертинской, впослѣдствіи Нарышкиной, имѣвшей такое крупное и неотразимое вліяніе на всю жизнь Его.

Княжна Четвертинская затмила красотою всѣхъ присутствующихъ и обратила на себя исключительное вниманіе Великаго Князя Александра Павловича.

Онъ весь вечеръ не отходилъ отъ нея, въ антрактахъ между танцами разговаривалъ только съ ней, держалъ ея вѣеръ, или по тогдашнему „опахало“, и прощаясь съ ней по окончаніи бала, съ дрожью въ голосѣ сказалъ, что никогда не забудетъ этого вечера... Онъ, дѣйствительно, не забылъ его... Не забылъ до своего смертнаго часа...

За этимъ баломъ послѣдовали другіе...

Княжна Четвертинская была неизмѣнной царицей всѣхъ празднествъ, и родственники ея, гордые и заносчивые поляки, строили на этомъ увлеченіи, самые смѣлые планы.

Не ускользнула молодая пылкая страсть внука и отъ вниманія Императрицы, и она рѣшилась откровенно поговорить съ Нимъ по этому поводу.

Всегда прямой и чуждый всякой фальши, Великій Князь чистосердечно сознался Бабушкѣ въ своей любви къ княжнѣ, и заявилъ, что никогда ни на комъ кромѣ нея, не женится.

Гнѣвъ закипѣлъ въ душѣ Екатерины при этомъ отвѣтѣ... но она сдержалась, и молча безъ упрековъ выслушавъ откровенное признаніе внука, въ душѣ дала себѣ слово безотлагательно приступить къ выбору невѣсты для Великаго Князя.

Браки въ то далекое время совершались рано, и никому не показалось страннымъ, что для 15-ти лѣтняго жениха стали розыскивать подходящую по возрасту невѣсту, среди принцессъ европейскихъ Дворовъ.

Порученіе это возложено было на представителей нашего правительства при иностранныхъ Дворахъ, и спустя нѣкоторое время Императрицѣ было указано на двухъ принцессъ Баденскихъ Луизу и Фридерику, которыя были не совсѣмъ чужды нашему Двору, такъ какъ родная тетка ихъ была первой женой Цесаревича Павла Петровича.

Переговоры начатые по этому поводу между посольствами обоихъ Дворовъ, быстро привели къ заочному соглашенію.

Императрица объявила о предполагаемомъ сватовствѣ Великому Князю Александру Павловичу, и сообщеніе это повергло Его въ отчаяніе. Пылкая любовь Его къ красавицѣ княжнѣ Четвертинской росла съ каждымъ днемъ, и одна мысль о вѣчной разлукѣ съ ней, заставляла Его страдать.

До княжны тоже дошла вѣсть о предполагаемомъ бракѣ ея державнаго поклонника, и она, какъ разсчетливая кокетка, поспѣшила притвориться убитой одной мыслью объ этомъ ненавистномъ ей бракѣ.

Разнеслась вѣсть о ея смертельной болѣзни, но повѣрилъ этой болѣзни только влюбленный Великій Князь, который ежедневно, а иногда и по нѣсколько разъ въ день, освѣдомлялся о положеніи мнимой больной.

Великій Князь Константинъ первый старался разубѣдить и успокоить брата, и Александру Павловичу скоро пришлось понять и сознаться, что онъ былъ правъ.

Юному жениху секретно передана была записочка отъ княжны Четвертинской, назначавшей Ему свиданіе въ одномъ изъ кулуаровъ Дворца, куда она должна была придти изъ фрейлинскихъ аппартаментовъ, гдѣ жила одна изъ ея родственницъ. Александръ, сильно смущенный такимъ смѣлымъ приглашеніемъ, отвѣтилъ черезъ посланнаго, что исполнитъ желаніе княжны Маріи Антоновны.

Это было Его первое тайное свиданіе съ нею, и понятно то юное, страстное волненіе, которое охватило Его при приближеніи завѣтнаго часа.

Они встрѣтились въ глубокой амбразурѣ окна, въ сторонѣ отъ всякаго движенія.

Александръ весь дрожалъ отъ волненія...

Княжна тоже была смущена, но быстро овладѣла собой.

Она выдержала намѣченную Ею роль, и дрожащимъ голосомъ, какъ бы сдерживая душившія ее слезы, тихо сказала:

— Это правда?.. Да?.. Это правда?..

Она не договорила... Не произнесла слово „бракъ“.

Но Великій Князь понялъ ее, и, опустивъ голову на грудь, тихо отвѣтилъ:

— Да... Правда!..

Она эакрыла руками лицо... и конвульсивно зарыдала...

Все это было дѣланное... притворное... но Онъ всему безусловно вѣрилъ...

— Я возвращаю вамъ ваше слово!.. — сказала княжна:— Возвращаю вамъ ваши клятвы... Я—полька, а на моей родинѣ... данное слово равняется клятвѣ... и измѣнить клятвѣ нельзя... Забудьте меня, какъ я постараюсь васъ забыть!

Изъ груди влюбленнаго юноши вырвалось рыданіе...

— Васъ забыть?.. — проговорилъ онъ. — Да развѣ это возможно!..

— На престолѣ все возможно... — горько улыбнулась она. — Это одна изъ прерогативъ власти?..

Великій Князь крѣпко сжалъ ея руку... она вырвалась и убѣжала.

Это свиданіе было послѣднимъ между Великимъ Княземъ и княжной Четвертинской.

Наступала осень, а вмѣстѣ съ нею приближался и пріѣздъ въ Россію Баденскихъ принцессъ.

Императрица ассигновала на ихъ путешествіе и на встрѣчу ихъ въ Россіи широкія средства, и пригласила ихъ мать, принцессу Дурлахъ-Баденскую, сопутствовать имъ, но она отказалась отъ приглашенія.

Принцесса была въ Россіи раньше, въ эпоху своей далекой юности, во время помолвки сестры своей съ Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Она горячо любила умершую сестру. Ей было тяжело вернуться къ этому далекому прошлому. Императрица уважила причину отказа и навстрѣчу юнымъ принцессамъ посланы были: тайный совѣтникъ Стрѣкаловъ, и графиня Шувалова.

Александръ готовился къ встрѣчѣ съ будущей подругой жизни, молча и сосредоточенно.

Онъ былъ неузнаваемъ...

Ни прежняго веселья, ни привычнаго задорнаго молодого смѣха... Ничего этого не было...

Присмирѣлъ также и Великій Князь Константинъ, горячо любившій брата, и почти съ суевѣрнымъ ужасомъ находившій что всѣ эти приготовленія къ грядущимъ торжествамъ, носятъ на себѣ что-то мрачное и чуть не погребальное...

Подъ впечатлѣніемъ этой инстинктивной тоски, въ конецъ расшатавшей нервы Великаго Князя Александра Павловича, Ему приснился сонъ, о которомъ Онъ сообщилъ одному только Лагарпу, взявъ съ него слово никому не передавать этого разсказа.

Слово это Лагарпъ твердо и неуклонно сдержалъ. Только послѣ его смерти, въ бумагахъ его найдено было повѣствованіе объ этомъ вѣщемъ снѣ, запечатанное въ особомъ конвертѣ.

Конвертъ этотъ, вмѣстѣ съ другими его бумагами, переданъ былъ одному изъ его друзей, и только 90 лѣтъ спустя, послѣ мученической кончины Императора Александра II, разсказъ Лагарпа обнародованъ былъ въ Парижѣ, въ одномъ изъ періодическихъ изданій.

Въ Россіи, сколько извѣстно, разсказъ о вѣщемъ снѣ Александра Павловича, никогда напечатанъ не былъ. Лагарпъ записалъ его со словъ самого Великаго Князя, какъ бы отъ Его лица.

— Мнѣ снилась широкая, необъятная снѣжная равнина...— такъ началъ свое повѣствованіе Великій Князь.—Кругомъ ни жилья, ни даже деревца... Ни малѣйшаго признака жизни... И среди этой снѣжной пустыни, возвышается одинъ только Зимній дворецъ, въ окна котораго ударяетъ какой-то странный свѣтъ, какъ будто отъ далекаго зарева... Я съ невольнымъ страхомъ оглянулся кругомъ... Никого... Я одинъ... совершенно одинъ!.. И къ дворцу Я будто подойти не могу... Не только прямой торной дороги, но даже ни малѣйшей тропинки не проложено... Все занесено необозримой снѣжной пеленой... Тишина мертвая!.. Ни звука, ни шороха... и вдругъ

среди этой зловѣщей, мертвящей тишины, Я услышалъ странный звукъ, не то крикъ, не то стонъ... Это не былъ голосъ человѣка... не былъ и крикъ звѣря или птицы!.. Это было что-то особенное, до ужаса непостижимое и страшное... Я поднялъ голову, и увидалъ далеко наверху, парящую надъ снѣжной пеленою, птицу... Она широко распростерла крылья, и тихо, незамѣтно, словно плыла надъ землею... постепенно опускаясь все ниже и ниже... Я инстинктивно понялъ, что это былъ орелъ!.. Крика орла Я никогда не слыхалъ, но тѣмъ не менѣе Я былъ увѣренъ, что слышанный мною протяжный, тяжелый стонъ, вырвался именно изъ груди парившаго орла... Онъ спускался все ниже, и пролетая надъ зданіемъ Зимняго дворца, почти коснулся его крылами... Раздался новый крикъ, еще страшнѣе, еще мучительнѣе прежняго, и орелъ, внезапно дрогнувъ, рванулся въ сторону, и опустился на землю въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дворца... Нѣсколько послѣднихъ шаговъ онъ какъ будто проползъ по землѣ, оставляя за собой на снѣгу свѣжій слѣдъ алой крови, и не вдалекѣ отъ меня спустился на снѣгъ, спрятавъ голову подъ откинутое крыло... Мнѣ стало невыразимо грустно и страшно... Я хотѣлъ приблизиться къ раненой птицѣ, хотѣлъ поднять ее... но въ эту минуту надо мной раздался тихій, мучительно грустный голосъ, два раза почти шопотомъ повторившій: „Убили орла!.. Убили орла“!.. Я оглянулся... подлѣ Меня никого не было... а, между тѣмъ, Я явственно ощущалъ чье-то присутствіе... Меня охватилъ ужасъ... Я хотѣлъ поднять руку, чтобы перекреститься, но почувствовалъ, что рука мнѣ не повинуется... Я весь былъ какъ бы парализованъ... Мой невидимый спутникъ, какъ будто подслушивалъ каждое мое внутреннее движеніе... Онъ словно переживалъ со мною всѣ нахлынувшія на меня впечатлѣнія. Онъ понялъ мой страхъ, и тихо, какъ бы успокоительно, произнесъ. „Не бойся этой крови... не Твоя она!.. Прольется царская кровь... но не Твоя... Первый за Тобою... Второй послѣ Тебя... Твоего имени второй!..“

Голосъ затихъ... Я оглянулся... Никого не было ни подлѣ Меня, ни на далекомъ снѣжномъ пространствѣ... Только мертвая бѣлая пелена саваномъ разстилалась вдоль всей

Дворцовой площади... и на ней большимъ, словно разросташимся чернымъ пятномъ, лежалъ убитый орелъ, а вокругъ алѣли пятна свѣжей крови... Я проснулся и долго не могъ придти въ себя... Странный вѣщій голосъ точно стоялъ въ моихъ ушахъ... Громкій, слышанный мною крикъ, прорѣзывалъ воздухъ вокругъ меня... Ничего подобнаго Мнѣ никогда въ жизни ощущать не приходилось!.. Я знаю... Я чувствую, что сонъ это не простой... Это знаменательный, вѣщій сонъ!.. Онъ бѣдою грозитъ царскому Дому. Но Бабушкѣ Я его не передамъ... Она мнительна, и слова мои могутъ ее серьезно напугать!

На этомъ, Великій Князь окончилъ свой разсказъ,—повѣствуетъ дальше Лагарпъ,—и умолкъ по дѣтски прижавшись головой къ моему плечу... Мнѣ стало мучительно жаль Его... Я успокоилъ его какъ могъ, и согласился съ тѣмъ, что Императрицу въ тайну этого вѣщаго сна посвящать никоимъ образомъ не слѣдовало... Императрица была, очень мнительна отъ природы, а исторически подтвержденныя видѣнія, имѣвшія мѣсто какъ въ Ея царствованіе, такъ и въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, еще усилили вѣру Екатерины во все сверхъестественное.

Этотъ разсказъ Лагарпа долгіе годы лежавшій не использованнымъ, обратилъ вниманіе тѣхъ, кто о немъ зналъ, только послѣ рокового событія 1 марта 1881 года, когда до конца исполнилось роковое пророчество, заключавшееся въ словахъ: „Первый за Тобою“... „Второй послѣ Тебя“... и затѣмъ „Твоего имени второй“...

Дѣйствительно, царская кровь послѣ этого пророчества пролита была два раза. Слова: „Первый за Тобою“, несомнѣнно, относятся къ Императору Павлу, а „вторымъ“ послѣ Императора Александра Павловича, равно какъ и Его „имени вторымъ“, является почившій Императоръ Александръ II.

Вѣщій сонъ этотъ былъ не единственнымъ таинственнымъ явленіемъ, въ длинной цѣпи послѣдовательныхъ царствованій членовъ Дома Романовыхъ. Подобныхъ таинственныхъ страницъ въ исторіи ихъ Дома нѣсколько... и постоянно раскрываемая вѣщая историческая книга, еще о многомъ повѣдаетъ на своихъ, долго и осторожно молчавшихъ столбцахъ.

Но возвращаемся къ хронологически послѣдовательному разсказу. Къ тому времени, когда окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о женитьбѣ Великаго Князя, это былъ положительный красавецъ. Въ вопросѣ о Его исключительно красивой наружности, сходятся всѣ историки Его времени.

Онъ не гордился своею красотой, для этого Онъ былъ слишкомъ уменъ, но сфера постоянныхъ блестящихъ баловъ, и та тонкая придворная лесть, какою сопровождался каждый шагъ Великаго Князя, не могли не повліять на Него, и не разжечь его самолюбіе, а на ряду съ этимъ, и его юныя страсти.

Екатерина смѣло и вѣрно разсчитала, что новизна положенія и всѣ тѣ прерогативы, какія дастъ Ея любимцу-внуку Его ранняя женитьба, легко помогутъ Ему забыть пылкую страсть къ княжнѣ Четвертинской.

При Дворѣ предполагался цѣлый рядъ торжествъ, приготовленія къ нимъ шли спѣшныя, денегъ не жалѣли, и личные расходы Великаго Князя были значительно увеличены.

Въ модахъ того времени царила исключительная роскошь, и Великій Князь иначе не появлялся на балахъ своей державной бабушки, какъ въ глазетовыхъ и парчевыхъ кафтанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ брилліантовыми пряжками.

И какъ все это разнилось отъ того, съ чѣмъ Ему приходилось сталкиваться, едва переступая порогъ Гатчинскаго дворца!

Здѣсь глазетовые кафтаны, кружевныя манжеты и жабо, и подвязки съ брилліантовыми пряжками...

Тамъ—неуклюжій мундиръ изъ грубаго сукна, тугой галстухъ подпирающій подбородокъ, перчатки съ громадными кожаными крагами, и огромные, тяжелые ботфорты.

Здѣсь—танцы съ придворными красавицами подъ звуки чуднаго оркестра... граціозные и плавные минуэты... оживленные гавоты и экосезы...

Тамъ—тяжелая маршировка журавлинымъ шагомъ, подъ барабанный бой, во главѣ баталіона строго вымуштрованныхъ солдатъ.

Здѣсь—благоуханіе заграничныхъ духовъ...

Тамъ—тяжелый запахъ дегтя и ворвани, которыми смазывалась грубая кожа форменной военной обуви, смѣшивающійся съ казарменной атмосферой свѣже выпеченнаго хлѣба, и солдатской махорки...

Всѣ эти быстрые переходы ломали молодой, не сложившійся характеръ, вынужденнымъ притворствомъ отравляли молодую душу, и пріучали юнаго Великаго Князя къ двоедушію и притворству...

Женитьба Великаго Князя Александра Павловича, явилась важнымъ переломомъ въ его нравственной и физической жизни... Онъ, проникнувшись сознаніемъ новыхъ обязанностей, сразу возмужалъ, преобразился и еще глубже ушелъ въ себя...

Императрица, приглашая Принцессъ предпринять далекую и трудную поѣздку, не только обезпечивала имъ блестящій и роскошный пріемъ, но брала на себя полную отвѣтственность за устройство ихъ будущности.

Одну изъ нихъ она прочила въ супруги Великому Князю Александру Павловичу, другую обѣщала снабдить богатымъ приданымъ и устроить ея замужество, по личному ея выбору.

Принцессы, въ сопровожденіи Стрѣкалова и графини Шуваловой, прибыли въ Петербургъ 31 октября 1792 года и остановились въ домѣ Шепелева рядомъ съ Эрмитажемъ.

Въ то время домъ этотъ составлялъ часть Запаснаго дворца, а въ настоящее время онъ пристройкой соединенъ съ зданіемъ Эрмитажа.

Пріѣздъ Принцессъ совпалъ съ воскреснымъ днемъ, что Императрица, вообще суевѣрная, считала хорошимъ предзнаменованіемъ.

При входѣ въ отведенное имъ помѣщеніе онѣ встрѣчены были почетнымъ карауломъ, а въ дверяхъ приготовленныхъ для нихъ аппартаментовъ навстрѣчу къ нимъ вышла графиня Браницкая, которой Императрица поручила привѣтствовать молодыхъ принцессъ при первыхъ шагахъ ихъ въ Россіи. Браницкая была родной племянницей свѣтлѣйшаго Князя Потемкина-Таврическаго. Она унаслѣдовала отъ дяди, и его гордую заносчивость, и величавость его обращенія, и молодыя принцессы, никогда не видавшія Императрицу иначе какъ на картинкахъ, приняли Браницкую за Екатерину.

Этой невольной ошибкѣ въ значительной степени помогло то, что Браницкая и ростомъ, и фигурой была похожа на Императрицу, а ея гордая поступь и покровительственный тонъ, довершали иллюзію.

Она встрѣтила молодыхъ принцессъ на порогѣ залы и привѣтствовала ихъ такимъ властнымъ наклоненіемъ головы, что оробѣвшія молодыя дѣвушки переглянулись, и обѣ, по единодушному движенію, опустились на колѣни передъ мнимой Императрицей.

Браницкая безъ особаго смущенія объяснила имъ ихъ ошибку, которая еще яснѣе сказалась имъ въ тотъ-же вечеръ, когда ихъ посѣтила сама Екатерина.

Императрица оказалась далеко не такой гордой и величественной, какъ Браницкая. Она обласкала юныхъ путешественницъ, съ нѣжной заботливостью освѣдомилась всели для нихъ приготовлено, и простилась съ ними, обѣщая навѣстить ихъ на слѣдующее утро, при ихъ пробужденіи.

Она сдержала слово, и не успѣли молодыя дѣвушки встать съ постели, какъ Императрица вошла къ нимъ съ цѣлымъ ворохомъ всевозможныхъ обновокъ и подарковъ. Поверхъ утреннихъ капотовъ Екатерина надѣла на нихъ орденскіе знаки Св. Екатерины, и для постояннаго дежурства при нихъ назначены были: 2 камергера, два камеръюнкера и два камеръ-пажа. Кромѣ того, по приказанію Императрицы, при нихъ поперемѣнно дежурили фрейлины Ея Величества.

Съ перваго взгляда старшая изъ принцессъ, Луиза, овладѣла всѣми симпатіями Императрицы, и выборъ Ея былъ рѣшенъ. Но Она сохранила про себя произведенное впечатлѣніе, предоставляя юному жениху самому сдѣлать выборъ.

Первое свиданіе юной принцессы Луизы съ державнымъ женихомъ, произошло 2-го ноября, въ аппартаментахъ Цесаревича Павла Петровича и его супруги Великой Княгини Марьи Федоровны, нарочно съ этой цѣлью прибывшихъ изъ Гатчины.

Послѣ первой встрѣчи своей съ будущей супругой, Великій Князь Александръ Павловичъ, какъ всегда сдер-

жанный и скрытный, не высказалъ никакого опредѣленнаго мнѣнія, что подало поводъ бойкому и не всегда сдержанному Великому Князю Константину, отведя въ сторону брата, опрометчиво замѣтить:

— Ну, знаешь, по моему, онѣ обѣ хуже!.. И ужъ такія онѣ „нѣмецкія“, что смерть!.. Вотъ бы ихъ обѣихъ за нашихъ герцоговъ Курляндскихъ пристроить!.. Вышли бы марьяжи хоть куда!..

Александръ промолчалъ, но слова брата не понравились Ему. Онъ, чаще встрѣчаясь съ Принцессой Луизой, началъ говорить о ней съ нескрываемымъ восторгомъ, и Екатерина съ особымъ удовольствіемъ наблюдала за ихъ постояннымъ сближеніемъ.

Принцесса Фредерика совершенно отошла на второй планъ, что, повидимому, мало ее огорчало. Русскій Дворъ такъ же мало понравился ей, какъ и она русскому Двору.

Принцесса Луиза была и красивѣе, и привѣтливѣе, и симпатичнѣе своей сестры, и всѣ современники единодушно признаютъ, ежели не ея исключительную красоту, то исключительную миловидность ея.

Главную прелесть ея наружности составляла чарующая улыбка, придававшая лицу принцессы сходство съ находившейся въ Царскомъ Селѣ статуей Психеи, работы знаменитаго скульптора Кановы. Съ Психеей сравнивали принцессу Луизу и всѣ современные ей поэты, во главѣ съ Державинымъ, который былъ положительно неистощимъ на восхваленіе всякой власти и всякаго могущества.

1793 годъ начался приготовленіями къ цѣлой серіи празднествъ по случаю предстоящаго обрученія и брака Великаго Князя. Онъ лично принималъ въ нихъ горячее участіе и, самъ того не сознавая, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увлекался своей будущей супругой. Въ сущности, они оба были еще дѣти!.. Прелестные, очаровательные... но все таки дѣти!.. Жениху едва исполнилось 15 лѣтъ... Невѣстѣ не было еще полныхъ 14!.. Обрядъ миропомазанія принцессы Луизы совершенъ былъ съ большой торжественностью 9-го мая 1793 года въ Большой церкви Зимняго дворца, той самой, въ которой за 15 лѣтъ передъ тѣмъ, происходило крещеніе

Великаго Князя. Воспріемницей принцессы, нареченной Елизаветой Алексѣевной, была игуменья Новгородскаго Сирскаго монастыря, Александра Матвѣевна Шубина.

На слѣдующій день, 10 мая, состоялось обрученіе, причемъ Императрица сама обмѣняла и надѣла на руки жениха и невѣсты, обручальныя кольца.

Великій Князь казался очень растроганнымъ и усердно молился. Видно было что Онъ съ полной вѣрой и съ чистымъ, любящимъ сердцемъ, вступалъ въ новую жизнь...

Онъ вѣрилъ въ нее... вѣрилъ въ прочность ожидавшаго Его счастья... и не Его вина, ежели надежды его не сбылись, или сбылись не полно!..

Къ этому времени составленъ былъ и будущій Дворъ Великаго Князя, и составленъ очень неудачно.

Кромѣ графа Головкина и Тутолмина, не было ни одного достойнаго лица!.. Изъ женскаго персонала Двора, ближе всѣхъ къ будущей Великой Княгинѣ призваны были стоять графиня Шувалова, рожденная Салтыкова, и дочь ея, Княгиня Голицына.

Трудно было сдѣлать менѣе удачный выборъ.

Графиня крайне недружелюбно относилась къ юной царственной четѣ, старалась подчеркнуть всѣ недостатки какъ Великаго Князя такъ и Его будущей супруги, и въ интимныхъ кружкахъ безцеремонно передразнивала обоихъ, открыто глумясь надъ глухотою Александра. Не лучше была и ея дочь, почти насильно выданная за Голицына, и искренно ненавидѣвшая своего мужа.

Вообще, интригами былъ переполненъ Дворъ Императрицы, и при всей стойкости своего характера, Екатерина нерѣдко поддавалась вліянію окружавшихъ ее, и часто бывала несправедлива къ людямъ вполнѣ достойнымъ.

Къ числу лицъ подпавшихъ въ серьезную немилость къ Государынѣ, принадлежалъ воспитатель Александра Павловича Лагарпъ, сдѣлавшійся жертвой интриги, направленной противъ него принцемъ Нассаускимъ, и графомъ Эстергази. Имъ удалось внушить Императрицѣ, что Лагарпъ, поддерживая тѣсную связь со Швейцаріей гдѣ въ это время шло сильное политическое броженіе, являлся лицомъ вреднымъ

для Россіи въ политическомъ отношеніи. Императрица повѣривъ инсинуаціи, обошла Лагарпа при раздачѣ наградъ, послѣдовавшихъ по случаю помолвки и обрученія его недавняго воспитанника, и довела обиженнаго швейцарца до того, что онъ порѣшилъ подать въ отставку.

Но послѣ личнаго объясненія съ Лагарпомъ, Императрица поняла свою ошибку, и убѣдила его остаться при Дворѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ брака Великаго Князя, предполагалось возобновленіе Его учебныхъ занятій.

Лагарпъ покорился желанію Императрицы, хотя и замѣтилъ со свойственной ему откровенностью, что на серьезныя и пристальныя занятія своего женатаго воспитанника, онъ мало надѣется.

Плохо шли занятія и въ послѣдній мѣсяцъ передъ свадьбой. Юный женихъ проводилъ все свое время съ невѣстой, къ которой онъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался и понятно, что Ему было не до ученья.

Не серьезно занимался и Великій Князь Константинъ, вообще не прикладывавшій особеннаго усердія къ наукамъ.

Живой, вспыльчивый, нетерпѣливый и очень не сдержанный въ порывахъ гнѣва, Константинъ Павловичъ характеромъ сильно напоминалъ своего отца. Какъ Павелъ Петровичъ онъ любилъ военное дѣло, и маршировку ставилъ выше всего.

Эти вкусы вполнѣ совпадали какъ съ желаніями и симпатіями отца, такъ и съ рѣшеніемъ Императрицы, сдѣлать изъ Великаго Князя Константина, спеціально военнаго человѣка. Но отнюдь не желаніе угодить державной бабушкѣ руководило Константиномъ, въ его приверженности къ военному дѣлу. Онъ бабушку любилъ несравненно менѣе нежели отца, привязанность къ которому росла въ немъ съ каждымъ днемъ, и особенно ярко блеснула въ послѣдніе годы жизни Императора Павла Петровича. Онъ любилъ его какой-то особой, тревожной любовью, въ одно и то же время и почтительной, и слегка покровительственной.

Онъ сознавалъ, что къ отцу его относятся несправедливо, страдалъ за все то, что Цесаревичу приходилось переносить отъ Императрицы и Ея дерзкихъ фаворитовъ, и съ глубоко

уязвленнымъ самолюбіемъ слѣдилъ за той неизмѣримой разницей, которая существовала между большимъ Екатерининскимъ Дворомъ, и скромнымъ Дворомъ Цесаревича, въ Гатчинѣ.

Екатерина зорко наблюдала за характеромъ внука и его сходство съ характеромъ Цесаревича, сильно Ее озабочивало.

Отъ грядущаго царствованія сына Она не ждала ничего хорошаго, и присутствіе въ семьѣ „втораго Павла“, какъ иногда, въ минуты гнѣва, называла Она внука, было для Нея источникомъ нравственнаго страданія.

Съ приближающейся женитьбой старшаго брата, Константинъ совершенно примирился. Къ будущей невѣсткѣ своей онъ былъ внимателенъ и любезенъ, и только сестру ея принцессу Фредерику, не долюбливалъ, не скрывая своей непріязни къ ней. Но непріязни этой некогда было развиться.

Принцесса Фредерика была отозвана на родину и уѣхала изъ Россіи 6-го августа 1793 года, за мѣсяцъ до свадьбы сестры. Разлука была тяжелая, и обѣ принцессы такъ горько плакали, что глядя на нихъ заплакалъ и Великій Князь.

Наканунѣ отъѣзда принцессы, ее посѣтила Императрица, и щедро одаривъ ее на прощанье, выразила сожалѣніе, что Она не увидитъ ее въ день свадьбы будущей русской Императрицы. Она именно такъ выразилась, давая этимъ чувствовать, что на воцареніе сына Она смотритъ какъ на что-то временное, невѣрное и ненадежное...

Къ 30-му августа Великій Князь Александръ переѣхалъ въ Таврическій Дворецъ, и тамъ отпразднованъ былъ день Его именинъ.

Вообще, веселье при Дворѣ возстановилось полное, совершенно забыта была уѣхавшая принцесса Фредерика, и не дремала только, глубоко уязвленная въ своемъ самолюбіи, красавица княжна Четвертинская.

Она издали слѣдила за своимъ недавнимъ державнымъ поклонникомъ, выслушивала подробные разсказы о переживаемомъ Имъ молодомъ счастіи, и вся горѣла желаніемъ такъ или иначе нарушить его безмятежный, счастливый покой.

Поддержку въ этомъ не особенно похвальномъ чувствѣ, она находила въ своихъ родственникахъ, подъ вліяніемъ

которыхъ при Дворѣ составилась партія кровныхъ поляковъ, въ силу національной гордости, принявшихъ участіе въ судьбѣ княжны Четвертинской.

До слуха Екатерины дошли, и этотъ тайный ропотъ, и эта тайная вражда, и Она, движимая чувствомъ осторожности, а быть можетъ и участія къ молодой красавицѣ, порѣшила найти ей выгодную и приличную партію.

Впослѣдствіи это осуществилось бракомъ Маріи Антоновны Четвертинской съ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ, при чемъ богатое приданое невѣсты было еще увеличено щедрыми подарками Императрицы.

Но свадьба Четвертинской была рѣшена и отпраздно-

вана позднѣе, въ моментъ же бракосочетанія Великаго Князя Александра Павловича, и сама Марья Антоновна, и всѣ ея сторонники переживали часы открытаго возмущенія и волненія.

Передъ самой свадьбой при Дворѣ данъ былъ балъ, на который княжна Четвертинская приглашенія не получила, и за это новое оскорбленіе она порѣшила по-своему отомстить.

Она подкараулила Великаго Князя въ одномъ изъ кулуаровъ Дворца, и хотѣла приступить къ Нему съ новымъ объясненіемъ, но Онъ рѣшительно отклонилъ всякій разговоръ, и холодно и учтиво поклонившись, прошелъ мимо.

— До свиданья, ваше высочество!.. Я не прощаюсь съ вами, а говорю вамъ до свиданія!.. — громко крикнула Ему вслѣдъ смѣлая молодая дѣвушка, и въ эту минуту она знала что говорила.

Она дѣйствительно не прощалась съ Нимъ!..

Она знала, что рано или поздно, Онъ къ ней вернется!..

День бракосочетанія Великаго Князя приближался, и какъ женихъ такъ и невѣста встрѣчали его съ равнымъ благоговѣйнымъ трепетомъ. Оба они, по свидѣтельству близко стоявшихъ къ нимъ лицъ, наканунѣ этого дня горячо молились за литургіей, въ Большой церкви Зимняго Дворца.

Вѣнчаніе назначено было на 23-е сентября 1793 года, и въ этотъ день, съ ранняго утра, всѣ наличныя войска были подъ ружьемъ.

Въ 8 часовъ утра съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости раздался сигнальный призывъ, и всѣ полки въ количествѣ 14.527 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Салтыкова, разомъ двинулись по направленію къ Зимнему Дворцу, и заняли, какъ площадь передъ Дворцомъ, такъ и всѣ прилегавшія къ нему улицы.

Къ 10 часамъ, во Дворецъ съѣхались всѣ приглашенные, а съ 11-ти на половинѣ Императрицы начался туалетъ невѣсты, при которомъ присутствовала сама Екатерина.

Она лично руководила всѣмъ, но отказалась приколоть вуаль, и надѣть на невѣсту серьги, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что по русскому повѣрью, какъ то такъ и другое должно быть исполнено женщиной, исключительно счастливой въ замужествѣ.

— Я къ этой категоріи никогда не принадлежала!..—съ грустной улыбкой прибавила Императрица.

Въ 12 часовъ, при пушечной пальбѣ съ бастіоновъ Адмиралтейской крѣпости, парадное шествіе тронулось изъ внутреннихъ аппартаментовъ Государыни, къ Большой церкви Зимняго Дворца.

Обрядъ вѣнчанія совершалъ протопресвитеръ соборной церкви отецъ Лукьянъ Протопоповъ, а шаферами были: у Великаго Князя меньшой братъ его В. К. Константинъ Павловичъ, а у Великой Княгини графъ Кушелевъ.

На новобрачномъ въ этотъ день былъ серебряный глазетовый кафтанъ, съ брилліантовыми пуговицами. Поверхъ кафтана надѣты были алмазные знаки ордена Андрея Первозваннаго.

На августѣйшей невѣстѣ было платье изъ такого же серебрянаго глазета, роскошно убранное брилліантами и жемчугомъ.

Оба они подъ вѣнцемъ, по свидѣтельству современниковъ, были ослѣпительно хороши, и всѣ единодушно ими любовались.

По совершеніи обряда, новобрачные подошли къ Императрицѣ, которая прослезившись обняла ихъ. За этимъ послѣдовалъ благодарственный молебенъ, и при пѣніи „Тебѣ Бога хвалимъ“ раздалась въ войскахъ пальба бѣглымъ

огнемъ, на которую отвѣтилъ громъ пушекъ съ бастіоновъ Адмиралтейства и Петропавловской крѣпости.

По окончаніи церемоніи, раздался торжественный звонъ во всѣхъ церквахъ столицы, длившійся затѣмъ три дня.

Въ 2 часа въ дворцовой галлереѣ накрытъ былъ парадный обѣденный столъ, за которымъ для молодыхъ, вмѣстѣ съ Императрицей, поставлены были особые приборы, подъ парчевымъ золотымъ балдахиномъ.

Скатерть на столѣ была изъ розъ и незабудокъ, и подъ ноги молодымъ, во время ихъ шествія, бросали цвѣты.

Во время обѣда исполнено было нѣсколько избранныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ нумеровъ, и въ томъ числѣ особая кантата, слова которой написаны были Державинымъ.

Заздравный тостъ сопровождался пушечной пальбой, и по окончаніи обѣда, молодые удалились, чтобы переодѣться къ предстоявшему балу, назначенному въ 5 часовъ.

Балъ былъ непродолжителенъ. Всѣ утомились и отъ торжественныхъ процессій, и отъ впечатлѣній пережитаго дня, и въ 7 часовъ молодые удалились въ приготовленные для нихъ покои.

Весь городъ въ этотъ вечеръ былъ блестяще освѣщенъ, и роскошная иллюминація горѣла до поздней ночи, собирая на улицахъ оживленныя толпы народа.

Ликованіе было всеобщее...

Давно Петербургъ не переживалъ минуты такого нервнаго подъема!..

Константинъ Павловичъ, горячо любившій брата, былъ весь радость и оживленіе, и угрюмѣе всѣхъ встрѣтилъ эти знаменательныя минуты Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, видѣвшій въ той помпѣ, какою Императрица окружила бракосочетаніе любимаго внука, желаніе унизить *Его*, какъ прямого наслѣдника Престола.

При Дворѣ въ то время уже ходили слухи о намѣреніи Императрицы передать Престолъ внуку, минуя сына, слухи эти, несомнѣнно, доходили до Цесаревича, и онъ не могъ покориться той второстепенной роли, какую ему приходилось играть.

Въ числѣ празднествъ, которыя давались въ честь молодыхъ, данъ былъ большой балъ въ Гатчинѣ, на что Императрицей отпущены были спеціальныя средства.

Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна была еще во всемъ блескѣ своей молодости и красоты, и казалась скорѣе сестрою, нежели свекровью Елизаветы Алексѣевны.

Она приняла молодыхъ съ нѣжной привѣтливостью, всѣми силами стараясь загладить тотъ холодный пріемъ, какой они встрѣтили со стороны ничѣмъ не стѣснявшагося Цесаревича.

— Великій Князь не совсѣмъ здоровъ!.. — слегка конфузясь, говорила она, стараясь оправдать непривѣтливость мужа. — Онъ слегка простудился на ученьѣ!..

Елизавета Алексѣевна покорно улыбалась, сочувствуя неловкому положенію свекрови...

Александръ Павловичъ молчалъ, чувствуя себя какъ бы виноватымъ передъ женой...

Этотъ скучный и неудачный праздникъ не повторился...

Личныя средства Цесаревича не позволяли Ему большихъ тратъ, а прибѣгать къ щедротамъ Матери Онъ не любилъ.

Да и тяготился Онъ придворною жизнью.

Онъ счастливъ былъ вернуться къ своимъ ученьямъ и парадамъ, ближайшимъ участникомъ которыхъ всего чаще былъ Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Первое время супружеской жизни Великаго Князя Александра Павловича, было сплошною цѣпью радости и счастья. Молодые обожали другъ друга, и всѣ окружающіе, видя вліяніе Елизаветы Алексѣевны на мужа, заранѣе предсказывали, что она призвана со временемъ занять первенствующую роль въ государственномъ управленіи.

Юный супругъ глядѣлъ ей въ глаза, старался угадать Ея малѣйшее желаніе, Ея малѣйшій капризъ, и во всемъ, отъ мелочей до самыхъ важныхъ вопросовъ, признавалась только Ея воля.

Императрица радовалась такому настроенію, но, вмѣстѣ съ этимъ, не могла не обратить вниманія и на то, что новыя условія жизни совершенно отвлекли молодого супруга отъ дальнѣйшаго ученія, и что занятія Его совершенно пріостановились.

Глядя на него, пересталъ заниматься и Великій Князь Константинъ, и въ запискахъ, веденныхъ ихъ профессорами за это время, встрѣчаются единодушныя жалобы на ихъ охлажденіе къ наукамъ.

Съ наступленіемъ весны молодые переѣхали въ Царское Село, гдѣ расположились на житье въ небольшомъ одноэтажномъ деревянномъ дворцѣ, очень понравившемся Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Лѣто прошло среди обычныхъ развлеченій. Было нѣсколько блестящихъ спектаклей, было устроено нѣсколько кавалькадъ и катаній, но все это было до крайности однообразно и ни въ какомъ случаѣ не могло наполнить жизнь.

Отъ серьезныхъ занятій Великій Князь отсталъ, окружавшія Его лица не могли и не умѣли внести въ Его жизнь того одухотворяющаго элемента, который одинъ способенъ былъ бы оградить Его отъ надвигавшихся на Него чувствъ усталости и ранняго пресыщенія...

Душа рвалась къ чему-то новому, неизвѣданному...

Пылкая молодая кровь ключемъ била въ жилахъ, и не находила себѣ полнаго отклика въ законныхъ, въ строгія рамки вдвинутыхъ ласкахъ, которыя Онъ встрѣчалъ у своего „потухающаго камелька“, какъ Онъ, со второго года женитьбы, уже называлъ свой домашній очагъ.

Отвѣтственность за это такъ рано наступившее разочарованіе отчасти падаетъ и на молодую супругу, слишкомъ „понѣмецки“ отвѣчавшую на бурные порывы страсти, молодого мужа...

Воспитанная въ строгихъ правилахъ Германскаго Двора, съ дѣтства подчиненная своеобразнымъ понятіямъ о „приличіи“, сдержанности, и ложномъ этикетѣ, Великая Княгиня нерѣдко тяготилась порывистыми ласками мужа, отстранялась, и даже, какъ будто защищалась отъ нихъ...

Великаго Князя это сначала огорчало, потомъ стало раздражать, а затѣмъ, мало-помалу, наступилъ моментъ полнаго охлажденія. Александръ скучалъ, тяготился однообразіемъ своей жизни, съ брезгливымъ презрѣніемъ относился къ окружающимъ Его льстецамъ, не вѣрилъ почти ни въ чью искренность, и въ началѣ 1796 года, т. е. послѣ двух-

лѣтняго супружества, Онъ писалъ къ одному изъ горячо любимыхъ Имъ друзей, Виктору Павловичу Кочубею:

„Мое положеніе Меня вовсе не удовлетворяетъ. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя лакеями... Словомъ, Я сознаю, что Я не рожденъ для того высокаго сана, который Я ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго Мнѣ въ будущемъ".

Нѣсколько позднѣе Александръ пишетъ къ тому же Кочубею:

„Я отойду отъ власти!.. Я откажусь отъ нея!.. Я поклялся въ душѣ привести Мой планъ въ исполненіе и вотъ та важная тайна, которую Я давно хотѣлъ сообщить вамъ".

Вдаваясь далѣе въ строгій анализъ всѣхъ существующихъ въ Россіи порядковъ, Александръ, съ чувствомъ искренняго и глубокаго негодованія, пишетъ:

„Во всѣхъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ. Грабежъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а Имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей, возможно ли одному человѣку управлять государствомъ? Это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно Мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а Я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, нежели исполнить его дурно. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (Я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы".

Это писалъ человѣкъ, еще не достигнувшій 20-ти лѣтняго возраста!.. Человѣкъ, окруженный всѣми очарованіями, всѣми обольщеніями жизни... всѣми прерогативами грядущаго могущества.

Приведенные отрывки писемъ, адресованныхъ къ лучшему другу, ясно указываютъ на Его внутренній міръ и издали рисуютъ то, во что впослѣдствіи долженъ былъ вылиться

этотъ необычайный, выдающійся характеръ... эта сложная, загадочная натура!.. У кормила правленія, одной ногой уже стоя на ступеняхъ могущественнаго трона, Онъ мечтаетъ о скромной жизни на берегахъ чужой далекой рѣки... среди чуждаго Ему народа... подъ небомъ чужой страны!..

Екатерина, со свойственнымъ Ей проницательнымъ умомъ, не могла не видѣть и не замѣчать существенной перемѣны, которая произошла въ характерѣ и въ направленіи любимаго внука!.. Она всячески старалась оживить Его, разбудить въ Немъ энергію, и Сама любя пышность, блескъ и веселье, сдѣлалась неистощима на изобрѣтеніе развлеченій, смѣняя спѣктакли веселыми кавалькадами, а концерты веселыми и оживленными балами.

Но Александръ оставался равнодушенъ ко всему и, противъ воли посѣщая пышные пиры большого Двора, даже отъ любимыхъ танцевъ отказывался, находя ихъ пустымъ и безцѣльнымъ времяпровожденіемъ.

Онъ все глубже и глубже уходилъ въ себя...

Все сильнѣе вставало въ немъ странное и необъяснимое желаніе уйти отъ почестей и власти и покончить свою, едва начинавшуюся жизнь, почти анахоретомъ!..

Одновременно съ этимъ Онъ незамѣтно отдалялся и отъ молодой жены, тоже видимо скучавшей и недовольной.

Въ семейную жизнь молодой четы закралось то горькое чувство, которое зовется скукой, и отъ котораго нѣтъ спасенія.

Много ранняго и молчаливаго ожесточенія вносилъ въ жизнь Великаго Князя тотъ строгій режимъ, которому приходилось подчиняться, въ рѣзкихъ переходахъ отъ пышнаго Двора Екатерины къ скромному обиходу Гатчинскаго дворца. Этими переходами тяготился даже Великій Князь Константинъ, несравненно больше подходившій, по складу своего характера, къ порядкамъ Гатчинскаго дворца.

Въ дни вынужденныхъ поѣздокъ въ Гатчину Великіе Князья вставали чѣмъ свѣтъ и, отложивъ въ сторону свои парадные и богатые костюмы и тонкое бѣлье, переодѣвались въ грубые и неуклюжіе мундиры, сшитые изъ толстаго сукна, съ высокими стоячими воротниками, рѣзавшими шею. Легкая щегольская обувь и шелковые чулки замѣнялись высокими

ботфортами изъ толстой форменной кожи, стѣснявшими движенія и походку, и утомлявшими изнѣженнаго Александра до изнеможенія.

И все это не вознаграждалось ни лаской, ни привѣтомъ со стороны строгаго отца... Великихъ Князей не встрѣчало въ Гатчинѣ ничто, кромѣ строгихъ окриковъ, безпощадной муштровки, и рѣзкихъ напоминаній о томъ, что ихъ роскошному и избалованному покою, наступаетъ конецъ...

— Мнѣ изнѣженные петиметры ни въ строю, ни на Престолѣ не нужны!..—съ безпощадной строгостью раздавался рѣзкій окрикъ Цесаревича...—У меня не танцклассы, а боевое ученье!.. Не балеты, а военная выправка и серьезная военная подготовка!..

И вытягивались и фрунтовались молодые Великіе Князья, и, то дрожа отъ холода, то изнемогая отъ жары, маршировали журавлинымъ шагомъ вдоль по Гатчинскому плацъ-параду.

Супруга Цесаревича, Великая Княгиня Марія Федоровна, видѣла все что приходилось выносить сыновьямъ, но передъ Павломъ Петровичемъ въ Гатчинѣ всѣ трепетно отступали... Онъ подчинялся чему-нибудь, только въ Петербургѣ... Въ Гатчинѣ онъ сознавалъ себя полнымъ хозяиномъ, и деспотически царилъ надъ всемъ и надъ всѣми.

Кошмаромъ вѣяло отъ этой полной раздвоенности...

Екатерина въ своей заботѣ о томъ, чтобы развлечь любимаго внука, пользовалась всѣми случаями для устройства парадныхъ встрѣчъ и пріемовъ.

Съ этимъ временемъ совпалъ пріѣздъ въ Петербургъ польской депутаціи, которая, въ лицѣ нѣсколькихъ избранныхъ магнатовъ, выразила желаніе представиться Императрицѣ, чтобъ принести Ей благодарность за защиту, оказанную Польшѣ.

Екатерина воспользовалась этимъ для того, чтобы лишній разъ блеснуть пышностью своего Царскаго Двора.

Пріемъ депутаціи назначенъ былъ въ Большой Тронной залѣ, и Александръ Павловичъ съ супругой должны были фигурировать на первомъ планѣ, въ числѣ приглашенныхъ.

Елизавета Алексѣевна, какъ бы томимая какимъ-то предчувствіемъ, попробовала уклониться отъ участія въ парадномъ пріемѣ, но Великій Князь на этотъ разъ упорно сталъ на сторону Императрицы, и присутствіе Великой Княгини рѣшено было безповоротно.

Депутація состояла изъ цвѣта польской аристократіи. Въ составъ ея вошли: Ржевускій, Браницкій, Кассаковскій, Потоцкій, Грановскій, Сапѣга, Віельгорскій и Мира.

Пріемъ польской депутаціи обставленъ былъ возможной торжественностью.

За членами депутаціи посланы были отъ Двора золотыя кареты, по бокамъ которыхъ шли гайдуки и скороходы.

Въ Тронной залѣ налицо былъ весь Дворъ, въ парадныхъ мундирахъ и богатыхъ придворныхъ туалетахъ.

Блескъ золота и брилліантовъ спорилъ съ красотой придворныхъ дамъ и фрейлинъ, и Императрица, прослѣдовавъ изъ внутреннихъ покоевъ и войдя въ Тронную залу, не безъ гордости окинула глазами разстилавшуюся передъ ней картину. Она съ чувствомъ гордаго удовлетворенія остановилась глазами на красивой и эфектной фигурѣ старшаго внука, улыбнулась коренастой и крупной фигурѣ Константина Павловича, даже по лицу не особенно симпатичной Ей Цесаревны Маріи Федоровны скользнула благосклонно, и только робкая, и въ этотъ день какъ-то особенно неувѣренная въ себѣ Великая Княгиня Елизавета Алексѣевна, вызвала на лицѣ Императрицы выраженіе неудовольствія.

Она постаралась побѣдить въ себѣ это непріятное впечатлѣніе, и ласковымъ жестомъ подозвала къ Себѣ молодую Великую Княгиню.

Но отъ Елизаветы Алексѣевны не скрылось выраженіе неудовольствія, промелькнувшее на лицѣ Императрицы... Она вздрогнула, потупилась, и, получивъ приказаніе приблизиться къ ступенямъ трона, окончательно растерялась... Она сдѣлала нѣсколько поспѣшныхъ и неловкихъ шаговъ и, запутавшись въ складкахъ своего длиннаго придворнаго трэна, споткнулась и упала, не дойдя до Императрицы.

Все это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что въ первую минуту всѣ растерялись...

Великій Князь первый подошелъ чтобы подать руку женѣ, и поднялъ ее блѣдную, смущенную, полуживую отъ страха... И неожиданность паденія... и очевидность не скрываемаго, почти дѣтскаго испуга Елизаветы Алексѣевны, все это непріятно подѣйствовало на Великаго Князя, и гнѣвъ Его еще усилился когда Онъ, поднявъ голову и окинувъ взглядомъ присутствующихъ, замѣтилъ что на всѣхъ этотъ инцидентъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе.

Одни, съ графиней Шуваловой и ея дочерью Голицыной во главѣ, торжествовали, едва сдерживая насмѣшливыя улыбки...

Другіе останавливали на лицѣ молодой Великой Княгини взгляды непритворнаго сожалѣнія... Иные, наконецъ, смотрѣли растерянно и испуганно, суевѣрно усматривая въ этомъ паденіи, дурное предзнаменованіе.

Къ нимъ присоединился и Великій Князь, мистически склонный къ всевозможнымъ предчувствіямъ и суевѣріямъ.

Подобное паденіе, согласно повѣрью, не предвѣщало Великой Княгинѣ полнаго счастья на русскомъ престолѣ... и надо сознаться, что на этотъ разъ предсказаніе оказалось вѣрнымъ. Счастія, Елизавета Алексѣевна въ новомъ отечествѣ своемъ не нашла, и горячая любовь Ея къ мужу, только въ послѣдніе дни Его жизни встрѣтила новый откликъ въ Его сердцѣ.

Первый поводъ къ охлажденію Великаго Князя подала сама Великая Княгиня, и преданіе, сохранившееся въ семьѣ лица, близко стоявшаго ко Двору Александра Павловича, передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ:

Великая Княгиня, подъ впечатлѣніемъ своего исключительно нѣмецкаго воспитанія, была не только скромна и сдержана, но прямо таки дика, и къ ласкамъ супруга относилась какъ къ чему-то неловкому, почти не должному...

Она всегда краснѣла и конфузилась, ежели Великій Князь обнималъ или цѣловалъ ее въ присутствіи самыхъ близкихъ и короткихъ людей, и съ видимымъ нетерпѣніемъ старалась освободиться отъ этихъ ласкъ.

Александръ замѣчалъ это, неоднократно выражалъ Ей по этому поводу Свое огорченіе, а подчасъ и прямо неудо-

вольствіе, но Она не отступала отъ усвоенныхъ воспитаніемъ привычекъ, и съ прежнимъ отчужденіемъ относилась къ ласкамъ мужа.

Однажды, на третьемъ или четвертомъ году своего замужества, Великая Княгиня вернулась съ прогулки верхомъ и собралась перемѣнить Свою амазонку на обыкновенное платье. Она была очень оживлена прогулкой, лицо Ея разгорѣлось, слегка растрепавшіеся волосы живописно вились на красивой головкѣ... и въ общемъ Она была необыкновенно эфектна и авантажна.

Великій Князь замѣтилъ это и, нагнувшись къ Ней, шутя предложилъ Ей пойти лично переодѣть Ее...

Она покраснѣла, но ничего не отвѣтила на Его шутку...

Онъ продолжалъ настаивать на томъ, что Онъ не хуже любой камеристки исполнитъ все нужное при туалетѣ Великой Княгини, и, говоря это, Онъ обнялъ жену.

Въ комнатѣ не было въ эту минуту никого, кромѣ самыхъ близкихъ и интимныхъ лицъ...

Тѣмъ не менѣе ласка мужа сконфузила Великую Княгиню и Она быстро отстранила Его руку, укоризненно взглянула на Него, и громко сказала по-французски:

— Оставьте, Ваше Высочество!..

Александръ пристально и вопросительно взглянулъ на Нее, и взялъ Ее за руку...

Она, отстраняя Его, громко и нетерпѣливо произнесла на томъ же діалектѣ:

— Да оставьте же, Ваше Высочество!.. Это скучно!..

Александръ быстро отдернулъ руку, пристально взглянулъ на жену, и съ разстановкой спросилъ:

— Вы... это серьезно... говорите?!.

— Совершенно серьзно!—отвѣтила Елизавета Алексѣевна.

Александръ отошелъ и, слегка прищуривъ глаза (что Онъ дѣлалъ всегда, когда былъ чѣмъ-нибудь взволнованъ или недоволенъ), съ разстановкой, скандируя слова, произнесъ:

— Простите, Ваше Высочество!.. Ничто подобное никогда болѣе не повторится!

Съ этого дня Великій Князь дѣйствительно отдалился отъ жены, и никогда болѣе не „наскучалъ“ Ей своими ласками.

А, между тѣмъ, Онъ былъ молодъ, страсти въ Немъ кипѣли, и понятно, что вѣрнымъ женѣ, Онъ оставаться не могъ.

Онъ увлекался часто и много, и въ длинномъ спискѣ Его побѣдъ, фигурируетъ много именъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества.

Въ частной, интимной жизни, Великій Князь сохранилъ привычки, усвоенныя съ дѣтства. Онъ былъ необыкновенно чистоплотенъ и педантично аккуратенъ во всемъ, до Него лично касавшемся.

На Его письменномъ столѣ никогда не было ни пылинки, книги Его лежали всегда въ самой строгой симметріи, и по разъ навсегда отданному приказу, на Его бюро всегда лежалъ чистый платокъ съ Его мѣткой.

Рядомъ съ платкомъ лежало 10 свѣже очиненныхъ гусиныхъ перьевъ, такъ какъ никакихъ иныхъ Онъ при письмѣ не употреблялъ, мѣнялъ же Онъ ихъ такъ часто, что для каждой именной подписи, бралось новое перо.

Очинкой и приготовленіемъ этихъ перьевъ завѣдывалъ спеціально назначенный чиновникъ, получавшій за это не сложное занятіе, 3.000 рублей въ годъ.

Писалъ Императоръ Александръ по-русски крупно и очень твердымъ почеркомъ, видимо старательно выводя буквы. По-французски Онъ писалъ значительно лучше и быстрѣе. Тоже самое можно сказать и объ орфографіи Его на обоихъ языкахъ... Въ то время какъ въ Его французскихъ письмахъ и рескриптахъ, никогда нельзя было встрѣтить ни малѣйшей ошибки, русскія рукописи Его были полны помарокъ и исправленій, и все-таки были перенолнены погрѣшностей по орѳографіи. Особенно не могъ Онъ поладить съ буквою „ѣ“, и находилъ, что примѣненіе ея является пустымъ и ни для кого не обязательнымъ капризомъ.

Одною изъ особенностей Императора Александра, было Его пристрастіе къ чаю. Нигдѣ, ни въ походѣ, ни въ дорогѣ, ни дома во Дворцѣ, Онъ не могъ обойтись, въ опредѣленное время, безъ стакана совершенно горячаго чая, при чемъ чай Онъ всегда возилъ съ собой, и стоилъ этотъ чай 100 рублей фунтъ.

Терпѣливый и снисходительный во многихъ серьезныхъ вопросахъ, Александръ являлся до крайности требовательнымъ въ мелочахъ, составлявшихъ Его личныя привычки.

Такъ тотчасъ послѣ выпитаго Имъ стакана чая, Ему немедленно подавался второй, и никакого промежутка между ними не полагалось.

Любимымъ мѣстопребываніемъ Императора Александра было Царское Село. Онъ не только проводилъ въ немъ ежегодно почти весь лѣтній сезонъ, Онъ и зимой часто уѣзжалъ туда на день и на два, и окруженный не многочисленной свитой, любилъ раннимъ утромъ гулять по саду пѣшкомъ, или кататься въ бѣговыхъ санкахъ по широкимъ аллеямъ громаднаго парка.

Великая Княгиня, въ этихъ зимнихъ экскурсіяхъ Его не сопровождала.

Вообще здоровье Ея въ эту эпоху было не совсѣмъ удовлетворительно. Она часто хворала, и страдала сильнымъ разстройствомъ нервной системы.

Екатерина зорко слѣдила за семейной жизнью любимаго внука, и Ее конечно, она удовлетворить не могла.

Да и сама Она начинала уже сильно утомляться.

Это была уже не прежняя энергичная, вѣчно бодрая, сильная и мощная женщина!.. Время наложило на Нее свою руку, и всѣ кругомъ понимали и сознавали эту роковую перемѣну. Солнце великой Екатерины закатилось... Она пережила свою славу!..

Времена Потемкина отошли... Наступили времена быстро смѣнявшихся любимцевъ, времена недостойныхъ увлеченій и купленныхъ ласкъ... позоромъ покрывавшихъ, нѣкогда славное, историческое имя!..

Александръ все это видѣлъ и глубоко сознавалъ... До Его слуха доходили слова осужденія и горькаго порицанія по адресу Екатерины. Цесаревичъ при немъ громко осуждалъ свою державную мать, и Онъ одновременно страдалъ, и отъ рѣзкихъ словъ этого строгаго порицанія, и отъ глубокаго сознанія ихъ справедливости!..

Съ годами, Екатерина стала неблагосклонно относиться ко всему что было моложе Ея, и Ея ревнивая зависть ни

на комъ такъ не отражалась, какъ на близкихъ къ Ней, августѣйшихъ особахъ.

Великую Княгиню Елизавету Алексѣевну Она любила все меньше и меньше, и съ злорадствомъ подчеркивала Ея промахи... Что же касается до Маріи Феодоровны, то державная свекровь прямо преслѣдовала ее своими критическими замѣчаніями, и рѣзкими насмѣшками.

Марія Феодоровна молча переносила всѣ оскорбленія, ни противъ чего не возражала, ни съ чѣмъ не боролась... и утѣшалась мыслью, что наступитъ пора и ея власти, и придетъ минута, когда она выйдетъ изъ-подъ гнета вѣчной зависимости!..

Минута эта видимо приближалась...

Силы Екатерины слабѣли... Говоря словами льстивыхъ поэтовъ того времени, „Солнце Россіи близилось къ своему закату“. Александръ ясно предвидѣлъ сложную борьбу, которая должна была неизбѣжно наступить при кончинѣ Императрицы, и боялся, чтобы Она, преслѣдуя мысль, долгіе годы уже зародившуюся въ Ея умѣ, не назначила Его своимъ преемникомъ, минуя прямого Наслѣдника Престола, Цесаревича Павла Петровича.

Того же въ тайнѣ боялся и самъ Павелъ, твердо рѣшившійся бороться до конца, и какова бы ни была воля Матери, безъ боя не уступить Престола.

Въ послѣдній годъ своего царствованія, Императрица задалась мыслью женить и второго внука своего, Великаго Князя Константина Павловича, и 15 февраля 1796 года состоялся бракъ его съ Кобургской принцессой, наименованной Великой Княгиней Анной Феодоровной.

Цесаревна Марія Феодоровна присутствовала на свадьбѣ сына уже полу-больная. Она переносила довольно трудную беременность, которая и разрѣшилась 25 іюня рожденіемъ третьяго сына, Николая, впослѣдствіи Императора Николая I.

Такой знаменательною разницей лѣтъ объясняется то, что два старшихъ брата относились къ двумъ меньшимъ съ покровительственной, почти отеческой нѣжностью, но близкихъ, товарищескихъ отношеній между ними не было

даже и впослѣдствіи, когда всѣ они были уже взрослыми людьми.

Между Александромъ Павловичемъ и братомъ Его Константиномъ было только два года разницы. Такая же разница лѣтъ была и между Николаемъ и Михаиломъ Павловичами, тогда какъ между „старшей и меньшой парой“ (какъ шутя называлъ ихъ Павелъ Петровичъ) было слишкомъ 20 лѣтъ разницы, и старшій братъ былъ давно женатъ, и второй стоялъ уже подъ вѣнцомъ, когда только ожидалось рожденіе третьяго брата...

Покровительственная и нѣжная любовь Великаго Князя Александра Павловича къ меньшому брату Николаю, увеличивалась еще тѣмъ, что Онъ, по желанію Императрицы Екатерины, былъ воспріемникомъ новорожденнаго Великаго Князя и съ истинно отеческой нѣжностью держалъ его на рукахъ, стоя у Св. Купели.

Въ то время, конечно, еще не было ни малѣйшаго помысла о томъ великомъ предназначеніи, которое ожидало новорожденнаго Великаго Князя впереди, но какая-то странная, почти мистическая связь существовала между Александромъ и Его маленькимъ крестникомъ, призваннымъ унаслѣдовать послѣ Него Царскую корону...

Николай Павловичъ, въ свою очередь, съ ранняго дѣтства горячо и какъ-то восторженно любилъ своего крестнаго отца, и каждая ласка, каждый знакъ вниманія державнаго брата, встрѣчались отзывчивымъ ребенкомъ съ чувствомъ искренней и горячей признательности.

Исключительнаго вниманія на образованіе Великаго Князя Николая Павловича, обращено не было...

Никто и въ помыслахъ не готовилъ его на высокій постъ русскаго самодержавнаго Императора, но Александръ Павловичъ, тѣмъ не менѣе, интересовался ученьемъ своего крестника и отъ души любовался и его красивой наружностью, и его безукоризненной военной выправкой.

Замѣчательно, что въ наружности обѣихъ „паръ“ повторилась одна и та же рѣзкая противуположность, и въ то время, какъ Великій Князь Александръ отличался замѣчательно красивой наружностью, а Константинъ Павловичъ,

напротивъ, былъ исключительно некрасивъ, рядомъ съ маленькимъ красавцемъ Николаемъ также росъ некрасивый, сутуловатый и исключительно неграціозный Великій Князь Михаилъ.

Цесаревна Марія Феодоровна, суетная и тщеславная во всемъ, не исключая и материнскаго чувства своего, сокрушалась въ душѣ о такой рѣзкой разницѣ между дѣтьми одной семьи, что же касается до Цесаревича, то онъ на такихъ пустыхъ вопросахъ не останавливался и даже на красоту дочерей Своихъ особеннаго вниманія не обращалъ, несмотря на то, что всѣ Великіе Княжны, родившіяся въ промежутокъ между появленіемъ на свѣтъ обѣихъ „паръ“ Великихъ Князей, были положительныя и выдающіяся красавицы. Особенно хороша собой была вторая изъ нихъ, Елена Павловна, которую Императрица Екатерина въ письмахъ своихъ иначе не называла, какъ „Елена Прекрасная“.

Старшей изъ дочерей Павла Петровича была Великая Княжна Александра Павловна, плѣнительная красавица и любимица державной Бабушки, которая мечтала для любимой внучки о самой блестящей партіи и о счастливой будущности. Мечты эти не осуществились и эпизодъ неудачнаго сватовства, затѣяннаго между Великой Княжной и Шведскимъ королемъ Густавомъ, едва не стоилъ жизни Императрицѣ Екатеринѣ, равно оскорбленной и въ своей родственной любви, и въ своемъ царскомъ самолюбіи.

Всѣмъ извѣстенъ этотъ горькій эпизодъ, не имѣвшій прецедента въ русской исторіи.

Король Густавъ, пріѣхавшій въ Россію съ спеціальной цѣлью породниться съ русскимъ Дворомъ женитьбой на Великой Княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, и уже объявленный женихомъ, внезапно отказался отъ этого брака въ самый день торжественнаго обрученія...

Церемонія назначена была къ 7-ми часамъ вечера...

Всѣ приглашенные собрались въ Тронную залу, въ которую вышла Императрица въ сопровожденіи юной, 15-ти лѣтней невѣсты.

Въ своемъ подвѣнечномъ нарядѣ, вся залитая брилліантами, Великая Княжна съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда жениха...

Она уже успѣла полюбить его... успѣла свыкнуться съ мыслью о будущей жизни неразлучно съ избранникомъ сердца... и безъ страха и почти безъ горя видѣла приближеніе того дня, въ которой Ей придется навсегда разстаться съ родной семьей, чтобы послѣдовать за мужемъ въ новое отечество...

Зала, въ которую собрались всѣ приглашенные, пышностью своей затмѣвала самое пылкое воображеніе... Такого сборища красавицъ... такого наплыва брилліантовъ, даже Дворъ Великой Екатерины давно не видалъ... Императрица съ гордостью окинула взоромъ Тронную залу... Съ любовью остановилась глазами на красавицѣ-невѣстѣ... и перевела взоръ на дверь, въ которую долженъ былъ войти женихъ.

Согласно церемоніалу, Онъ долженъ былъ уже прибыть... Ни задержекъ, ни запозданій въ такихъ случаяхъ не допускается... а между тѣмъ пробило уже восемь часовъ, а Его еще все не было...

Императрица волновалась...

Зубовъ съ встревоженнымъ лицомъ, то появлялся въ залѣ, то вновь изъ нея исчезалъ...

Всѣ переглядывались въ глубокомъ недоумѣніи...

Прошло еще полчаса... и, наконецъ, вновь появившійся Зубовъ, сконфуженный и растерянный, подошелъ къ Императрицѣ... и, нагнувшись, тихо сказалъ Ей что-то...

Она вся вспыхнула... быстрымъ движеніемъ подалась впередъ... сдѣлала усиліе, чтобы встать... и, внезапно пошатнувшись, блѣдная, какъ смерть, безъ памяти упала на ступени трона...

Это былъ первый апоплексическій ударъ... предвѣстникъ ожидавшаго Ее, уже близкаго конца!..

Оказалось, что Король въ послѣдній моментъ отказался отъ подписанія свадебнаго контракта подъ тѣмъ предлогомъ, что на Шведскій престолъ не можетъ вступить королева, не исповѣдающая лютеранской вѣры...

Это было натяжкой... Объ этомъ, конечно, слѣдовало подумать раньше...

Доведенный до послѣдней минуты... и объявленный предъ лицемъ всего собравшагося Двора, передъ лицемъ

всей Европѣ—отказъ молодаго Короля явился дерзкимъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ державной Императрицѣ... открыто брошеннымъ всей Россіи... и оскорбленіе это было первымъ шагомъ, низведшимъ Екатерину въ могилу!..

Такъ неожиданно и горько прерванное, парадное собраніе было отмѣнено...

Юную невѣсту, почти безъ чувствъ вывели, едва не вынесли изъ залы... и у кровати пораженной параличемъ Императрицы собрался сонмъ испуганныхъ докторовъ...

Придворный этикетъ взялъ свое, и назначенный на слѣдующій день парадный балъ у Великаго Князя Константина Павловича состоялся, но Императрица черезъ силу появилась на немъ только на нѣсколько минутъ, а молоденькая невѣста получила разрѣшеніе не показываться на немъ вовсе... Императрица Екатерина придала этому печальному инциденту видъ мгновеннаго замѣшательства...

При Дворѣ распущенъ былъ слухъ что свадьба только отложена до совершеннолѣтія Короля... но всѣ поняли, что это было ловкимъ маневромъ...

Король Густавъ никогда болѣе въ Россію не вернулся, и впослѣдствіи женился на Дурлахъ-Баденской Принцессѣ Фредерикѣ, меньшой сестрѣ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Великая Княжна Александра Павловна впослѣдствіи вступила въ бракъ съ палатиномъ Венгерскимъ и умерла въ молодыхъ годахъ, не найдя въ супружествѣ своемъ, ни любви, ни счастья...

Изъ остальныхъ дочерей Павла Петровича, Елена Павловна умерла незамужней, едва достигнувъ 17 лѣтъ, Марья Павловна вышла замужъ за Принца Мекленбургскаго и тоже счастлива не была, Анна Павловна была въ послѣдствіи Нидерландской королевой, а красавица Екатерина Павловна невольно подала поводъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между Россіей и Франціей. Наполеонъ, ослѣпленный честолюбіемъ и удачей, задумалъ, послѣ оффиціальнаго развода Своего съ императрицей Жозефиной, стать въ ряды многочисленныхъ жениховъ русской Великой Княжны Екатерины Павловны. Онъ въ своей безграничной гордынѣ находилъ,

что бракъ съ нимъ долженъ былъ представить собой и почетъ и счастіе для каждой указанной имъ избранницы, но Императрица Марія Федоровна такого взгляда не раздѣлила и въ отвѣтъ на переданное ей предложеніе счастливаго баловня судьбы, отвѣчала полнымъ и безповоротнымъ отказомъ. Отказъ этотъ такъ удивилъ Наполеона, что Онъ въ первую минуту почти повѣрить ему не хотѣлъ.

Онъ не понималъ, какъ могли отказать въ рукѣ Великой Княжны ему, когда не отвѣчали отказамъ мелкимъ Германскимъ Принцамъ и Герцогамъ?

Онъ громко и смѣло высказалъ это, и Императрица-Мать также громко и откровенно отвѣтила, что бракъ съ законнымъ владѣльцемъ самаго маленькаго княжества и графства, не такъ обиденъ для особы царской крови, какъ бракъ съ безвѣстнымъ корсиканскимъ офицеромъ, имѣющимъ за собой только силу и властъ узурпатора!..

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ тревогъ и пертурбацій, маленькій Великій Князь Николай Павловичъ росъ и мало по-малу готовился къ жизни, отнюдь не подготовляясь къ престолу...

О русской державной коронѣ ни самъ Онъ не мечталъ никогда, и никто изъ близкихъ никогда о престолѣ для него, не помышлялъ...

Онъ былъ такъ далекъ отъ этой мысли, что, когда вопросъ о престолонаслѣдіи былъ окончательно рѣшенъ, и Его будущее право на русскую корону было санкціонировано и утверждено державной волей Императора Александра I,— Великій Князь Николай и Его супруга были не столько удивлены, сколько испуганы, сдѣланнымъ имъ объ этомъ, намекомъ.

Императоръ Александръ Павловичъ, по непостижимой предосторожности, скрывшій этотъ серьезный государственный актъ ото всѣхъ, кромѣ двухъ или трехъ избранныхъ лицъ, однажды только мелькомъ намекнулъ меньшому брату, объ ожидавшей Его блестящей участи, и присутствовавшая при этомъ супруга Николая Павловича, Великая Княгиня Александра Федоровна, вся поблѣднѣла и въ смертельномъ испугѣ едва не упала въ обморокъ...

Но Императоръ вновь умолкъ на долгое время, а разспрашивать Его ни о чемъ никто не смѣлъ...

Онъ выразилъ только Николаю Павловичу свое непреложное желаніе, чтобы тотъ занялся, по возможности, научнымъ пополненіемъ даннаго Ему довольно поверхностнаго образованія, и изъ дали сталъ зорко присматриваться и прислушиваться, къ нравственному развитію будущаго владыки могущественнаго царства...

Онъ ясно и отчетливо видѣлъ всѣ рѣзкія особенности характера меньшаго брата... видѣлъ его непоколебимую волю, по тогдашнему его скромному положенію переходившую въ упрямство, и любовался его развивавшейся могучей красотой, сознавая, что въ Немъ одновременно ростетъ и колоссъ физическій, и мощный, непобѣдимый колоссъ нравственный!..

Слабый и безвольный самъ, Александръ въ полу-ребенкѣ братѣ, цѣнилъ ту мощную упорную волю, передъ которой, Онъ это понималъ, должно было со временемъ безропотно склониться все!..

Глубоко цѣнилъ также Александръ Павловичъ въ меньшомъ братѣ и то спокойствіе, какое тотъ сохранялъ въ своихъ довольно рѣдкихъ увлеченіяхъ и, отпраздновавъ свадьбу своего любимаго крестника, Онъ любовался на то согласіе и ту любовь, которыя неизмѣнно царили въ молодомъ супружествѣ.

Онъ съ чувствомъ невольнаго одобренія понималъ, что въ жизни Императора Николая не повторится Марья Антоновна Нарышкина, и никакая женская воля никогда не поработитъ его мощной, царской воли... Александръ Павловичъ даже грозный гнѣвъ Отца умѣлъ отдалять отъ своего крестника, и когда являлось сомнѣніе или споръ между меньшими дѣтьми и ихъ наставниками и воспитателями, то Онъ всегда обращался къ Николаю Павловичу съ прямымъ вопросомъ:

— Разскажи, какъ это было?... Ты не солжешь!...

Съ этой глубокой вѣрой въ правоту и желѣзную волю будущаго Императора, передалъ Александръ Павловичъ брату русскій престолъ, и послѣдствія вполнѣ оправдали это почетное довѣріе.

Императоръ Николай I никогда двоедушнымъ не былъ... Съ гордой смѣлостью всегда громко исповѣдывалъ Онъ свои мнѣнія, никогда не отступалъ отъ разъ даннаго слова, и своей внезапной и твердой кончиной, доказалъ всему міру, что покоряться Онъ не умѣлъ, и оскорбленнаго самолюбія пережить не могъ...

Но въ моментъ рожденія Великаго Князя Николая, эта семейная радость не могла ни занять, ни утѣшить Великаго Князя Александра Павловича и его молодую супругу. Въ ихъ молодое семейное гнѣздышко, уже въ конецъ заглянулъ тотъ гнетъ ранняго утомленія и разочарованія, который сказался позднѣе въ полномъ отчужденіи супруговъ, продолжавшемся до послѣднихъ дней жизни Императора Александра, только передъ кончиной своей сознавшаго, какого вѣрнаго и неизмѣннаго друга Онъ имѣлъ въ лицѣ своей любящей супруги.

Но въ то время Александръ не цѣнилъ Ее. Увлеченія Его дѣлались все многочисленнѣе, повторялись все чаще, и все сильнѣе огорчали Его преданную супругу.

А тучи на придворномъ горизонтѣ между тѣмъ сгущались, и атмосфера придворной жизни дѣлалась все тяжелѣе и невыносимѣе.

Характеръ Павла ожесточался съ каждымъ днемъ, и всѣ Его окружавшіе съ ужасомъ помышляли о томъ моментѣ, когда эта необузданная воля облечена будетъ самодержавной властью.

Въ минуты своего порывистаго гнѣва, Павелъ постоянно повторялъ, что справится „по-своему“ со всѣми, кто не умѣлъ или не хотѣлъ своевременно уважать въ немъ будущаго Государя. До жестокости былъ строгъ Павелъ и къ сыновьямъ, и оба Великіе Князя сознавали, что на нихъ грозной тучей надвигалось воцареніе отца.

Тѣмъ не менѣе Александръ, которому державная Бабка открыла тайну своихъ замысловъ относительно передачи престола Ему, минуя Его отца, — наотрѣзъ отказался подчиниться такому распоряженію, и умолялъ Императрицу, отказаться отъ своего намѣренія.

Павелъ зналъ обо всемъ, и не только не цѣнилъ преданнаго безкорыстія сына, но напротивъ глубоко негодовалъ

на Него за желаніе Екатерины передать Ему русскій престолъ. Негодованіе свое Онъ прямо и открыто высказалъ сыну, призвавъ Его къ себѣ, и со свойственной ему безпощадной и рѣзкой откровенностью, изливъ передъ Нимъ свою глубоко оскорбленную душу.

— Я знаю все, что затѣвалось и затѣвается противъ Меня!.. — сказалъ онъ, мѣряя кабинетъ своими большими, широкими шагами, и по временамъ останавливаясь передъ Александромъ и пристально взглядывая въ Его смущенное, поблѣднѣвшее лицо... — Отъ меня ничто не скрыто!.. *Ей* мало было всю жизнь угнетать меня и чуть не до пятидесяти лѣтъ держать меня въ пеленкахъ!.. *Она* хочетъ и послѣ своей смерти держать меня въ тѣхъ же оковахъ?!. *Она* хочетъ изъ-за могилы угнетать меня?.. Но этому не бывать!.. Ждать я могъ и умѣлъ... Отказаться отъ власти и отъ престола, я не могу и не хочу! Такъ ты *Ей* и скажи, когда *она* опять захочетъ посвящать тебя въ свои замыслы!.. Только съ жизнью могутъ у меня отнять мое наслѣдственное право на русскій престолъ!.. Только со смертью моей ты взойдешь на его заповѣдныя ступени!..

Александръ выслушивалъ его молча и покорно, и страдалъ невыносимо...

Но время шло... Наступилъ моментъ кончины Императрицы Екатерины, и Павелъ, предупрежденный объ этомъ цѣлой серіей посланныхъ въ Гатчину курьеровъ, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ засталъ державную мать свою, уже живымъ трупомъ!..

Жизнь еще не совсѣмъ угасла... Императрица еще дышала тяжелымъ, прерывистымъ дыханіемъ, но сознаніе уже оставило Ее совершенно, и Она не видала и не узнавала никого изъ лицъ, окружавшихъ Ея смертный одръ.

Тутъ, съ первыхъ минутъ, во всей силѣ проявились, и своеобразный деспотизмъ Павла, и вся его несдержанность.

Какъ будто опасаясь что блеснувшій передъ нимъ ореолъ власти, можетъ вновь быть у него отнятъ, Онъ поспѣшилъ овладѣть бумагами матери, сталъ провѣрять всѣ Ея распоряженія и приказы, и занялъ небольшую комнату примыкавшую къ Ея спальнѣ, такимъ образомъ, что всѣ призы-

ваемыя къ нему лица, должны были проходить мимо тяжело дышавшей и безсознательно лежавшей Императрицы, могучая натура которой боролась съ наступившей агоніей!

Жутко было всѣмъ, случайно попавшимъ въ эту необычайную обстановку!..

Страшно было проходить мимо этого полуживаго трупа, съ широко открытыми, уже затуманенными глазами, съ искаженными чертами, налившагося кровью лица!..

Холодомъ обдавало отъ этихъ мучительныхъ стоновъ, съ такимъ трудомъ вырывавшихся изъ полу-мертвой груди!..

Но деспотичная воля психически больного Императора, уже входила въ силу!.. Онъ былъ хозяиномъ положенія... надломленная, больная натура Его входила въ свои права.

Его больному воображенію, вся эта кощунственная обстановка, казалась только отвѣтомъ на притѣсненія долгихъ, молчаливыхъ лѣтъ...

Ему мало было наступавшей власти... Мало было возможности надъ живыми людьми доказать всю силу своего деспотизма... Ему нужно было проявить свою властную волю надъ полумертвымъ трупомъ матери, и онъ, презирая всякія приличія, отступая отъ всѣхъ правилъ, настаивалъ на томъ, чтобы всѣ проходили мимо постели умирающей Монархини, не считаясь, не только съ ея недавнимъ величіемъ, но даже съ таинствомъ наступавшей смерти!

Сама Екатерина, къ агоніи послѣдняго изъ истопниковъ своего Дворца, отнеслась бы бережнѣе и осторожнѣе, нежели отнесся къ Ней родной ея сынъ!..

Графъ Зубовъ, тутъ же въ пріемной, предшествовавшей комнатѣ гдѣ лежала умирающая Императрица, — стоялъ униженный и робкій, и колѣнопреклоненный встрѣтилъ новаго Императора, на пути его слѣдованія въ Петербургъ.

Тутъ же сгруппировались и недавніе гордые любимцы, уступавшіе теперь мѣсто грубымъ Гольштинцамъ, въ ихъ уродливыхъ мундирахъ, съ ихъ надутыми нѣмецкими физіономіями!

Бережнаго отношенія Павла къ праху Матери, конечно, никто и не ожидалъ, но никто не ждалъ и того, чтобы послѣднія минуты великой Монархини были отравлены такимъ

неслыханнымъ, такимъ кощунственнымъ равнодушіемъ, и чтобы святая тишина Ея предсмертныхъ минутъ, была нарушена повелительными возгласами самого Павла, и стукомъ тяжелыхъ сапогъ Его Гольштинцевъ.

6-го ноября 1796 года, на зарѣ, Императрица Екатерина испустила духъ, и съ первой минуты Ея кончины, все кругомъ приняло совершенно новый видъ.

Великаго Князя Александра вмѣстѣ съ другими, и даже сильнѣе другихъ, коснулась волна новой жизни, нахлынувшая на Дворецъ, и съ нимъ вмѣстѣ охватившая и весь Петербургъ. Съ утра оба Великіе Князя облеклись въ тяжелую Гольштинскую форму, и въ ней явились въ дворцовую церковь, для принесенія присяги новому Императору.

Александръ глубоко страдалъ за память горячо любимой бабушки... Страдалъ за заблужденія отца... и предвидѣлъ впереди возможность горькой расплаты, за рѣзкость первыхъ минутъ наступившаго царствованія!..

Ему хотѣлось, съ порывистой молодой откровенностью, броситься къ ногамъ отца, и молить Его воздержаться на первыхъ порахъ, отъ слишкомъ сильныхъ и деспотическихъ проявленій своей державной воли...

Но кто осмѣлился бы, въ эти первыя минуты самодержавной власти, не только однимъ словомъ возразить гордо поднявшему голову Императору Павлу, но даже взглядомъ не одобрить всѣхъ его начинаній и распоряженій?!.

Слишкомъ истощено было терпѣніе Цесаревича, во время его долгаго нахожденія въ опалѣ... Слишкомъ возбуждены были его нервы!.. Слишкомъ наболѣло у него на душѣ!..

Въ моментъ воцаренія ему минуло уже 46 лѣтъ...

Лучшая пора жизни была прожита... Лучшіе порывы уже угасли... Лучшія надежды обманули!... Надвигалась ранняя старость... Будущее сулило только долгую и тяжелую борьбу!.. Оставалось сводить счеты съ прошлымъ!..

Павелъ такъ и поступилъ, и отравивъ дерзкимъ пренебреженіемъ послѣднія минуты умиравшей Матери, онъ и за предѣлами гроба захотѣлъ побороть и сломать Ея волю...

Онъ вырылъ изъ могилы прахъ своего убитаго отца, для отданія ему послѣднихъ царскихъ почестей, которыхъ лишила его Екатерина.

Исторія не забудетъ той странной, полудикой церемоніи, которую видѣлъ въ стѣнахъ своихъ Петербургъ, при перевезеніи изъ скромнаго монастырскаго склепа въ Соборъ Петропавловской крѣпости, бренныхъ, давно забытыхъ останковъ, никогда и никѣмъ не любимаго, и даже не коронованнаго Императора!..

Не будутъ забыты въ историческихъ лѣтописяхъ, и поставленные рядомъ, подъ царскимъ балдахиномъ два гроба, вмѣщавшіе прахъ супруговъ, при жизни безповоротно разлученныхъ, и за предѣлами смерти соединенныхъ больною волей Монарха, ошибкою судьбы, и недосмотромъ современниковъ, занявшаго Престолъ своихъ предковъ!

Александръ, призванный по волѣ воцарившагося Императора, принять участіе въ странной и неслыханной процессіи, слѣдовалъ за гробомъ дѣда молча, съ опущенною головою, глубоко скорбя, и о горькомъ прошломъ, и о непростительной ошибкѣ настоящаго!

Онъ понималъ положеніе отца, передъ безпристрастнымъ судомъ всей просвѣщенной Европы!..

Понималъ весь ужасъ безумной выходки, ознаменовавшей первые шаги новаго Императора, на ввѣренномъ ему Провидѣніемъ Престолѣ!..

Константинъ Павловичъ шелъ рядомъ съ нимъ, нѣсколько отступивъ отъ него...

Такъ нашелъ нужнымъ распорядиться Павелъ, показывая этимъ ту градацію, которая существовала между братьями.

Все повиновалось молча... Голоса своего, въ эти первыя горькія и характерныя минуты, никто поднять не смѣлъ!

Александръ попробовалъ обратиться къ Матери, но Марія Феодоровна сама была вся охвачена призракомъ новаго, высокаго положенія...

Она съ суетной радостью сознавала что за нею теперь укрѣпилось право ношенія всѣхъ государственныхъ брилліантовъ, что она будетъ первенствующимъ лицомъ на всѣхъ парадахъ и празднествахъ... и при этой мысли, ея властолюби-

вые инстинкты торжествовали надъ всѣмъ остальнымъ, и уже не молодая, но полная суетности голова ея, кружилась отъ наплыва новыхъ впечатлѣній!..

Въ женѣ своей Великій Князь Александръ Павловичъ нашелъ полный отголосокъ волновавшихъ его чувствъ, но это былъ единичный голосъ, терявшійся среди окружавшей Его нравственной пустыни...

Въ душѣ, Александру сочувствовали многіе... Понимали горькія ошибки Павла почти всѣ, но громко никто не смѣлъ выражать своихъ мнѣній, и это раболѣпное молчаніе еще сильнѣе раздувало деспотическія выходки, больного Императора.

Среди этого всеобщаго душевнаго напряженія, состоялось погребеніе Екатерины, опущенной въ могилу рядомъ со своимъ низложеннымъ и убитымъ мужемъ!..

Церемоніалъ этого страннаго, небывалаго погребенія, исполненъ былъ по точнымъ указаніямъ самого Императора.

Онъ соединилъ въ этомъ церемоніалѣ все, что по Его мнѣнію могло возвысить и возстановить память убитаго и оскорбленнаго Монарха, и заставить убійцъ его понять всю важность и весь ужасъ совершеннаго ими кроваго дѣла...

Ближайшіе участники самого факта убійства поспѣшили скрыться... Это не удалось только Графу Алексѣю Орлову, который по согласно интимнымъ запискамъ того времени,— именнымъ приказомъ былъ задержанъ въ Петербургѣ, и обязанъ подпискою явиться къ указанному часу, къ воротамъ Александро-Невской Лавры.

Исполненіе этого приказа было въ одно и то же время и унизительно и горько, для бывшаго всесильнаго фаворита, но не только спорить, а и возражать противъ отданнаго Императоромъ приказа никто бы не осмѣлился. Скрѣпя сердце, Алексѣй Орловъ къ назначенному часу прибылъ въ Лавру и прослѣдовалъ за процессіей, до Собора Петропавловской крѣпости.

По прибытіи къ Зимнему Дворцу, процессія остановилась передъ парадnымъ Императорскимъ подъѣздомъ, и здѣсь, согласно указаніямъ церемоніала, соединилась съ новой процессіей, вышедшей изъ Дворца.

Среди этого новаго блестящаго и пышнаго шествія, окруженнаго духовенствомъ въ траурныхъ ризахъ, вынесенъ былъ гробъ почившей Императрицы, который былъ установленъ на особые погребальные дроги, и двинулся въ слѣдъ за гробомъ Императора Петра III, по направленію къ Петропавловской крѣпости.

Гробъ Императора слѣдовалъ впереди... Гробъ Екатерины отодвинутъ былъ на второй планъ.

Оба гроба окружены были факельщиками, съ зажженными бѣлыми восковыми факелами... Всѣ войска были въ полной парадной формѣ, съ крепомъ на рукавѣ.

Въ соборный храмъ крѣпости, гробъ Императора былъ внесенъ тоже впереди гроба Екатерины, и только подъ приготовительнымъ посреди храма широкимъ царскимъ балдахиномъ, оба гроба поставлены были рядомъ, съ золотыми Императорскими коронами въ головахъ, закрытые подбитыми горностаемъ парчевыми покровами, спускавшимися, черезъ всѣ ступени катафалка, до самого амвона.

Подробности этой неслыханной церемоніи, наводили ужасъ на всѣхъ жителей Петербурга и, быстро переносились изъ города въ городъ.

Вся Россія съ трепетомъ прислушивалась къ получаемымъ изъ столицы свѣдѣніямъ, обо всѣхъ этихъ безумствахъ.

Вся Европа съ горькой насмѣшкой относилась къ нимъ... И по свидѣтельству современниковъ, въ эту скорбную для Россіи эпоху, стыдно было за границей сознавать себя русскимъ.

Ропотъ противъ деспотизма и рѣзкихъ проявленій больной воли Павла, началъ возникать съ первыхъ дней его царствованія. Всѣ были недовольны, за исключеніемъ горсточки фаворитовъ, во главѣ которыхъ стоялъ татаринъ—брадобрѣй Кутайсовъ, впослѣдствіи возведенный въ графское достоинство.

Послѣ погребенія Екатерины, весь строй придворной жизни рѣзко измѣнился.

Зимній Дворецъ былъ оставленъ и почти забытъ... Забыты были и его пышность, и царская роскошь пировъ и собраній. Все это замѣнилось скучными и сравнительно скудными балами и раутами въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, возведенныхъ на степень городовъ.

Приглашеній на эти балы не только никто не добивался, но напротивъ, всѣ тщательно избѣгали этого почетнаго отличія. Всѣ знали, какъ легко было прогнѣвить взыскательнаго и болѣзненно придирчиваго Императора, и какъ легко вспыхивалъ его безпощадный и мстительный гнѣвъ.

Случай съ гвардейскимъ офицеромъ, который прямо съ придворнаго бала отправленъ былъ на гауптвахту, а оттуда непосредственно послѣдовалъ въ Сибирь, еще сильнѣе напугалъ всѣхъ близкихъ ко Двору лицъ, а легендарная команда, отданная на парадѣ одному изъ неугодившихъ Павлу полковъ: „На лѣво кругомъ, маршъ въ Сибирь!..“ навсегда осталась историческимъ возгласомъ, ярко характеризующимъ необычайнаго преемника Екатерины II, на русскомъ Престолѣ.

При Дворѣ начались всевозможныя интриги...

Императрица Марія Феодоровна, къ которой Императоръ началъ постепенно охладѣвать, мучила его припадками ревности... Быстро взошедшая звѣзда фрейлины Нелидовой, разомъ овладѣвшей и сердцемъ и воображеніемъ Императора Павла, ослѣпила блескомъ своимъ весь Дворъ... Въ ней стали заискивать... Ей льстили... и преклонялись передъ нею, какъ не дѣлали этого относительно Императрицы. Все это вмѣстѣ взятое, создавало вокругъ тревожной личности Павла, тотъ нравственный хаосъ, среди котораго трудно было разобраться...

Отношенія, существовавшія между Императоромъ и фавориткой, коментировались на всевозможные лады, и сама исторія не могла до сихъ поръ въ точности выяснить сущности этого сближенія...

Многіе склонны были думать что Павелъ, по своей оригинально направленной рыцарской натурѣ, довольствовался восторженными платоническими отношеніями къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой...

Другіе, болѣе скептически относившіеся къ жизни и ея требованіямъ, этой идеальной привязанности не признавали, и видѣли здѣсь самую заурядную связь!..

Къ обоимъ молодымъ Великимъ Князьямъ, Нелидова относилась очень корректно, и они оба, въ свою очередь,

ладили съ нею... хотя Константинъ Павловичъ, въ своемъ неистощимомъ школьничествѣ, и не называлъ ее иначе, какъ „громоотводъ“.

Но наступилъ моментъ, когда и „громоотводъ“ оказался безсильнымъ, когда вліянію Нелидовой противупоставлена была новая возникавшая сила, и когда надъ омраченнымъ горизонтомъ Дворца, тревожно взошла новая, эфемерная падучая звѣзда!..

Такой звѣздой явилась красавица Лопухина, на время овладѣвшая Павломъ безгранично.

Домашнія грозы въ Царской семьѣ все учащались, и Императрица Марія Феодоровна была окончательно отодвинута на второй планъ.

Съ рожденіемъ меньшаго сына, Великаго Князя Михаила Павловича, всѣми докторами было признано что дальнѣйшее материнство будетъ для ней гибельно, и какъ жена, Она перестала существовать для Павла.

Отношенія Императора къ семьѣ еще сильнѣе пошатнулись... Его возстановляли противъ жены... Ему старались внушить недовѣріе къ дѣтямъ, и въ особенности къ старшему сыну, котораго представляли Павлу прямо измѣнникомъ, и приписывали ему самые злодѣйскіе планы противъ отца.

Первое лѣто послѣ кончины Императрицы Екатерины, Александръ съ женою провели въ Царскомъ Селѣ, откуда довольно часто выѣзжали въ Гатчину и въ Павловскъ на семейные концерты и спектакли, устраиваемые Императрицей Маріей Феодоровной.

Въ устройство этихъ семейныхъ развлеченій Императрица влагала всю душу свою, но они Ей мало удавались. На нихъ царили скука и принужденіе, свившія себѣ прочное гнѣздо въ семьѣ деспота Императора.

Онъ былъ всегда не въ духѣ, безпощадно все критиковалъ, и эти радушно устраиваемые праздники, являлись для приглашенныхъ истинною пыткой.

Молодыя Великія Княжны, дочери Павла, съ женами братьевъ своихъ не сближались, и ни Елизавету Алексѣевну, ни Анну Феодоровну, не любили...

Все это образовало вокругъ новаго Двора ту систему нравственнаго холода, отъ котораго, по оригинальному выраженію Константина Павловича, прямо-таки „замерзнуть было можно“.

Александръ, нѣжный и любящій по натурѣ, видѣлъ все это, понималъ всю безвыходность создавшагося положенія, и, чутко прислушиваясь къ неудовольствію, разраставшемуся и въ обществѣ и въ войскахъ, съ трепетомъ сознавалъ, что надвигается грозная, неминуемая опасность...

Онъ волновался, проводилъ безсонныя ночи... но съ женой, какъ прежде, своей тревогой не дѣлился!..

Ихъ отношенія съ каждымъ днемъ становились все холоднѣе, и до Елизаветы Алексѣевны стали доходить слухи о новомъ сближеніи Александра Павловича съ предметомъ его прежней страсти, Марьей Антоновной Четвертинской, въ то время уже носившей фамилію Нарышкиной.

Нарышкина была прежней неотразимой красавицей, по слухамъ стала даже еще лучше прежняго, и ея соперничество, зловѣщимъ призракомъ вставало для Великой Княгини. Она знала, какъ сильно Александръ былъ нѣкогда увлеченъ Нарышкиной, знала что безпощадная свѣтская кокетка не отвѣчала и не могла отвѣчать Ему истинной и пылкой любовью, но знала и то, что въ безсердечіи молодой красавицы, въ ея неспособности отдаться всецѣло искренней и горячей любви, таится именно та власть, изъ подъ вліянія которой Александру трудно будетъ освободиться!

Сама Елизавета Алексѣевна въ эту эпоху была безусловно вѣрна своему мужу, и по ея адресу, даже со стороны отъявленныхъ враговъ Ея, не раздавалось ни одного слова обвиненія. Мы говоримъ „въ ту эпоху“ потому, что впослѣдствіи интимная біографія Елизаветы Алексѣевны, бросаетъ легкую тѣнь обвиненія на Ея память.

Въ легендѣ, сложившейся по этому поводу, говорится о минутной вспышкѣ страсти, за которую герою ея пришлось жизнью поплатиться.

Этотъ мимолетный эпизодъ не ложится горькимъ укоромъ на имя Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и свѣтлой памяти Ея не тревожитъ!..

Это не было преступнымъ увлеченіемъ, продиктованнымъ порывомъ неудержимой страсти...

Не было капризомъ праздной фантазіи...

Слишкомъ дорога была расплата за этотъ капризъ!..

Это былъ вопль глубоко оскорбленнаго сердца, откликнувшагося на преданную и горячую привязанность...

Это былъ неудержимый порывъ наболѣвшей души, искавшей сочувствія и поддержки...

Въ исторію этотъ эпизодъ, конечно, не вошелъ!..

Онъ сохранился въ интимныхъ запискахъ лицъ, близко стоявшихъ ко Двору Императора Александра Павловича, подтвердившихъ разсказъ свой ссылкой на памятникъ, до сихъ поръ сохраняющійся на одномъ изъ столичныхъ кладбищъ...

Эпизодъ этотъ относится къ моменту вторичнаго сближенія Императора съ Нарышкиной, и вѣсть объ этомъ сближеніи, горькимъ ударомъ отозвалась на любящемъ сердцѣ Императрицы...

Она знала, что эта соперница Ее не пощадитъ!.. Знала, что изъ ея рукъ Она державнаго супруга своего не вырветъ... и это сознаніе стоило Ей многихъ страданій, многихъ горькихъ, тайно пролитыхъ слезъ...

Развлеченій молодая Императрица вообще не любила... а тяжелое горе, переживаемое Ею, сдѣлало Ее еще болѣе нелюдимой...

Она почти никуда не выѣзжала, и ограничила посѣщенія свои тѣснымъ кружкомъ особенно близкихъ и преданныхъ Ей лицъ. Къ числу этихъ лицъ принадлежала родственница любимой фрейлины Императрицы, Валуевой, въ домѣ которой Императрица не рѣдко проводила по нѣсколько часовъ. Здѣсь, въ непринужденномъ обществѣ преданныхъ Ей людей, Она отдыхала душой и хотя минутно отвлекалась отъ своего горя, предаваясь любимымъ искусствамъ, пѣнію, и музыкѣ.

Императрица прекрасно играла, и обладала большимъ и хорошо обработаннымъ голосомъ.

Но Сама Она пѣла рѣдко и предпочитала слушать чужое пѣніе, изрѣдка только рѣшаясь исполнить дуэтъ съ кѣмъ-нибудь изъ импровизированныхъ пѣвцовъ.

Въ числѣ послѣднихъ обратилъ на себя вниманіе Императрицы, молодой кавалергардскій офицеръ Охотниковъ, обладавшій прекраснымъ голосомъ и исполнявшій, модные въ то время романсы, съ неподдѣльнымъ чувствомъ и глубокимъ умѣньемъ.

Императрица съ особеннымъ удовольствіемъ слушала молодого пѣвца, и не могла не замѣтить съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ онъ встрѣчалъ Ея милостивое вниманіе и принималъ Ея одобреніе.

Встрѣчи повторялись все чаще и чаще... Импровизированные концерты длились все долѣе... все сильнѣе увлекали и слушателей и исполнителей, и Императрица, при всей скромности своей, и... при всей своей строгой неприступности, не могла не замѣтить, что въ тѣхъ взглядахъ, которые молодой Охотниковъ останавливалъ на ней, было не одно только вѣрноподданническое чувство глубокой преданности...

Она видѣла и понимала, что въ этихъ взглядахъ любо́вь свѣтилась... глубокая, преданная, благоговѣйная любовь, которая ни разсердить, ни оскорбить никого не могла!..

Такъ, глубоко вѣрующій человѣкъ, Бога любитъ!..

Не одна Императрица видѣла и понимала эту преданную, глубокую привязанность...

Ее видѣли и понимали всѣ кругомъ... но никто не смѣлъ объ этомъ говорить...

Ни одно интимное дружеское собраніе уже не обходилось безъ присутствія красавца Охотникова...

Ни одинъ импровизированный концертъ не обходился безъ его обязательнаго участія... и когда однажды хозяйка дома предупредила собравшихся гостей, что концертъ придется устроить безъ всеобщаго любимца-пѣвца, потому что Охотниковъ, простудившійся на парадѣ, боленъ, то ни отъ кого не укрылось то впечатлѣніе, какое извѣстіе это произвело на Императрицу...

Нѣкоторое время Охотниковъ не появлялся вовсе на горячо любимыхъ имъ вечерахъ, и когда въ первый разъ послѣ болѣзни онъ встрѣтился съ Императрицей, Она не могла скрыть ни своего смущенія, ни того чувства сердечной радости, какую Она испытывала отъ этой встрѣчи...

Этотъ вечеръ былъ началомъ той краткой и свѣтлой странички сердечнаго романа, который стоилъ жизни несчастному Охотникову...

Онъ уже не въ силахъ былъ скрывать охватившей его, горячей, мучительной страсти...

Императрица встрѣчала его восторженные взгляды, безъ прежней строгой холодности...

Случай довершилъ остальное!..

Глубоко оскорбленная дерзкой выходкой Нарышкиной, съ каждымъ днемъ дѣлавшейся все смѣлѣе и смѣлѣе, Императрица, вся взволнованная, пріѣхала съ обычнымъ визитомъ къ своей знакомой...

Ее въ этотъ вечеръ не ждали, и кромѣ хозяйки дома, она нашла тамъ только одного Охотникова...

Зашелъ разговоръ болѣе откровенный, нежели обыкновенно. Прямо и безъ стѣсненія высказано было глубокое горе...

Въ отвѣтъ на это полились слова утѣшенія...

Императрица осталась одна съ Охотниковымъ, и подъ впечатлѣніемъ горькой, кровавой обиды, нанесенной Ей и какъ женщинѣ, и какъ женѣ, Она, почти безсознательно, первая упала въ объятія Охотникова, ища въ нихъ отзвука и защиты своему безъисходному горю!..

Съ этой минуты Она почувствовала себя уже не такой одинокой... не такой сиротливой и беззащитной среди окружавшей Ее раболѣпной, но холодной толпы... Она поняла, что подлѣ Нея былъ человѣкъ Ей беззавѣтно преданный, человѣкъ, для котораго Она была святыней, и для котораго воля Ея была закономъ!..

Какъ не тщательно скрывалась эта связь отъ любопытныхъ и враждебныхъ глазъ, но слухъ о ней дошелъ до вдовствующей Императрицы. Марія Ѳеодоровна, никогда особенно горячо не любившая невѣстку и искавшая оправданія невѣрности своего державнаго Сына,—приняла дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы подробнѣе разузнать объ увлеченіи молодой Императрицы. Предпринятыхъ розысковъ, а равно и полученныхъ свѣдѣній Она не скрыла отъ личнаго секретаря своего Вилламова, всегдашняго яраго защитника Импе-

ратрицы Елисаветы Алексѣевны, не рѣдко упрекавшаго Императрицу-Мать, въ несправедливости къ невѣсткѣ.

Вилламовъ отказался повѣрить тому что услыхалъ отъ Маріи Ѳеодоровны, а равно отказался и отъ участія въ дальнѣйшихъ розыскахъ, предпринятыхъ Императрицей, по этому поводу...

— Я въ шпіоны не гожусь, Ваше Величество!.. смѣло заявилъ онъ, въ отвѣтъ на просьбу Императрицы, учредить тайный надзоръ за Елисаветой Алексѣевной, и ея тайнымъ сообщникомъ.

— Я оскорбилъ бы Васъ, ежели бы, состоя вашимъ личнымъ секретаремъ, я въ то же время исполнялъ и должность шпіона...

Императрица промолчала, и послѣ минутнаго молчанія, шутя замѣтила ему, что Она иногда его самого подозрѣваетъ въ увлеченіи молодой Императрицей.

— Слишкомъ ужъ усердно вы Ее защищаете!..—закончила Она, грозя ему пальцемъ.

— Въ честныхъ поступкахъ нѣтъ мѣста слову „слишкомъ“! серьезно замѣтилъ онъ въ отвѣтъ.—А защиту Вашей державной невѣстки, я считаю священной обязанностью всякаго порядочнаго человѣка!..

Но благородное заступничество Вилламова не произвело желаннаго дѣйствія, и Императрица-Мать не оставила намѣренія прослѣдить и изобличить невѣстку, въ измѣнѣ мужу!..

Императоръ Александръ, тѣмъ временемъ, въ своемъ увлеченіи Нарышкиной, не только не скрывалъ своей страсти, а прямо-таки щеголялъ ею, и съ несвойственной ему неделикатностью, подчеркивалъ то предпочтеніе, какое Онъ оказывалъ фавориткѣ передъ законной женой, и коронованной Императрицей.

Императрица Елисавета Алексѣевна въ свою очередь, подъ вліяніемъ того чувства, которымъ на время свѣтилась Ея одинокая, сиротливая жизнь, стала замѣтно равнодушнѣе къ мужу.

Это не ускользнуло отъ Государя, и Онъ, не на шутку недовольный женою, выразилъ это неудовольствіе матери.

Марія Ѳеодоровна вновь обратилась къ Вилламову и вновь получила въ отвѣтъ, что каждый долженъ понять и оправдать законную жену, въ ея справедливомъ неудовольствіи, на слишкомъ смѣлую и недостойную Ея соперницу.

Императрица промолчала, но въ душѣ съ секретаремъ своимъ не согласилась и продолжала свои тайныя наблюденія и розыски.

Она-ли фактически убѣдившись въ дѣйствительности увлеченія своей невѣстки, оповѣстила Сына объ измѣнѣ жены?.. Изъ другаго-ли источника до Него дошла вѣсть объ этомъ, но въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ 1806 года, при выходѣ изъ театра, Охотниковъ былъ раненъ кинжаломъ въ бокъ.

Онъ хорошо понялъ, по чьему повелѣнію и за что нанесена была ему рана, но упорно не желая огласки, сказалъ всѣмъ своимъ приближеннымъ, что полученная имъ рана была послѣдствіемъ дуэли, и этимъ путемъ достигнулъ ихъ полнаго молчанія, такъ какъ дуэли въ то время, строго и неумолимо преслѣдовались.

Рана нанесена была мѣтко... Рука наемнаго убійцы не дрогнула, и доктора, тотчасъ же призванные къ раненому, единодушно рѣшили, что рана смертельна.

Молодая Императрица, немедленно оповѣщенная обо всемъ случившемся, послала къ больному своихъ личныхъ докторовъ, и они подтвердили Ей безнадежное положеніе раненаго.

Тогда Она, движимая уже не столько чувствомъ любви сколько чувствомъ справедливости, порѣшила Сама лично поѣхать навѣстить Охотникова.

Легенда того времени передаетъ, что въ этомъ визитѣ, о которомъ больной былъ заранѣе предупрежденъ, Императрицу сопровождала Ея сестра, но въ сущности трудно опредѣлить, которая именно изъ Ея сестеръ, могла въ то время находиться въ Петербургѣ?

Остается предположить, что Императрицу сопровождала которая-нибудь изъ приближенныхъ, и особенно преданныхъ Ей придворныхъ дамъ.

Охотниковъ встрѣтилъ высокую посѣтительницу свою въ мундирѣ, среди комнаты сплошь убранной цвѣтами. Онъ

былъ смертельно блѣденъ и съ трудомъ двигался, но старался держаться бодро, чтобы болѣзненнымъ видомъ своимъ не слишкомъ напугать и разстроить Императрицу.

Она въ свою очередь, желая ободрить больного, стала говорить ему о возможности выздоровленія и о возвратѣ всего прошлаго!..

Онъ слушалъ Ее со слезами благодарности, но въ отвѣтъ прямо заявилъ, что состояніе свое онъ хорошо понимаетъ, къ переходу въ вѣчность готовъ, и что, уходя изъ міра, онъ со слезами признательности оглянется на то счастіе, которое выпало ему на долю въ послѣдній годъ его жизни!..

Когда наступила минута разлуки, Императрица подошла къ Охотникову и поцѣловала его въ губы...

Онъ покрылъ Ея руки поцѣлуями и съ глубокимъ чувствомъ произнесъ:

— Я умираю совершенно счастливымъ... и только осмѣлюсь обратиться къ вамъ съ послѣдней, горячей просьбой: Дайте мнѣ что-нибудь на память отъ Васъ, что я могъ бы унести съ собою въ гробъ?..

Императрица отрѣзала локонъ волосъ, и передала его Охотникову, вмѣстѣ съ золотымъ медальономъ, въ которомъ былъ Ея портретъ.

Онъ съ восторгомъ прижалъ къ губамъ драгоцѣнный подарокъ, и тутъ же обратясь къ находившемуся при немъ брату, выразилъ желаніе, чтобы и локонъ и медальонъ положены были съ нимъ въ гробъ, и вмѣстѣ съ нимъ опущены въ могилу...

Онъ самъ проводилъ свою дорогую гостью до наружныхъ дверей и, вернувшись, слегъ въ постель, чтобы ужъ больше не вставать!..

О кончинѣ его, послѣдовавшей черезъ нѣсколько дней послѣ Ея посѣщенія, немедленно доложено было молодой Императрицѣ, и Она тотчасъ же вторично, уже прямо и смѣло посѣтила квартиру усопшаго, и встрѣченная его братомъ, прошла къ гробу, и, опустившись передъ нимъ на колѣни, долго плакала и молилась...

На другой день, дама, оба раза сопровождавшая Императрицу (сестра или избранная, вѣрная подруга) вновь пріі-

ѣхала въ квартиру Охотникова, и обратилась къ брату его, который, по предсмертному распоряженію умершаго, передалъ ей шкатулку съ письмами Императрицы.

Та же особа, отъ Имени Императрицы, выразила просьбу, чтобы Ей предоставлено было право поставить на могилѣ Охотникова памятникъ, по лично Ею указанному рисунку.

— Преданный другъ покойнаго желаетъ сдѣлать ему это посмертное, горькое приношеніе!..—сказала посланная и тотчасъ же получила согласіе осиротѣвшаго брата Охотникова.

Въ томъ же году памятникъ былъ заказанъ извѣстному скульптору Мартосу, и быстро и прекрасно исполненный, поставленъ былъ на могилѣ Охотникова, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Какъ заказъ, такъ и его быстрое исполненіе, не укрылись отъ бдительнаго надзора вдовствующей Императрицы, и Она, вновь обратившись къ Вилламову, торжествующимъ тономъ сказала ему:

— Вотъ вы Мнѣ не хотѣли вѣрить?.. Поѣзжайте и убѣдитесь сами!.. Императрица Елисавета не постѣснялась даже свою скорбную фигуру отлить изъ бронзы, и выставить на показъ на могилѣ горячо любимаго человѣка!..

— Я не имѣю привычки слѣдить за тѣмъ, что до меня не касается!..—рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Вилламовъ.—Я не знаю даже, гдѣ именно погребенъ, несчастный Охотниковъ.

— А вамъ даже и его жаль?..—насмѣшливо освѣдомилась Императрица.

— Какъ каждаго честнаго и порядочнаго человѣка...—смѣло отпарировалъ Вилламовъ.

— Ежели вы не знаете мѣста, гдѣ погребенъ... этотъ господинъ... то Я могу вамъ съ точностью указать его!..—продолжала Императрица.—И посовѣтую вамъ... даже попрошу васъ навѣстить эту могилу, и полюбоваться на необычайный памятникъ, воздвигнутый на ней. Найти могилу господина Охотникова, очень легко! Отправьтесь въ Александро-Невскую Лавру, войдите въ ворота, и затѣмъ, не доходя до мостика, поверните налѣво... къ калиткѣ кладбища. Тамъ, у противуположной стѣны, вы увидите памятникъ, о которомъ

Я говорю. Онъ изображаетъ скалу съ растущимъ на ней высокимъ и развѣсистымъ дубомъ. Вершина дуба сломлена грозой!.. Подъ сѣнью его сидитъ женщина, вся окутанная густымъ покрываломъ, и держитъ въ рукахъ погребальную урну. Всѣ знаютъ этотъ памятникъ!.. Всѣ его видѣли, и всѣхъ равно поразило сходство задрапированной фигуры съ очертаніемъ фигуры Императрицы Елисаветы!..

Неизвѣстно, посѣтилъ-ли Вилламовъ, указанный ему Императрицей надгробный памятникъ, но на Лазаревскомъ кладбищѣ памятникъ этотъ можно видѣть и понынѣ...

Время наложило на него свою всемогущую руку... но фигура женщины сохранилась во всей граціи мастерскаго изваянія, и сохранились также укрѣпленные подъ скалою, желѣзный крестъ и якорь. Надпись, вырѣзанная на памятникѣ, отчасти стерлась, но при стараніи можно еще прочесть слѣдующія слова:

„Здѣсь погребено тѣло кавалергардскаго полку штабъ-ротмистра Алексѣя Яковлевича Охотникова, скончавшагося генваря 30 дня 1807 года, на 27 году отъ своего рожденія".

Передаемъ надпись эту въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась.

Но строгій къ женѣ, самъ Александръ въ своемъ увлеченіи Нарышкиной, не только не скрывалъ своей страсти, а прямо щеголялъ ею, и нерѣдко съ преступной откровенностью посвящалъ свою несчастную жену, въ подробности того блаженства, какое Онъ вкушалъ въ объятіяхъ красавицы Марьи Антоновны.

Однажды, когда послѣ одного изъ подобныхъ разсказовъ, Великій Князь прощаясь съ женою, хотѣлъ обнять и поцѣловать ее, Великая Княгиня уклонилась отъ этой ласки, замѣтивъ Ему, что на немъ еще лежитъ печать тѣхъ поцѣлуевъ какіе расточала, Ему ея соперница.

Александръ остался недоволенъ такимъ тономъ и не скрылъ своего неудовольствія отъ жены.

Она молча вынесла его гнѣвъ, но въ общемъ весь укладъ ея семейной жизни не могъ удовлетворить Великую Княгиню. Императоръ Павелъ не любилъ ее, какъ не любилъ Онъ никого изъ членовъ своего семейства.

Императрица не скрывала своего равнодушнаго отношенія къ ней, а державный супругъ ея даже не симулировалъ горячей привязанности къ ней!

Онъ былъ непостижимо откровененъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ седьмой заповѣди, и нерѣдко шутливо замѣчалъ, что въ томъ катехизисѣ, по которому онъ учился, эта заповѣдь, вѣроятно, была совершенно пропущена.

Надъ религіей Александръ шутилъ рѣдко, и нужно было все вліяніе Нарышкиной, которая ни во что не вѣрила и надъ всякимъ вѣрованіемъ смѣялась, для того, чтобы привести Великаго Князя къ самому легкому глумленію по адресу религіи, и ея священныхъ догматовъ.

Александръ, вѣроятно весь отдался-бы своему увлеченію, ежели-бы обстоятельства наступавшаго историческаго момента, не давали себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе...

Броженіе въ обществѣ росло... и, перейдя въ армію, грознымъ призракомъ вставало надъ страною...

Нужно было всю больную психику Императора Павла для того, чтобы не опомниться и не остановиться во время... До Александра доходили отзвуки постепенно возраставшаго ропота... и Панинъ, особенно близко къ Нему стоявшій, рѣшился, наконецъ, серьезно и положительно переговорить съ нимъ о томъ, что подобный порядокъ вещей далѣе немыслимъ, и что отъ Павла слѣдуетъ добиться согласія на передачу престола его преемнику.

Но система шпіонства была такъ сильно развита при новомъ Дворѣ, что почти невозможно было найти свободную минуту, для прямого и откровеннаго объясненія.

Подъ вліяніемъ этого, Панинъ рѣшился на оригинальную мѣру, и назначилъ Александру свиданіе въ банѣ.

Явившись на зовъ, Великій Князь подробно и обстоятельно выслушалъ весь планъ будущихъ дѣйствій, но и на этотъ разъ не далъ своей положительной санкціи, хотя и понялъ безповоротно всю необходимость измѣнить сложившійся порядокъ вещей, и такъ или иначе обуздать проявленіе болѣзненной воли, видимо ненормальнаго Императора.

Панинъ передалъ единомышленникамъ своимъ о своемъ разговорѣ съ Наслѣдникомъ и получилъ отъ нихъ подтвержденіе, что медлить долѣе нельзя, и что, ежели не помогутъ сравнительно мягкія мѣры, придется прибѣгнуть къ нежелательному насилію.

Вотъ этого, именно, и боялся Александръ.

Снѣдаемый тревогой и тайнымъ мучительнымъ предчувствіемъ, онъ глухо, почти безсознательно предвидѣлъ надвигавшуюся страшную катастрофу...

Къ матери Онъ не обращался, Онъ сознавалъ полную безполезность подобнаго обращенія... и, отыскивая кругомъ себя лицо, съ которымъ Онъ могъ-бы поговорить совершенно откровенно, Онъ остановился на недавней фавориткѣ, Нелидовой, которая проживала въ Смольномъ Монастырѣ въ аппартаментахъ, спеціально для нея отдѣланныхъ, по приказанію Императора Павла.

Онъ послалъ предупредить Е. И. Нелидову о желаніи посѣтить ее, и она, почтительно встрѣтивъ его, тѣмъ не менѣе, отъ всякаго участія въ дѣлѣ уклонилась, сознавая, что время ея вліянія на Павла прошло безповоротно, и что ничто и никто не въ состояніи остановить Его въ эту минуту.

Бесѣда съ Нелидовой не только не успокоила Наслѣдника, но, напротивъ, пробудила въ Его душѣ новую, еще болѣе сильную тревогу.

Онъ цѣнилъ умъ и проницательность бывшей фаворитки, зналъ ее за женщину осторожную, но отнюдь не трусливую, и понималъ, что опасность такъ глубоко сознаваемая ею, была дѣйствительной и серьезной опасностью.

Но что могъ Онъ сдѣлать?..

Какими мѣрами Онъ могъ предотвратить неизбѣжную, грозно надвигавшуюся катастрофу?..

Все, сообщенное Ему Панинымъ во время ихъ оригинальнаго свиданія въ банѣ, клонилось къ тому, чтобы заручиться Его согласіемъ на экстренныя мѣры, вызываемыя вновь наступившимъ царствованіемъ.

Согласія на гибель и насильственную смерть Императора Павла, отъ Него, какъ отъ сына, никто не требовалъ и не смѣлъ требовать!

Требовали только, чтобы Онъ, во главѣ сформировавшейся партіи, настоялъ на полномъ и безповоротномъ отреченіи Павла отъ престола.

Александру и это сдѣлать было больно и тяжело... и строго провѣренное свидѣтельство всѣхъ Его серьезныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, единодушно подтверждаетъ полную неосвѣдомленность Наслѣдника о томъ, къ чему должно было привести возмущеніе 1801 года.

Сознавалъ-ли самъ Императоръ Павелъ всю силу угрожавшей ему опасности, сказать трудно... но ожесточеніе его въ послѣдніе дни, предшествовавшіе катастрофѣ, шло все увеличиваясь, и на семью свою Онъ смотрѣлъ, какъ на заклятыхъ враговъ. Особенно враждебно относился Онъ къ старшему сыну, и многочисленная могущественная партія его защитниковъ, предупредила Александра, что Ему лично грозитъ опасность...

Дѣйствительно, ненависть Павла къ семьѣ была такъ велика, что въ умѣ его уже состоялось непреложное рѣшеніе вѣчнаго заточенія обоихъ сыновей въ крѣпость, и насильственное постриженіе жены, въ одной изъ далекихъ и глухихъ обителей.

О передачѣ престола сыну, Павелъ пересталъ даже думать. Онъ, больной волей пристрастился къ юному Принцу Евгенію Виртембергскому, и порѣшилъ передать ему всѣ права на русскій престолъ. При такихъ-то почти невѣроятныхъ условіяхъ, состоялась та роковая катастрофа, которая стоила жизни психически больному Императору.

Въ настоящую минуту не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ лицѣ Павла Петровича, на русскій престолъ взошелъ совершенно больной человѣкъ, съ дѣтства подверженный сильнымъ припадкамъ падучей болѣзни, ослабившимъ Его разумъ, и отразившимися на его психикѣ.

Ошибка Его современниковъ состояла въ томъ, что такой невмѣняемый правитель допущенъ былъ до воцаренія, и до Священнаго коронованія!

Съ первыхъ чиселъ марта 1801 года Павелъ сдѣлался особенно пасмуренъ и тревоженъ и почти совсѣмъ лишился сна.

Въ это время онъ совершенно отдался во власть петербургскаго генералъ-губернатора Палена, которому вѣрилъ безгранично, и который, разсыпаясь передъ нимъ въ выраженіяхъ любви и преданности, въ то-же время стоялъ во главѣ назрѣвшаго, смѣлаго и безпощаднаго заговора.

9-го марта, утромъ, Императоръ, наканунѣ долго и много писавшій, призвалъ къ себѣ старшаго сына и съ гнѣвомъ и укоромъ объявилъ Ему, что ему извѣстны всѣ Его предательскія намѣренія.

Напрасны были увѣренія Великаго Князя, что никакихъ предательскихъ намѣреній Онъ въ душѣ своей не питаетъ, и что спокойствіе страны и личную безопасность Государя Онъ готовъ защищать цѣною жизни своей.

— Мнѣ все извѣстно!...—безъапелляціонно повторилъ Павелъ:—И никто не долженъ ждать отъ меня пощады!

Александръ вернулся отъ отца въ самомъ мрачномъ настроеніи. Онъ понималъ всю опасность личнаго своего положенія, и весь ужасъ угрожавшаго переворота.

Онъ сознавалъ что избѣгнуть этого уже нельзя!..

Понималъ, что лично Онъ предотвратить ничего не въ силахъ.

11-го марта утромъ, Императоръ вновь призвалъ обоихъ сыновей, и встрѣтилъ ихъ угрозами и обѣщаніями строгой кары...

Что-то грозное, кошмарное, какъ бы нависло надъ Михайловскимъ дворцомъ!..

Затѣмъ весь остальной день Императоръ Павелъ былъ какъ-то насильственно, тревожно веселъ, и оживленъ... Онъ шутилъ, смѣялся, но и въ его шуткахъ и смѣхѣ слышалось нервное возбужденіе.

Передъ вечеромъ оба Великіе Князя, по приказанію отца, были арестованы въ ихъ аппартаментахъ...

За ужиномъ Императоръ Павелъ много шутилъ и смѣялся, а послѣ ужина, подойдя къ висѣвшему около прихожей зеркалу, внезапно обернулся къ стоявшимъ близъ него и, указывая на свое отраженіе въ стеклѣ, сказалъ:

— Какое странное зеркало!.. Я въ немъ вижу себя съ вывернутой шеей!.. Точно удавленникъ!

Послѣ ужина онъ прошелъ молча черезъ аппартаменты сыновей, вскочившихъ при его появленіи.

Онъ былъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Лицо его было строго, холодно, и какъ-то особенно блѣдно...

Онъ ни слова не сказалъ сыновьямъ... и больше уже живымъ они его не видали!..

Это была ихъ послѣдняя встрѣча въ этомъ мірѣ!..

Ложась спать, Императоръ, какъ извѣстно, допустилъ смѣну караула, замѣнивъ вѣрную и неподкупную стражу измѣнниками и бунтовщиками, и оставилъ для личной своей охраны только двухъ камеръ-гусаръ, изъ которыхъ одинъ палъ жертвой своей преданности долгу и присягѣ, грудью защищая входъ въ спальню Императора.

Наглухо задѣлана была дверь, ведущая винтовой лѣстницей въ комнаты Императрицы, и тщательно заперта была дверь, сообщавшаяся съ аппартаментами, занятыми княгиней Голицыной.

Все это были бы возможные источники спасенія въ критическую минуту, и всего этого Императоръ лишился, слѣдуя неуклонно всѣмъ совѣтамъ Палена, до конца безпощадно сыгравшаго свою предательскую роль!..

Все случившееся дальше, слишкомъ извѣстно для того, чтобы это повторять...

Императоръ палъ жертвой безпощадной, жестокой борьбы, въ которой не пощадили не только законнаго и коронованнаго Государя, но даже и человѣка не захотѣли пощадить!..

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ покояхъ Императрицы должны были быть слышны и шумъ, и борьба послѣдней схватки Императора съ убійцами, но... что она могла сдѣлать?..

Что касается до Великихъ Князей, то до ихъ аппартаментовъ никакой отголосокъ роковой борьбы, дойти не могъ!

Александръ, съ утра сильно взволнованный, тотчасъ послѣ ужина бросился въ постель и, не раздѣваясь заснулъ, или точнѣе, забылся тяжелымъ, болѣзненнымъ сномъ.

Константинъ былъ тутъ же, вмѣстѣ съ Нимъ, но онъ не спалъ. Его мучало какое-то неопредѣленное чувство страха...

— Точно давило что-то!.. Всю грудь давило!.. — разсказывалъ онъ впослѣдствіи, описывая впечатлѣнія этой страшной ночи...

Графъ Паленъ порывисто вбѣжалъ въ комнату и прямо бросился къ дивану, на которомъ спалъ Александръ.

Великій Князь словно почувствовалъ его приближеніе.

Онъ вскочилъ съ мѣста въ сильномъ волненіи...

Паленъ стоялъ передъ нимъ блѣдный и тяжело дышалъ...

Что-то дрогнуло въ душѣ Великаго Князя...

Мрачное предчувствіе охватило его душу...

— Императоръ?!..—могъ только произнести онъ и замолкъ...

— Императоръ скончался!.. — тихо, но твердо сказалъ Паленъ. — Подданные Вашего Величества, ожидаютъ Васъ!..

Александръ схватился за голову, и зарыдалъ...

Онъ боялся этой страшной вѣсти... Онъ почти предвидѣлъ ее. Но смѣлое и прямое объявленіе о кончинѣ отца, все-таки застало его врасплохъ!..

Онъ рыдалъ порывисто и неутѣшно... Рыдалъ, какъ женщина... какъ ребенокъ!..

Константинъ, подойдя къ брату, молча обнялъ Его...

По его лицу тоже струились слезы...

Паленъ смотрѣлъ на все это съ видимымъ нетерпѣніемъ.

А издали доносился возраставшій гулъ голосовъ...

Паленъ подошелъ къ Александру и тронулъ Его за плечо.

— Васъ ожидаютъ!.. — настоятельно и твердо повторилъ онъ.

Александръ не отвѣчалъ.

Онъ какъ будто даже не слыхалъ того, что ему говорили.

Гулъ въ отдаленіи все росъ...

Слышны были приближавшіеся шаги...

Энергичное лицо Палена, мгновенно исказилось выраженіемъ жгучаго нетерпѣнія...

— Assez faire l'enfant! Allez rêgner!.. (Перестаньте ребячиться... Идите царствовать!)—громко и рѣшительно, почти крикнулъ онъ.

Этотъ историческій окрикъ, пробудилъ энергію Александра. Онъ всталъ и, на ходу откидывая рукой волосы, прилипшіе къ блѣдномъ лбу, направился къ двери...

За нимъ послѣдовалъ Паленъ.

Александръ Павловичъ въ ту же ночь переѣхалъ въ Зимній Дворецъ.

Всѣ, успѣвшіе собраться туда, встрѣтили Его уже, какъ Императора...

Онъ молчаливымъ поклономъ отвѣчалъ на почтительныя привѣтствія, и потокъ слезъ вновь хлынулъ изъ его глазъ.

Онъ былъ необыкновенно трогателенъ и симпатиченъ въ эту минуту, и по свидѣтельству лица, немедленно послѣ этого перваго царскаго выхода, набросавшаго свои впечатлѣнія, сердца всѣхъ присутствующихъ неслись къ нему навстрѣчу. Онъ, поднявъ глаза, окинулъ всѣхъ присутствующихъ пристальнымъ взглядомъ, и снова поблѣднѣлъ сильнѣе прежняго...

Вѣсть о катастрофѣ въ стѣнахъ Михайловскаго дворца, раннимъ утромъ разнеслась по всему Петербургу, и строгая и безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ о томъ полномъ и всестороннемъ ликованіи, которое вызвано было извѣстіемъ о кончинѣ Императора Павла.

Не злодѣйское средство, пущенное въ ходъ для того чтобы избавиться отъ правленія видимо больного и невмѣняемаго Государя, вызывало эту бурю восторговъ!.. Радоваться гибели признаннаго и коронованнаго Монарха, не въ духѣ русскаго народа!.. Но всѣ легко вздохнули при мысли, что наступилъ предѣлъ всѣмъ безсмысленно стѣснительнымъ мѣрамъ, всѣмъ до невмѣняемости дикимъ и непонятнымъ распоряженіямъ, которыми изобиловало кратковременное царствованіе Павла. Всеобщая радость неудержимо вылилась въ шумныхъ крикахъ восторга, оглушавшихъ улицы, и скорбью отзывавшихся въ сердцахъ лицъ, близкихъ къ мучительно скончавшемуся Императору.

Но объ этомъ никто не хотѣлъ помнить... Съ этимъ никто не хотѣлъ считаться!..

Всѣ помнили и сознавали только, что миновала година бѣдствій, миновала пора безсмысленныхъ требованій и безъапелляціонныхъ взысканій, и всеобщій восторгъ при этомъ сознаніи былъ такъ великъ, что, при встрѣчѣ на улицахъ, совершенно незнакомые между собою люди обнимались и

поздравляли другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія!..

Чувствовалось и сознавалось, что всеобщее терпѣніе было напряжено до невозможности, и что передъ зарей желанной свободы, не время считаться съ тѣмъ, какой цѣной эта свобода куплена!

А на душѣ у молодого Императора, было тяжело и смутно!..

Онъ страдалъ за отца... Страдалъ за родину, которой понадобилось это роковое цареубійство, для того чтобы воскреснуть къ новой жизни!.. Страдалъ за себя, глубоко сознавая свое безсиліе передъ тѣмъ стихійнымъ бѣдствіемъ, какое переживала Россія!..

Ко всему этому присоединялось еще и горькое сознаніе, что на него лично можетъ пасть подозрѣніе въ участіи, въ этомъ страшномъ и роковомъ событіи...

Въ душѣ Онъ сознавалъ свою полную и несомнѣнную правоту. Участникомъ въ совершенномъ цареубійствѣ Онъ не былъ, и не могъ быть!.. Въ отцеубійствѣ никто не смѣлъ Его заподозрить... На этомъ пунктѣ сходятся единодушно всѣ историки этого смутнаго, тревожнаго русскаго дня!..

Но, несомнѣнно и то, что о готовившемся возстаніи Александръ зналъ, и что случись все это нѣсколькими годами позже, когда и опыта, и знанія людей въ Немъ было больше, Онъ глубже вникнулъ бы въ характеръ лицъ, стоявшихъ во главѣ рокового шага, глубже понялъ бы ихъ... а вмѣстѣ съ этимъ понялъ бы и то, что въ роковую рѣшительную минуту, смѣлые бунтовщики могли не отвѣчать за себя и, почти невольно пойти дальше того, что сами предполагали и на что сами рѣшались!..

Одинъ изъ безпристрастнѣйшихъ иностранныхъ историковъ того времени, дѣлаетъ горькое для русскаго общества замѣчаніе, что въ событіи 11-го марта 1801 года, равно возмутительными являются, и пролитая преступниками кровь, и... выпитое ими передъ этимъ вино!..

Не сознательно недовольные извѣстнымъ режимомъ люди, съ словами убѣжденія вошли въ спальню коронованнаго Императора, чтобы потребовать отъ Него отчета въ Его дѣйствіяхъ... Въ спальню Его ворвалась ватага пья-

ныхъ людей, съ кулаками набросившихся на свою беззащитную жертву!..

Они не прямо убили свою жертву... Они звѣрски, безсмысленно, безчеловѣчно искалѣчили и обезобразили, молившаго о пощадѣ Императора, топтали Его ногами, и покрыли подтеками и синяками Его лицо.

Рѣдко даже помѣщики-самоуправцы, въ тѣ далекія времена, на конюшняхъ такъ безпощадно добивали своихъ крѣпостныхъ какъ эта горсть русскихъ людей, добила Императора въ его дворцѣ, въ его собственной спальнѣ!..

Знай Александръ I лучше и глубже характеръ Палена, этого двоедушнаго человѣка, бывшаго душой заговора и сыгравшаго въ немъ классическую роль Іуды!.. Пойми Онъ суть характера Зубова, который не могъ простить Павлу ни своего паденія, ни своего униженія послѣ смерти Екатерины!.. Загляни Онъ пристальнѣе въ душу, въ сущности ничтожнаго но безжалостнаго въ своей ярости, князя Яшвиля,—Онъ понялъ бы, что строго намѣченной программы у этихъ людей не было, и быть не могло... и что, собравшись на пьяную пирушку, чтобы прямо съ нея отправиться на свое звѣрское, но все-таки крупное дѣло, они не могли заранѣе опредѣлить, куда ихъ заведетъ азартъ пьянаго разгула... чѣмъ окончится ихъ похмѣльное злодѣйство!..

Много крови пролито было на Руси, за истекшіе три вѣка... Много капель крови брызнуло и на царскій тронъ... но врядъ ли какое-нибудь изъ совершившихся кровавыхъ событій, носило на себѣ тотъ характеръ кошмарнаго, полукабацкаго пьянаго буйства, какое носила сцена убіенія Императора Павла!..

Такъ Пугачевщина только пировала, передъ кровавыми расправами... да стрѣльцы въ пьяномъ азартѣ шли на защиту мнимо поруганной и оскорбленной, царевны Софьи!..

Но тамъ на открытую борьбу шли люди... и, отнимая насильственно чужую жизнь, они и своей жизнью рисковали!.. Тогда какъ ни графъ Паленъ, ни графъ Зубовъ, ни просвѣщенный и элегантный Бенигсенъ, ничѣмъ не рисковали, и ничего не несли на алтарь своего страшнаго и безпощаднаго увлеченія!..

Они и дворцовый караулъ смѣнить успѣли ловкимъ обманомъ... и преданныхъ Императору людей успѣли удалить, и безпощадно убили одного изъ камеръ-гусаръ, послѣдней почетной стражи, охранявшей несчастнаго Императора, и пытавшейся, въ геройскомъ сопротивленіи, грудью заслонить Его отъ ватаги пьяныхъ бунтовщиковъ!..

Повторяемъ, ежели бы Александръ Павловичъ понялъ все это *до* кончины отца, Онъ сумѣлъ бы предупредить катастрофу...

Но для этого опытъ былъ нуженъ... Для этого нужно было то знаніе людей, какого у юнаго Государя не было!..

Ему только что минуло 24 года, и система даннаго Ему воспитанія не развила въ Немъ ни энергіи, ни глубокаго анализа, ни тонкой наблюдательности!

Все это пришло къ Нему позднѣе, и, придя, какъ туманомъ, заволокло всю остальную Его жизнь... омрачило весь Его свѣтлый горизонтъ, ужасомъ рокового воспоминанія отравило все Его царствованіе!..

Особенно сильно сказалось все это въ первые часы Его царствованія, когда Онъ, уже послѣ принесенной Ему присяги, вновь вышелъ къ ожидавшей Его публикѣ.

Онъ, среди горячихъ привѣтствій, милостиво и грустно раскланялся, поднялъ голову, и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ пристальнымъ взглядомъ, вновь потупился и замѣтно поблѣднѣлъ...

Въ числѣ лицъ, собравшихся привѣтствовать Его на порогѣ новой царственной жизни, не было лица наиболѣе Ему близкаго... Не было Его матери, Императрицы Маріи Ѳеодоровны!.. Онъ понялъ причину Ея отсутствія, и она глубоко оскорбила Его.

Онъ съ дѣтства привыкъ любить свою мать, но отъ Него не были скрыты горькія стороны Ея характера. Онъ зналъ, что Императрица честолюбива, понималъ что всѣ желанія, всѣ мечты Ея всегда тяготѣли къ власти, и что только деспотизмъ Императора Павла, въ силахъ былъ сдержать всю мощь этихъ честолюбивыхъ порывовъ.

Въ глубокое горе матери Онъ не вѣрилъ, хотя въ ту минуту и говорили кругомъ, что Императрица, въ порывѣ отчаянія, почти лишилась разсудка.

Онъ понималъ, что физическихъ силъ Ея хватило бы на то, чтобы придти къ Нему въ эту серьезную, отвѣтственную минуту... и что только нравственной силы своей Она поработить не хочетъ... Не хочетъ своимъ присутствіемъ санкціонировать великаго акта воцаренія Сына, какъ бы сомнѣваясь въ Его правотѣ передъ скорбной тѣнью Отца... какъ бы видя въ Немъ, сообщника цареубійцъ!..

Александръ тихонько шепнулъ Палену, что желалъ бы видѣть мать подлѣ себя...

Тотъ отвѣчалъ Ему, что объ этомъ не можетъ быть рѣчи, и что Императрица наотрѣзъ отказалась признать Его право на Престолъ раньше, нежели сама разберется во всемъ случившемся.

Александръ молча склонилъ голову передъ горечью такого оскорбленія... и... горькой минуты этой не забылъ никогда!..

Онъ прочелъ подъ маской безпросвѣтнаго горя, разочарованіе неудавшейся интриги... Онъ понялъ, что не потеря скончавшагося мужа, а потеря надежды на самостоятельную верховную власть, сокрушила гордую душу Императрицы, и, убѣдившись въ справедливости своихъ подозрѣній, никогда болѣе не довѣрялъ своей державной матери. Наружно ихъ соединяла самая горячая родственная связь. На дѣлѣ ихъ раздѣляла пропасть... и съ момента своего воцаренія, вплоть до момента своей кончины, Императоръ Александръ не оставилъ ни одного письма своей матери, не перлюстрованнымъ.

Онъ хотѣлъ знать всѣ Ея мысли... проникнуть во всѣ Ея намѣренія...

Особенное вниманіе Императора было обращено на переписку Маріи Ѳеодоровны съ племянникомъ Ея, принцемъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ, къ которому Императоръ Павелъ передъ своей кончиной сильно пристрастился, и которому Онъ, въ порывѣ своей больной воли, намѣревался оставить въ наслѣдіе русскій Престолъ.

Таковы были въ дѣйствительности взаимныя отношенія Державнаго Сына и Его горячо любимой Матери.

Въ глазахъ свѣта одно — въ душѣ другое!..

И тутъ опять то же двоедушіе... та же раздвоенность нравственная...

И здѣсь, на первой ступени обагреннаго кровью Трона, опять все тотъ же таинственный „Сѣверный Сфинксъ“, передъ которымъ въ нѣмомъ удивленіи останавливается исторія!..

Одною изъ главныхъ и не скрываемыхъ причинъ отдаленія и душевнаго разлада между юнымъ Императоромъ и вдовствующей Императрицей, было то, что въ первую минуту послѣ кончины Императора Павла, ни одинъ изъ убійцъ Его не понесъ не только строгой кары, но даже и преслѣдованію почти ни одинъ изъ нихъ не подвергся.

Даже прямой, фактическій убійца несчастнаго, больного Императора, князь Яшвиль, тотъ, отъ чьей руки погибъ злополучный Монархъ, былъ только сосланъ на жительство въ восточную Россію, что же касается остальныхъ, то слабая кара ожидала ихъ только въ отдаленномъ будущемъ, а графъ Николай Зубовъ, завѣдомо поднявшій руку на затравленнаго, спрятавшагося за ширмами, больного Павла,—въ день коронаціи Императора Александра въ Москвѣ, сидѣлъ вмѣстѣ съ Нимъ за парадным столомъ.

Все это не должно быть отнесено ни къ злой волѣ юнаго Монарха, ни къ равнодушію Его къ судьбѣ погибшаго Отца... Это была дань необходимому порядку вещей... Дань сложившимся обстоятельствамъ...

Воля Государя была связана, и иначе поступить Онъ не могъ!

Въ то время, какъ вновь воцарившійся Императоръ вмѣстѣ съ супругой своей поселился въ Зимнемъ Дворцѣ, вдовствующая Императрица упорно оставалась въ Михайловскомъ Замкѣ, тщетно добиваясь быть допущенной въ покои, гдѣ лежалъ скончавшійся Императоръ Павелъ.

Исполнить Ея требованіе, не представлялось никакой возможности!..

Тѣло, и, въ особенности лицо Павла, были слишкомъ обезображены и показать Его въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ былъ найденъ на полу спальни, никто бы не рѣшился!

Призваны были куаферы, рисовальщики, особенно опытные гримёры и чуть не живописцы, и на настоятельное требованіе вдовствующей Императрицы, прямо и категорично

отвѣчено было, что Она не можетъ быть допущена къ тѣлу Императора, потому что его „подрисовываютъ".

Юный Императоръ послѣ принесенія Ему присяги, продолжалъ пребывать въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ былъ предметомъ самыхъ горячихъ и самыхъ непритворныхъ овацій...

Отсутствіе матери по прежнему угнетало Его, и Онъ отправилъ оффиціальнаго курьера съ порученіемъ, отъ имени Императора Александра Павловича и Императрицы Елизаветы Алексѣевны, попросить Ея Величество вдовствующую Императрицу, пожаловать во Дворецъ.

Марія Ѳеодоровна, черезъ приближенныхъ къ Ней лицъ, отвѣчала что никакого Императора Александра не знаетъ и ни о какой Императрицѣ Елизаветѣ никогда не слыхала, а потому и обращенной къ Ней просьбы, исполнить не можетъ!..

Такого упорства не одобрилъ никто изъ лицъ, сгруппировавшихся вокругъ вновь воцарившагося Монарха.

Съ совершившимся фактомъ спорить было и странно, и безполезно... и ежели бы Императрица Марія Ѳеодоровна не была ослѣплена жаждой власти, Она поняла бы что необходимо уступить!.. Но Она въ упорствѣ своемъ рѣшилась на послѣднюю попытку, и допущенная къ тѣлу скончавшагося Императора, и поклонившись его праху, рѣшилась наконецъ, отправиться въ Зимній Дворецъ, но не иначе, какъ обставивъ свою поѣздку самымъ торжественнымъ образомъ.

Она поѣхала въ парадной траурной каретѣ, съ гайдуками по бокамъ, и приказала слѣдовать по улицамъ не спѣша, желая этимъ маневромъ дать народу время излить передъ Нею тѣ чувства благоговѣйнаго уваженія и безграничной преданности, какими, по личному Ея мнѣнію, были переполнены всѣ сердца по Ея адресу.

Но эффектъ придуманной сцены не удался. Манифестаціи не послѣдовало никакой... и карета вдовствующей Императрицы прослѣдовала отъ Михайловскаго Замка до Зимняго Дворца, среди мертваго молчанія...

Это было большимъ разочарованіемъ для Маріи Ѳеодоровны, въ теченіе всей долгой жизни своей такъ сильно бившей на эффектъ, и старавшейся окружить себя такимъ ореоломъ благотворительности, что послѣ Ея смерти отчеканена

была медаль, на которой изображена была Ея характерная голова, окутанная чернымъ креповымъ вуалемъ, и утопавшая среди цѣлой плеяды звѣздъ...

Вокругъ выгравированы были слова:

„Благодаримъ, благодаримъ Тебя, за жизнь Твою межъ нами".

Медаль эта раздавалась всѣмъ служившимъ въ подвѣдомственныхъ Ей благотворительныхъ учрежденіяхъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ была отчасти понятна...

У нея могли быть въ послѣдствіи заслуги передъ Россіей, но моментъ воцаренія Ея старшаго Сына, былъ невыгоднымъ моментомъ въ политической жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Слишкомъ натягивала она струны... и слишкомъ замѣтна была Ея игра!..

Въ самую ночь воцаренія, съ 11-го на 12-е марта, написанъ и отпечатанъ былъ манифестъ, опубликованный 12-го марта, утромъ, и въ первыхъ строкахъ своихъ ясно указавшій на ту программу, которой намѣренъ былъ слѣдовать вновь воцарившійся Императоръ.

Знаменательный манифестъ этотъ, переведенный на всѣ иностранные языки, и тотчасъ же сообщенный чрезъ посольства, всѣмъ европейскимъ державамъ, начинался словами:

„Судьбамъ Всевышняго угодно было прекратить жизнь любезнѣйшаго родителя Нашего, Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственный Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность направлять, Богомъ Намъ врученный народъ, по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почившей Августѣйшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память Намъ и всему Отечеству всегда будетъ любезна, да, по премудрымъ намѣреніямъ Ея шествуя, достигнемъ вознести Россію наверхъ славы".

Этими вступительными словами манифеста, ясно и опредѣленно высказывалось полное отреченіе Императора Александра, отъ политики и дѣятельности отца, и полная солидарность Его съ политикой великой Бабки.

Какъ Павелъ, съ перваго момента вступленія своего на Престолъ упорно и всесторонне отвергъ все, что было близко Его матери, такъ и Его преемникъ, съ неменьшей откровенностью прямо и во всеуслышаніе объявляетъ, едва ступивъ ногой на ступени Трона, что между Его правленіемъ и только что трагически окончившимся царствованіемъ Его отца, не останется никакой связи! Онъ ясно заявляетъ, что намѣренъ возвратить страну къ тѣмъ порядкамъ, какіе введены были покойной великой Бабкой Его, и въ дружеской, полуоффиціальной бесѣдѣ прямо говоритъ, что съ Его воцареніемъ воскресаетъ для Россіи „Бабушкинъ вѣкъ".

Понятно, съ какимъ горячимъ чувствомъ благодарности встрѣчена была такая перспектива обществомъ, обезсиленнымъ и подавленнымъ режимомъ Павла, и какимъ чувствомъ благоговѣйнаго уваженія, почти обожанія, на первыхъ же порахъ, всѣ окружили юнаго Монарха.

Но... какъ и многое въ жизни Императора Александра I, эти благія намѣренія остались одними только намѣреніями, и благія обѣщанія сдержаны не были!

Не подъ силу было юному и въ дѣлахъ неопытному Монарху, бороться со всѣми тѣми порядками, какія засталъ Онъ, вступая на Престолъ своихъ предковъ.

Онъ былъ безсиленъ политически, и это безсиліе, поневолѣ Имъ громко исповѣдуемое, парализовало мало-по малу ту глубокую вѣру, какою встрѣчены были первые шаги Его, на поприщѣ самодержавной власти.

Опереться Ему было не на кого... Изъ былыхъ извѣстныхъ Россіи правительственныхъ и политическихъ силъ, не осталось почти никого!..

Прежнихъ сотрудниковъ Екатерины, Онъ чуждался и не вѣрилъ имъ... Лицъ, окружавшихъ Императора Павла, Онъ удалилъ поголовно, и въ силу этого, съ первыхъ же шаговъ Его на Престолѣ, образовалось новое поколѣніе людей, не имѣвшихъ никакой связи съ недавнимъ прошлымъ русской администраціи и русскаго Двора.

Исключенія изъ этого правила были рѣдки, и такой порядокъ вещей образовалъ вокругъ Трона коалицію недоволь-

ныхъ, поспѣшившихъ сплотиться подъ флагомъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Ее упорно не покидала надежда на лучшее будущее!..

Жажда могущества и власти по прежнему Ее преслѣдовала, и подъ вліяніемъ ея образовалась такая смѣлая партія открытаго протеста, что въ отвѣтѣ Сената, на одинъ изъ запросовъ Императора, прозвучало нѣчто въ родѣ конституціоннаго ограниченія самодержавія въ Россіи.

Александръ понялъ откуда шелъ революціонный шквалъ, и стойко ввелъ права Сената, въ должныя границы и берега.

Къ этой первой эпохѣ Его царствованія относится та тѣсная дружба, дополненная безграничнымъ довѣріемъ, какою юный Императоръ почтилъ близкихъ къ Нему: Кочубея, Строганова и Чарторижскаго.

Этотъ тѣсный кружокъ, быстро сдѣлавшійся предметомъ неудовольствія Двора, прозванъ былъ „тріумвиратомъ“, и тріумвиратъ этотъ, къ которому обыкновенно приставалъ еще и Новосильцевъ, собираясь подъ предсѣдательствомъ Государя въ „неоффиціальныхъ комитетахъ“, вѣдалъ всѣ дѣла какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Россіи.

Начинанія были благія, задачи широкія... и во главѣ новыхъ узаконеній объявлено было объ уничтоженіи въ Россіи пытокъ и тайной полиціи...

Распоряженіе это вызвало всеобщій восторгъ.

Утомилась Россія отъ неустанныхъ доносовъ, и лившейся въ застѣнкахъ крови...

Но... это благое начинаніе и широковѣщательное распоряженіе, не помѣшало въ царствованіи Императора Александра, засѣчь до смерти безчисленное множество народа и, спустя нѣсколько лѣтъ, вновь завести тайную полицію въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и съ большею противъ прежняго властью!..

Въ характерѣ Александра, несмотря на видимую мягкость Его, основной чертой лежала полная независимость отъ всякаго слишкомъ смѣло проявленнаго вліянія на Его волю, и теоретическій либерализмъ шелъ у него на ряду съ проблесками самой стойкой, упрямой, самодержавной воли...

Такъ однажды, въ отвѣтъ на дѣльное и полезное замѣчаніе старика Державина, Государь недовольнымъ голосомъ крикнулъ:

— Ты все хочешь учить?.. А Я—самодержавный Царь и хочу, чтобы было *такъ*, а не иначе!..

Значительно позднѣе, когда совершенно уже дряхлый Державинъ опоздалъ вернуться изъ дарованнаго ему отпуска, Государь, которому было доложено объ этомъ, рѣзко отвѣтилъ:

— Можетъ и совсѣмъ не пріѣзжать!.. Горевать никто не будетъ!

Вторымъ знаменательнымъ и серьезнымъ манифестомъ, обнародованнымъ послѣ воцаренія Александра I, былъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ съ отвѣтственными министрами.

Всѣхъ министерствъ учреждено было восемь, причемъ получились слѣдующія назначенія:

1) Военныхъ и сухопутныхъ силъ — министръ Вязьмитиновъ.

2) Морскихъ силъ — Мордвиновъ.

3) Юстиціи — Державинъ.

4) Коммерціи — Графъ Румянцевъ.

5) Иностранныхъ Дѣлъ — Графъ Воронцовъ.

6) Внутреннихъ Дѣлъ — Графъ Кочубей.

7) Финансовъ — Васильевъ.

8) Народнаго Просвѣщенія — Графъ Завадовскій.

Четыре послѣдніе министра, въ силу обширности ввѣренныхъ имъ частей, получили прикомандированныхъ къ нимъ помощниковъ.

Всѣ министры считались членами Государственнаго Совѣта, и присутствовали въ Сенатѣ.

Кромѣ того, особый Министерскій Комитетъ собирался два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ, и засѣдалъ въ личныхъ покояхъ Государя.

На первыхъ же порахъ проявилась и упорная тенденція Александра къ эмансипаціи, выразившаяся въ томъ, что Онъ наотрѣзъ объявилъ, что никого и ни за какія заслуги не будетъ награждать „подарками“ имѣній, съ прикрѣплен-

ными къ нимъ крестьянами, такъ какъ такого рода дары унижаютъ человѣчество!

Обрядъ коронованія Императора Александра Павловича совершенъ былъ съ особой торжественностью и назначенъ былъ на 12-е сентября 1801 года въ Москвѣ.

Царская фамилія и весь Дворъ собрались въ Московскій Петровскій дворецъ ко 2-му сентября, самъ же Государь прибылъ только 5-го числа.

Стеченіе народа на торжество коронованія, было такъ велико, что Москва не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ провести эти знаменательные дни въ ея древнихъ стѣнахъ.

Изъ Петровскаго Дворца, расположеннаго за городомъ, въ районѣ Петровскаго Парка, Царская фамилія переѣхала не прямо въ Кремль, а въ такъ называемый Слободской Дворецъ, и этимъ переѣздомъ, собственно говоря, и начались коронаціонныя торжества.

Этотъ первый въѣздъ Государя состоялся 8-го сентября, въ день праздника Рождества Богородицы.

Погода стояла великолѣпная, и на небѣ не было ни облачка. Вдоль, по всему царскому пути, шпалерами разставлены были войска, и всѣ окна и балконы домовъ, были убраны коврами и гирляндами.

Торжественная процессія тронулась съ мѣста рано утромъ, при звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ, и пушечной пальбѣ съ крѣпостныхъ бастіоновъ.

Государь слѣдовалъ верхомъ, рядомъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, окруженный блестящею свитой и отрядомъ кавалергардовъ.

У всѣхъ большихъ церквей, расположенныхъ по пути слѣдованія, Государя встрѣчало духовенство въ полномъ облаченіи, а на порогѣ Слободскаго Дворца, царственная чета встрѣчена была, по русскому обычаю, хлѣбомъ-солью, поднесенными важнѣйшими сановниками Государства.

12 сентября Царская фамилія переѣхала въ Кремлевскій Дворецъ, а 15 состоялось торжество коронованія, встрѣченное всѣмъ народомъ съ такимъ подъемомъ духа, какого не запомнитъ современная исторія.

Пѣвчіе, по указанію Митрополита Платона, встрѣтили Императора пѣніемъ псалма: „Милость и судъ“, а по окончаніи священнодѣйствія, Митрополитъ осѣнилъ благословеніемъ юную коронованную чету, и обратился къ Императору съ краснорѣчивымъ привѣтствіемъ которое закончилось словами:

„Радуйся, помазанниче Господень... Радуйся всея Россіи утвержденіе“!.. Посѣтивъ, по издавна сохранившемуся обычаю, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и поклонившись въ нихъ гробамъ своихъ предковъ,—Императоръ тотчасъ же по возвращеніи во Дворецъ, приказалъ прочитать въ аудіенцъ-залѣ манифестъ о коронованіи и о дарованныхъ по этому случаю наградахъ и милостяхъ.

Прощено много было казенныхъ долговъ, штрафовъ и недоимокъ, освобождены были, на тотъ годъ, отъ рекрутской повинности всѣ подлежащія ей сословія, и Сенату приказано было составить особую комиссію, для подробнаго пересмотра всѣхъ прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, и ежели окажутся въ числѣ сосланныхъ или заточенныхъ, люди мало виновные, то облегчить ихъ участь, не ослабляя при этомъ силы закона“.

Это туманное распоряженіе, послужило поводомъ къ цѣлому ряду недоразумѣній.

Какъ было опредѣлить эту загадочную „малую виновность“, и опредѣливъ ее, какъ было облегчить неправыя взысканія, уже состоявшіеся, и притомъ еще: „не ослабляя силы закона“?!.

Все это были утопіи... Все это были пышныя фразы, въ жизни непримѣнимыя, и къ жизни непригодныя!..

Императрица Марія Ѳеодоровна смотрѣла на всѣ дѣйствія Сына со скрытымъ недоброжелательствомъ, и, не рѣшаясь на смѣлое и громкое осужденіе Его распоряженій, въ кругу своихъ приверженцевъ подвергала всѣ дѣйствія Его, самой строгой и неумолимой критикѣ...

Что касалось до молодой Императрицы, то Ея роль сводилась къ полному, инертному молчанію.

Это была на престолѣ совершенно безцвѣтная личность, не вносившая ни въ жизнь Двора, ни въ личную жизнь сво-

его молодаго супруга, ничего сколько-нибудь знаменательнаго.

Вдовствующая Императрица, никогда особенно горячо не любившая свою невѣстку, называла Ее не иначе какъ „Sa Majesté le Silence (Ея Величество Молчаніе) и Елисавета, до слуха которой дошло это насмѣшливое прозвище, отвѣчала на него своей обычной, безмятежной улыбкой.

Она сама сознавала, что родилась не для той громкой и пышной доли, какую послала Ей судьба.

Она была очень скромна и нетребовательна въ своихъ личныхъ вкусахъ, довольствовалась малымъ, и за всѣ 25 лѣтъ своего кроткаго и безмятежнаго царствованія, постоянно отказывалась брать тотъ милліонъ, который по закону ассигнуется на личные расходы, супругѣ царствующаго Императора.

Вмѣсто причитавшагося на Ея долю милліона, Она соглашалась брать только 200 тысячъ, то есть только ту сумму, которая выдается отъ казны Великимъ Княгинямъ, но и изъ этой сравнительно скромной суммы, на свои личные расходы и на свой туалетъ, Она тратила не болѣе 15 тысячъ, отдавая все остальное на дѣла благотворительности.

Судьба отказала Ей въ счастьи материнства, и изъ двухъ родившихся у Нея дочерей, одна умерла на второмъ году отъ рожденія, а другая и до этого младенческаго возраста не дожила.

Совершенно еще молодая, красивая собой и по свидѣтельству современниковъ исключительно граціозная, молодая Императрица была осуждена на жизнь почти аскетическую. Она никуда не выѣзжала, за исключеніемъ вдовствующей Императрицы, которую, не смотря на ея непріязнь, посѣщала довольно часто и охотно.

Обществомъ супруга Она пользовалась мало и рѣдко. Императоръ былъ слишкомъ занятъ для того, чтобы наслаждаться семейнымъ счастіемъ, да и красавица Нарышкина совершенно завладѣла Имъ, и поработила Его волю.

Императрица знала это... страдала, но не жаловалась, какъ привыкла Она не жаловаться никогда и ни на что.

Она молчала, тѣмъ горькимъ и сосредоточеннымъ молчаніемъ, отъ котораго грудь сохнетъ, и силы подрываются раньше времени!..

Вскорѣ послѣ кончины Императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ обществѣ ходила легенда о томъ, будто при вскрытіи Ея трупа, сердце Ея найдено было все въ черныхъ точкахъ, какъ бы отъ безчисленныхъ кровавыхъ уколовъ.

Ручаться за дѣйствительность этого факта трудно, но, во всякомъ случаѣ, самая легенда эта служитъ подтвержденіемъ того мучительнаго внутренняго состоянія, которое, представители чуткаго и интеллигентнаго общества, признавали за Императрицей.

Многочисленныхъ и горячо приверженныхъ къ Ней партій, Императрица Елисавета Алексѣевна насчитать въ Россіи не могла, но русское общество Ей сочувствовало, и любило Ее той покровительственной любовью, которую всегда вызываетъ слабость и безотвѣтная покорность.

Трудно, почти невозможно было быть нетребовательнѣе и скромнѣе Ея, въ тѣхъ мелочахъ жизни, изъ которыхъ, собственно говоря, вся жизнь слагается.

Вкусы Императрицы были до нельзя просты и скромны, Она никогда ничего не требовала, почти ничего не желала, и отказалась даже отъ убранства Ея комнатъ цвѣтами, находя, что такое убранство пустая прихоть, которая должна стоить труда садовнику, и отнять у него нѣсколько часовъ полезнаго времени.

Единственно, что Она любила и безъ чего почти обходиться не могла, были морское купанье, и верховая ѣзда.

Купалась Она въ Петергофѣ ежедневно, и прогулки верхомъ совершала очень отдаленныя.

Городской жизни Императрица не любила, и шесть мѣсяцевъ въ году проводила въ своей любимой резиденціи Петергофѣ, гдѣ, сидя на берегу моря, слѣдила за работой рыбаковъ.

Первенствующее положеніе, какое заняла Она съ минуты воцаренія супруга, ни въ чемъ не измѣнило Ея личной жизни. Продолжалось то же скромное одинокое существованіе... то же отчужденіе отъ всѣхъ и отъ всего!

А красавица Нарышкина, тѣмъ временемъ, царила безраздѣльно надъ всѣмъ окружающимъ.

Она неизмѣнно присутствовала на всѣхъ балахъ, которые давались въ честь Императора, и владычество Ея необы-

чайной царственной красоты, еще сильнѣе отодвигало на второй планъ не въ мѣру скромную и уступчивую Императрицу.

Императоръ Александръ былъ именно одинъ изъ тѣхъ характеровъ, на которые слѣдуетъ дѣйствовать упорно, не давая Ему времени передумать разъ рѣшенное, и поставленное дѣло... Проходилъ моментъ благопріятнаго теченія царской фантазіи... и намѣреніе колебалось, и благія предначертанія распадались въ прахъ.

Нарышкина какъ нельзя лучше постигла эту особенность характера своего царственнаго поклонника и, по выраженію Императрицы Маріи Ѳедоровны, издали слѣдившей за успѣхами этой воскресшей страсти, „не давала Ему времени опомниться".

Въ политику Нарышкина вмѣшивалась мало, ограничивая свое вмѣшательство интересами родной и близкой Ея сердцу, Польши.

У нея въ домѣ собиралась вся польская колонія, и поляки возлагали на нее и ея вліяніе, преувеличенныя надежды...

Марія Антоновна была слишкомъ поверхностна, слишкомъ занята своей выдающейся красотой, для того чтобы отдаться дѣлу, не связанному съ ея личными интересами.

Вотъ почему вліяніе Нарышкиной на Государя, ограничивалось тѣснымъ кругомъ ихъ личныхъ отношеній, и не вторгалось въ сферу Его дѣятельности, какъ правителя и самодержавнаго владыки могущественнаго царства.

Быть можетъ, въ этомъ женственномъ отношеніи къ власти, таилось отчасти то очарованіе, подъ вліяніемъ котораго находился Императоръ, и которое служило Ему отдыхомъ отъ всѣхъ горькихъ минутъ Его жизни.

Въ сферѣ Его правительственной дѣятельности, тѣмъ временемъ совершился значительный переворотъ.

Увлеченный въ первые дни своего царствованія, желаніемъ облагодѣтельствовать свой народъ путемъ дарованныхъ ему благихъ реформъ,—Александръ быстро отошелъ отъ этой программы и, движимый честолюбіемъ, составлявшимъ рѣзкую черту Его характера, всецѣло погрузился въ

заботы о внѣшней политикѣ, которая, завладѣвъ Имъ всецѣло, до конца жизни оставалась для Него главнымъ, первенствующимъ вопросомъ.

Вслѣдствіи этого, всѣ позднѣйшіе организаціонные и законодательные труды въ области внутренняго управленія страною получаютъ правильное освѣщеніе, только въ связи съ внѣшней политикой Императора.

При вступленіи своемъ на престолъ, Александръ задался мыслью сохранить миръ и нейтралитетъ и, получивъ въ наслѣдіе отъ предыдущаго царствованія крайне обостренныя отношенія съ Англіей, Онъ употребилъ всѣ старанія къ тому, чтобы возстановить мирныя отношенія, какъ съ этой страной, такъ и съ Австріей.

Это обострило отношенія Россіи съ Франціей, но тѣмъ не менѣе, о рѣшительной борьбѣ съ этой державой, въ первые годы царствованія Александра, никто даже не думалъ.

Война стала неизбѣжной только послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній, между Наполеономъ и русскимъ правительствомъ.

Въ 1802 году Наполеонъ провозгласилъ себя пожизненнымъ консуломъ, а въ 1804 году Императоромъ, превративъ такимъ образомъ ту республику которой онъ служилъ, въ монархію.

Честолюбію и смѣлости этого баловня судьбы не было ни мѣры, ни предѣла, и Александръ, возмущенный этой безграничной, почти болѣзненной жаждой завоеваній, составилъ противъ смѣлаго завоевателя коалицію, въ которой приняли участіе Австрія и Англія.

Въ 1805 году открылась война Россіи съ Наполеономъ. Во главѣ русскихъ войскъ сталъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, ученикъ и ярый послѣдователь великаго Суворова. Онъ двинулся во главѣ арміи въ Австрію, гдѣ соединился съ австрійскими войсками.

Но силы были не равны, и раньше нежели Кутузовъ достигъ намѣченнаго театра военныхъ дѣйствій, Наполеонъ на голову разбилъ австрійскую армію, и взялъ Вѣну. Кутузовъ успѣлъ ловкимъ маневромъ избѣгнувъ опаснаго и

неравнаго боя, отвести войска свои на сѣверъ отъ Вѣны, и намѣренъ былъ на время воздержаться отъ всякаго наступательнаго движенія, но, по настоянію самого Императора, вынужденъ былъ принять бой подъ Аустерлицемъ, гдѣ, какъ извѣстно, и потерпѣлъ сильное пораженіе.

Битва подъ Аустерлицемъ, была роковымъ ударомъ для самолюбія и національной гордости Императора Александра, и воспоминаніе объ этомъ днѣ, навсегда осталось для Него тяжелымъ и горькимъ воспоминаніемъ.

Въ слѣдующемъ 1806 году война съ Наполеономъ вновь возгорѣлась и Александръ пошелъ противъ грознаго завоевателя, уже въ союзѣ съ Пруссіей.

Но французы на голову разбили пруссаковъ, Наполеонъ занялъ Берлинъ, и завладѣлъ прусской территоріей до самой Вислы. Прусскій Король Фридрихъ Вильгельмъ III укрылся со своимъ Дворомъ въ Кенигсбергѣ, и съ помощью русской арміи, рѣшился продолжать войну противъ грознаго узурпатора.

Всю зиму 1806 и 1807 года, шла безпрерывная борьба съ измѣнчивыми шансами побѣды.

Русская армія подъ начальствомъ Бенигсена, одержала крупную побѣду при г. Прейсишъ-Эйлау, но торжествовать пришлось не долго, и лѣтомъ 1807 года русскія войска были разбиты подъ Фридландомъ, и война окончилась при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для разоренной Пруссіи. Все Прусское королевство оказалось въ рукахъ Наполеона, а русская армія отступила на правый берегъ Нѣмана, въ предѣлы русскихъ владѣній.

Покоряясь силѣ обстоятельствъ, Императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ перемиріе, причемъ оба монарха, по предварительному уговору встрѣтились въ Тильзитѣ на „нейтральной почвѣ“, изображенной на этотъ разъ большимъ паромомъ, остановленнымъ посреди рѣки Нѣмана.

По поводу этого свиданія, французами написано было очень красивое стихотвореніе, которое, спустя полвѣка, исполнялось французской придворной капеллой, по желанію Императрицы Евгеніи.

Стихотвореніе это начиналось словами.

Sur un radeau
J'ai vu deux maitres de la terre!
J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre...
Sur un radeau!

Въ переводѣ:

„На паромѣ,
Я видѣлъ двухъ владыкъ земныхъ!..
Я видѣлъ міръ, я видѣлъ войну...
На паромѣ!..“

Отношенія Императора Александра къ Наполеону, стра-дали крайней неровностью. То Онъ превозносилъ его, какъ величайшаго изъ военныхъ геніевъ міра, то относился къ нему чуть не съ презрѣніемъ, какъ къ узурпатору и вре-менщику.

Существуетъ анекдотъ о томъ, что однажды Императоръ Александръ, вышедши изъ своего кабинета, увидалъ у две-рей на часахъ меньшаго брата своего Великаго Князя Нико-лая, стоявшаго съ маленькимъ дѣтскимъ ружьемъ на плечѣ.

Императоръ улыбнулся маленькому часовому, и спросилъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?..

— Стою на часахъ у кабинета величайшаго изъ совре-менныхъ Государей!.. — бойко отвѣчалъ маленькій Великій Князь.

— Ты ошибся адресомъ!.. — улыбнулся Государь. — Тебѣ не здѣсь стоять слѣдовало!..

— А гдѣ же?..

— Въ Парижѣ!..

Изъ Эрфурта Императоръ вернулся совершенно очаро-ванный Наполеономъ, и не только имъ, но и всѣмъ, что Онъ видѣлъ за границей.

Въ то время въ большомъ фаворѣ былъ Сперанскій, человѣкъ большого ума, тоже сильно увлекавшійся всѣмъ иностраннымъ. Государь поручилъ ему цѣлую серію пре-образованій по всѣмъ отраслямъ управленія.

Сперанскій немедленно принялся за работу, и къ концу 1809 года планъ преобразованій былъ уже представленъ

Государю. Сперанскій писалъ его по частямъ, и между нимъ и Государемъ происходили ежедневныя совѣщанія.

Все держалось въ строжайшей тайнѣ, и когда Государь временно уѣзжалъ въ Тверь, то Сперанскій доставлялъ Ему письменные отчеты о ходѣ своихъ занятій, адресуя ихъ на имя Его камердинера Лебедева.

Къ этому времени относится учрежденіе Министерства Путей Сообщенія, и управленіе этимъ министерствомъ поручено было мужу Великой Княгини Екатерины Павловны, принцу Георгію Ольденбургскому, который одновременно съ этимъ былъ генералъ-губернаторомъ Тверской, Ярославской и Новгородской губерній. Для Великой Княгини составленъ былъ Дворъ и для Ея пребыванія отдѣланъ былъ съ неимовѣрной роскошью, дворецъ въ Твери.

Въ числѣ главныхъ задачъ, какія поставилъ себѣ Сперанскій, были заботы объ устройствѣ финансовъ государства, пришедшихъ въ конечный упадокъ. Сперанскій съ умѣньемъ и усердіемъ взялся за это дѣло, но у него было слишкомъ много враговъ при Дворѣ.

Въ партіи, задавшейся цѣлью совершенно парализовать его дѣятельность и окончательно погубить его самого, были: Аракчеевъ, Балашовъ, Армфельдъ и Гурьевъ. Имъ удалось перетянуть на свою сторону и Великую Княгиню Екатерину Павловну, и съ этой минуты судьба Сперанскаго была окончательно рѣшена.

17-го марта 1811 года, позднимъ вечеромъ, Сперанскій былъ вызванъ во дворецъ, и послѣ короткой аудіенціи, въ ту же ночь отправленъ былъ, сначала въ Нижній Новгородъ, а затѣмъ въ Пермь.

Въ это время ярко взошла звѣзда Александра Семеновича Шишкова. Онъ былъ сдѣланъ Министромъ Просвѣщенія и впослѣдствіи имъ написаны были всѣ манифесты, изданные во время Отечественной войны.

Императоръ Александръ видѣлъ неизбѣжность надвигавшейся войны, хотя въ душѣ ей не сочувствовалъ.

Онъ сознавалъ что у него нѣтъ ни силъ, ни даже умѣнья Наполеона, военный геній котораго онъ продолжалъ признавать, но Онъ вѣрилъ въ свой народъ, и смѣло говорилъ,

что „когда на русскій народъ наступятъ, то онъ не отступитъ“.

Еще задолго до начала войны, Императоръ Александръ понялъ въ чемъ заключались главные шансы его успѣха надъ непріятелемъ, и потому порѣшилъ длить оборонительную войну, насколько возможно избѣгать развязки дѣла, и пользоваться всѣми средствами страны: огромнымъ протяженіемъ, недостаткомъ провіанта, и суровостью климата.

Онъ вѣрилъ, что при содѣйствіи этихъ могучихъ пособниковъ, всякая чуждая армія, какъ бы она велика ни была, будетъ поглощена тѣмъ „сухимъ океаномъ“, который зовется Россіей.

Государемъ утвержденъ былъ планъ, на основаніи котораго русская армія, состоявшая изъ 480 тысячъ человѣкъ, при 1.600 орудіяхъ, была расположена частью по южнымъ, частью по западнымъ границамъ.

Непріятель уже двинулся навстрѣчу русскимъ войскамъ, но никто не зналъ этого, за исключеніемъ самого Императора.

Государь выѣхалъ въ Вильно, и на балѣ, даннымъ Бенигсеномъ, Онъ получилъ извѣстіе о переходѣ непріятельской арміи черезъ Нѣманъ.

Онъ не показалъ вида, остался до конца празднества, но остальную часть ночи провелъ безъ сна и, послѣ долгой бесѣды съ Барклаемъ-де Толли, приказалъ прислать къ Нему Шишкова, и поручилъ ему написать манифестъ, который закончилъ словами:

„Воины!.. Вы защищаете вѣру, отечество, свободу!.. Я съ вами!.. За начинающаго Богъ!..“

Черезъ два дня Наполеонъ торжественно вступилъ въ Вильно, гдѣ пробылъ 18 дней.

Государь въ это время уѣхалъ въ Москву.

Онъ сознавалъ необходимость лично увидать свой народъ въ сердцѣ родной Россіи.

Москвичи его поняли, и въѣздъ Его въ древнюю столицу былъ небывалымъ тріумфомъ.

На другой день назначенъ былъ высочайшій выходъ. Государь пожелалъ лично показаться и поклониться народу, и предувѣдомленные объ этомъ москвичи съ полночи стали

собираться вокругъ Кремля, и къ 10 часамъ утра, когда назначенъ былъ высочайшій выходъ, весь Кремль представлялъ собою сплошную массу народа.

Когда подъ звонъ колоколовъ на верху краснаго крыльца показался Императоръ, то на встрѣчу Ему понеслось такое могучее „ура“, что стѣны древняго Кремля дрогнули.

Затѣмъ послышались отдѣльные возгласы: „Веди насъ, отецъ нашъ!.. Мы всѣ за тобой пойдемъ и истребимъ злодѣя“.

15-го іюля Государь прибылъ въ Слободскій Дворецъ, гдѣ Его ожидали представители всѣхъ классовъ столичнаго населенія.

На лицо было все московское дворянство, и все именитое московское купечество.

Графъ Ростопчинъ, указывая Государю на залу въ которой собралось купечество, сказалъ: — Оттуда польются милліоны, а наше дѣло поставить ополченіе и не щадить себя!

Тотчасъ же рѣшено было собрать въ Московской губ. 80.000 ополченцевъ, вооружить ихъ, и снабдить одеждою и провіантомъ.

Когда же манифестъ былъ прочитанъ купечеству, то представители его мгновенно положили сдѣлать денежный сборъ на ополченіе, и независимо отъ этого тутъ же, не расходясь, собрали по подпискѣ полтора милліона рублей.

Къ 15-му іюля обѣ западныя арміи соединились у Смоленска.

Къ Смоленску же шелъ и Наполеонъ во главѣ 180-тысячной арміи.

Наполеонъ уже заранѣе торжествовалъ ожидаемую побѣду, когда внезапно узналъ, что русскіе отступаютъ по пути къ Москвѣ.

Отступленіе не было въ характерѣ русскаго народа, и всѣ были недовольны военной тактикой, какую принялъ Барклай-де-Толли. Всѣ жаждали назначенія новаго военачальника, и когда прибылъ Кутузовъ, то между солдатами бойко повторялось кѣмъ-то сложенное четверостишіе:

— Барклая-де-Толли
Не будетъ ужъ болѣ.
Пріѣхалъ Кутузовъ
Бить французовъ!..

Приближался великій день, который навѣки сохранился въ русской исторіи, подъ именемъ „Бородинской битвы“.

Сраженіе ожидалось 26-го августа, и 25-го съ утра среди войска наблюдалось уже особое, торжественное настроеніе.

Кутузовъ лично объѣзжалъ войска и всюду встрѣчаемъ былъ громкимъ, долго нескончаемымъ „ура“.

Передъ вечеромъ, по всему лагерю пронесли икону Смоленской Божіей Матери.

Главнокомандующій встрѣтилъ икону торжественно, окруженный блестящимъ штабомъ, и поклонился Ей до земли.

Духовенство въ праздничныхъ ризахъ мѣстами останавливалось, и служило молебны.

Въ войскахъ не замѣтно было унынія, но и признаковъ веселья не было.

Къ Бородинскому бою армія готовилась какъ-то торжественно, какъ къ великому религіозному дѣлу.

Солдаты точили штыки, отпускали сабли. Артиллеристы передвигали орудія, выбирали наиболѣе выгодныя позиціи. Съ вечера солдаты приготовили себѣ чистое бѣлье, готовились къ битвѣ какъ къ священному таинству, и когда по лагерю пронесся обычный вызовъ: — водку привезли, ступай къ чаркѣ!—то большинство на этотъ всегда весело встрѣчаемый призывъ, отвѣтили отказомъ.

— Не къ тому готовимся! Не такой завтра день!—отвѣтили солдатики, и продолжали оттачивать свое оружіе у ярко горѣвшихъ костровъ.

Ночь была тихая, звѣздная, и благоговѣйная тишина царившая въ русскомъ станѣ, рѣзко отличалась отъ громкихъ возгласовъ, несшихся изъ непріятельскаго лагеря, гдѣ шумно и восторженно привѣтствовали Наполеона.

Ночью весь лагерь былъ окутанъ туманомъ, и только на зарѣ туманъ разсѣялся.

Завязался страшный бой, слишкомъ извѣстный въ исторіи, для того чтобы повторять его подробности. Обѣ арміи дрались съ равной храбростью, и былъ моментъ когда французы проявили такую доблесть, что Кутузовъ громко и восторженно крикнулъ имъ: — Браво!

Это была битва странная, неопредѣленная, битва, послѣ которой ни одинъ изъ главнокомандующихъ не могъ и не рѣшался провозгласить себя побѣдителемъ.

Потери съ обѣихъ сторонъ были громадныя и за два дня, 24-го и 26-го августа, изъ строя русскихъ войскъ выбыло убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти, до 55.000 чел.

Французы исчисляли свои потери тоже не менѣе какъ въ 50.000 человѣкъ.

Однихъ генераловъ съ обѣихъ сторонъ погибло 48, что и оставило навсегда за этимъ историческимъ сраженіемъ, наименованіе „битвы генераловъ".

Знаменитый полководецъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ говорилъ впослѣдствіи о Бородинской битвѣ: — „Тамъ французская армія расшиблась объ русскую!.."

Въ числѣ генераловъ, павшихъ подъ Бородинымъ, былъ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ, вдова котораго, въ память его геройской кончины, основала на этомъ мѣстѣ монастырь, существующій и понынѣ.

Извѣстіе о доблестномъ Бородинскомъ боѣ вызвало восторгъ москвичей, которые толпою бѣжали по улицамъ, оглашая воздухъ восторженными криками: — „Побѣда, побѣда!.."

Но вскорѣ наплывъ въ Москву больныхъ и раненыхъ, а равно и свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, превратили эту радость въ сокрушеніе.

Русская армія тѣмъ временемъ все отступала къ Москвѣ, и 1-го сентября остановилась въ двухъ верстахъ отъ города, въ деревнѣ Фили, за Дорогомиловской заставой.

Здѣсь Кутузовъ, въ простой крестьянской избѣ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ обсуждались дальнѣйшія дѣйствія русской арміи.

Въ числѣ генераловъ, собравшихся въ исторической „избѣ на Филяхъ", были: Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Бенигсенъ и другіе.

Вопросъ былъ поставленъ прямо и опредѣленно:

Слѣдовало ли дать рѣшительное сраженіе или уступить непріятелю Москву безъ боя?

Мнѣнія раздѣлялись.

Одна партія, съ Бенигсеномъ во главѣ, стояла за то чтобы подъ Москвою дано было генеральное сраженіе.

Другая, во главѣ которой былъ Барклай-де-Толли, находила что сраженіе подъ Москвой будетъ гибелью для русской арміи, и видѣла единственное средство спасенія въ постоянномъ отступленіи и сдачѣ Москвы.

Кутузовъ, внимательно выслушавъ всѣ мнѣнія, заключилъ засѣданіе слѣдующими историческими словами:

— Съ потерею Москвы не потеряна Россія! Первой обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы подготовимъ мы гибель непріятелю! Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага отечества!

Сказавъ это онъ порывисто всталъ и громко и рѣшительно произнесъ:

— Приказываю отступать!..

Эти слова были тѣмъ рѣшительнымъ кликомъ, который спасъ Россію.

Историческая „изба на Филяхъ“ долгое время сохранялась, хотя нельзя не сознаться, что особо тщательной охраны при ней не полагалось.

Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по непростительной небрежности сторожей, эта историческая святыня сгорѣла до тла.

Сторожа развели въ ней огонь, затѣмъ легли спать,— а можетъ быть, и пьяны были—и разбуженные яркимъ пламенемъ, едва успѣли выскочить изъ огня...

Историческій памятникъ сгорѣлъ до тла!

Нигдѣ, кромѣ нашего, ко всему равнодушнаго отечества, ничего подобнаго не встрѣтишь!..

Когда графъ Ростопчинъ, бывшій въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ, узналъ о рѣшеніи Кутузова отдать Москву непріятелю безъ боя, онъ отдалъ приказаніе собрать всѣ наличныя подводы, для вывоза больныхъ и раненыхъ.

Пожарныя команды, вмѣстѣ съ трубами и бочками, отправлены были во Владиміръ, а полицейскимъ чинамъ велѣно было разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, и жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ провіантомъ и съ всевоз-

можнымъ имуществомъ какъ частнымъ, такъ и казеннымъ, которое не успѣли предварительно вывезти изъ столицы.

Въ понедѣльникъ 2-го сентября, на зарѣ, вступили въ Москву русскіе войска и солдаты, увидавъ опустѣвшія улицы покинутаго города, пришли въ замѣтное уныніе.

Кутузовъ въѣхалъ въ городъ верхомъ и обратившись къ народу, встрѣтившему его у заставы, сказалъ: „Ручаюсь головой, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ!“

Тѣмъ временемъ самъ Наполеонъ прибылъ на Поклонную Гору, и издали увидавъ Москву, воскликнулъ: „Такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ!“ и затѣмъ, немного помолчавъ, прибавилъ: „Пора было“!.. (Il était temps). О чемъ говорилъ онъ въ своей безумной гордынѣ, на что онъ намекалъ и чего ждалъ отъ своихъ надутыхъ фразъ, рѣшить трудно.

Всѣ его поступки, начиная съ этого роковаго для него дня, носятъ характеръ какой-то несвойственной ему наивности.

На вершинѣ Поклонной горы онъ останавливается и ждетъ, когда ему принесутъ ключи отъ города!..

Не дождавшись этого акта покорности, онъ отдаетъ приказъ „привести къ нему бояръ“, затѣмъ требуетъ на лицо Сенатъ, отдаетъ приказъ, чтобы къ нему явился губернаторъ и наконецъ, требуетъ просто, чтобы явился передъ нимъ „русскій народъ“! Получивъ въ отвѣтъ отъ хорошо освѣдомленныхъ лицъ, что въ опустѣвшемъ и брошенномъ городѣ нѣтъ ни бояръ, ни Сената, ни губернатора, ни даже народа, что всѣ поголовно выѣхали, бросивъ все свое достояніе,—„непобѣдимый“ герой тихо и скромно въѣхалъ въ городъ безъ всякой помпы, и приказалъ приготовить ему аппартаменты въ Кремлевскомъ Дворцѣ.

Съ наступленіемъ ночи французы, на правахъ „побѣдителей“, бросились грабить дома и жилища, и безчинствовали такъ, какъ могли бы безчинствовать только варвары, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о законахъ образованнаго міра!

Ночью Москва освѣтилась яркимъ пламенемъ, внезапно вспыхнувшимъ въ нѣсколькихъ пунктахъ города.

Наполеонъ, думая что загорѣлось отъ неосторожности „великой арміи“, приказалъ тушить пожаръ. Но трубъ на лицо не оказалось: онѣ всѣ были вывезены изъ города!

Разомъ пылали москательный рядъ въ городѣ, и весь Китай-городъ. Загоралось въ самыхъ различныхъ пунктахъ Москвы.

Стали разыскивать и ловить поджигателей.

Тѣ кто былъ пойманъ отвѣчали что они исполняютъ приказъ полиціи, и ихъ тутъ же разстрѣливали.

Но это дѣлу не помогало.

Москва горѣла во всѣхъ направленіяхъ... загоралась разомъ со всѣхъ концовъ!..

Извѣстіе о сдачѣ Москвы, встрѣчено было въ Петербургѣ съ ужасомъ и отчаяніемъ.

Государь немедленно вызвалъ Волконскаго, и узнавъ отъ него что народъ боится только чтобы русскіе не сдались и не положили оружіе, съ восторгомъ воскликнулъ:

— Возвратитесь къ нимъ! Скажите всѣмъ, что если у Меня не останется ни одного солдата, Я созову Мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, Самъ стану во главѣ ихъ, и подвигну всѣ силы Моей Имперіи! Но ежели судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду Моему не царствовать болѣе на престолѣ Моихъ предковъ, то Я, истощивъ всѣ усилія, отрощу себѣ бороду, и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего отечества! Наполеонъ или Я, Я или онъ!.. Но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать!

Кутузовъ глубоко скорбѣлъ о потерѣ Москвы, но долженъ отступать, въ этомъ отступленіи только видя спасеніе страны. Вмѣстѣ съ этимъ Онъ старался какъ можно дольше задержать Наполеона въ Москвѣ, зная, что тутъ ждетъ его конечная гибель.

Дѣйствительно, на „непобѣдимаго завоевателя“ какъ будто бы затмѣніе какое-то нашло.

Его окружала положительная анархія.

Французы день и ночь грабили все что оставалось въ Москвѣ не вывезеннымъ и уцѣлѣвшимъ, но грабежи ихъ даже имъ самимъ въ пользу не шли. Они навьючивали под-

воды серебромъ и дорогой домашней утварью, а хлѣба между тѣмъ не было, и достать его было нельзя.

Наполеонъ тѣмъ временемъ торжественно разъѣзжалъ по совершенно опустѣвшимъ и выжженнымъ улицамъ, и къ опустѣвшимъ домамъ прибивалъ вывѣски, предназначая ихъ для будущихъ благотворительныхъ учрежденій, посвященныхъ имени его матери, которую, кстати сказать, онъ никогда особенно не чтилъ.

На домахъ съ выбитыми стеклами красовались надписи: „Памяти моей Матери“ (à la mémoire de ma mère). Все носило характеръ чего-то дѣланнаго, несообразнаго, почти смѣшного.

Наполеонъ продолжалъ неизмѣнно вѣрить въ свою звѣзду, и увлекался тѣми разсказами, которые Кутузовъ, черезъ своихъ эмисаровъ, нарочно распространялъ среди французской арміи.

Разсказы шли о полной дезорганизаціи въ средѣ русскаго войска, о томъ что среди солдатъ царитъ полное безначаліе, и что все это грозитъ конечной гибелью русскому оружію. Наполеонъ все выслушивалъ, всему вѣрилъ и не сознавалъ, что въ то же самое время, безповоротно гибнулъ онъ самъ съ своей великой арміей.

Къ этому времени относится появленіе среди нашихъ войскъ нѣсколькихъ героевъ партизановъ, во главѣ которыхъ стоялъ легендарный Денисъ Давыдовъ.

Онъ, вмѣстѣ съ Сеславинымъ, Фигнеромъ, княземъ Кудашевымъ и другими неустрашимыми героями, врасплохъ нападалъ на отдѣльные непріятельскіе отряды, отбивалъ у нихъ провіантъ, отнималъ лошадей, и въ общемъ сильно безпокоилъ „великую армію“.

Къ партизанамъ мѣстами присоединялись крестьяне, безпощадно громившіе непріятельскіе обозы. Они выходили цѣлыми селами, вооружались вилами, кольями, топорами, отрѣзывали французамъ всякое сообщеніе съ ихъ отрядами, и избивали ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Среди крестьянъ образовались особые волонтеры, которые „ходили на француза“, какъ на охоту ходятъ, собирая для этихъ экскурсій чуть не цѣлые полки „охотниковъ“.

Въ числѣ этихъ импровизированныхъ партизановъ, были и „партизанки“ въ образѣ особенно бойкихъ и энергичныхъ крестьянскихъ бабъ, которые тоже смѣло „ходили на француза“ и приводили нерѣдко цѣлыя арміи плѣнныхъ. Въ исторію вошла знаменитая старостиха Василиса, доставившая однажды изъ Сычевки цѣлый отрядъ военноплѣнныхъ, съ провіантомъ и оружіемъ.

Дѣло дошло до того, что французамъ невозможно было отправляться за фуражемъ иначе, какъ съ значительными подкрѣпленіями конницы, и даже артиллеріи.

Отсюда полный недостатокъ въ хлѣбѣ и фуражѣ и такая голодовка, что французы стрѣляли воронъ, ловили собакъ, кошекъ и крысъ, потрошили павшихъ лошадей, и все это употребляли въ пищу.

Отсутствіе соли въ кушаньѣ замѣнялось порохомъ, а въ кашу клали сальныя свѣчи.

Прямымъ послѣдствіемъ всего этого явились въ непріятельскихъ войскахъ, эпидемическія желудочныя заболѣванія, полный упадокъ духа, и цѣлый рядъ психическихъ разстройствъ и самоубійствъ, отъ тоски по родинѣ.

Тарутинская битва ускорила выступленіе Наполеона изъ Москвы, и выступленіе это явило собою подобіе средневѣковаго переселенія народовъ.

На разстояніи болѣе 30 верстъ непрерывной цѣпью тянулись, въ 4 ряда, тысячи каретъ, экипажей, фургоновъ и простыхъ телѣгъ, нагруженныхъ разнороднымъ имуществомъ, награбленнымъ въ Москвѣ.

Давка была такъ велика, что самъ Наполеонъ съ трудомъ могъ проѣхать среди столпившихся экипажей.

Доѣхавъ до Калужской заставы онъ всталъ въ коляскѣ, и оглянулся на городъ, утопавшій въ облакахъ дыма.

Пожары въ Москвѣ еще не прекращались, и зарево надъ городомъ стояло какимъ-то неугасимымъ ореоломъ.

Изъ Москвы Наполеонъ двинулся по Калужской дорогѣ, и близъ Малаго Ярославца произошла кровопролитная битва окончившаяся пораженіемъ Наполеона и оттѣсненіемъ его арміи.

Молодцами дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ Донцы, отбившіе, у непріятеля 50 орудій, и отнявшіе много награбленнаго въ Москвѣ золота и серебра.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ рукахъ ловкихъ Донцовъ оказались и бумаги Наполеона, указывавшія на намѣченные пункты передвиженія войскъ.

Это послужило средствомъ пресѣчь ему путь по намѣченному маршруту.

Во власти Наполеона остался только одинъ путь къ Смоленску, по опустошенной въ конецъ, Смоленской дорогѣ.

Онъ ѣхалъ по ней пасмурный и задумчивый. Онъ видимо начиналъ сомнѣваться и въ своихъ силахъ, и въ своемъ счастіи. По пятамъ непріятеля шли Кутузовъ и Милорадовичъ, а Платовъ и Орловъ-Денисовъ, то опережали непріятельскую армію, то тѣснили ее съ двухъ сторонъ.

Послѣ четырехъ дней такого пути, Милорадовичъ, застигнувъ французовъ врасплохъ близъ Дорогобужа, привелъ ихъ въ такое смятеніе, что они, побросавъ въ рѣку орудія, столпились на мосту и падали прямо въ воду, не находя дороги среди ночного мрака.

Въ это время, для окончательной гибели французской арміи, наступила суровая русская зима.

Въ теченіе пяти дней снѣгъ шелъ не переставая, въ полѣ бушевали снѣжныя мятели, о какихъ никто никогда не слыхалъ въ этой мѣстности, и подъ гнетомъ этихъ незнакомыхъ имъ климатическихъ условій, французы обречены были на окончательную гибель.

Непривычныя къ гололедицѣ лошади, падали и разбивались...

Конные полки слѣдовали пѣшкомъ, а для начальниковъ выпрягали лошадей изъ обозовъ, бросая среди поля всю награбленную добычу...

Войска питались конской падалью, солдаты мерзли на дорогѣ, и казаки, партизаны, а мѣстами и простые крестьяне сотнями и тысячами брали въ плѣнъ отставшихъ, голодныхъ французовъ.

Въ Смоленскѣ, на который Наполеонъ разсчитывалъ, его ждало одно разочарованіе... Не лучше обстояло дѣло и дальше!..

Звѣзда великаго завоевателя закатилась окончательно, но онъ упорно не хотѣлъ этого сознать и, окруживъ себя особыми тѣлохранителями, избранными изъ среды генераловъ и адъютантовъ, онъ назвалъ ихъ „священнымъ эскадрономъ“. Но „священному эскадрону“ скоро пришлось шествовать пѣшкомъ!

Тутъ гибнущую армію настигли неслыханные, почти невѣроятные морозы... Въ теченіе трехъ недѣль морозъ безсмѣнно держался на 22 градусахъ.

Это температура, почти непереносная и для закаленныхъ русскихъ солдатъ... Что же касается до французовъ, то они гибли, какъ мухи... гибли такъ, что на нихъ смотрѣть было страшно!..

У нѣкоторыхъ изъ нихъ, отъ холода кровь шла изъ глазъ, и они буквально „плакали кровавыми слезами“...

Но зато для изстрадавшей русской земли, настали дни обѣтованные! Побѣды шли за побѣдами... Непріятель переносилъ пораженіе за пораженіемъ!..

Вѣсти о побѣдахъ русскихъ войскъ быстро разносились по всѣмъ городамъ, и всюду вызывали порывы восторга.

3-го ноября въ Петербургѣ былъ обнародованъ благодарственный манифестъ русскому народу, и при этомъ Кутузову, за его побѣды въ районѣ Смоленской губерніи, повелѣно было именоваться Смоленскимъ, Платовъ возведенъ былъ въ графское достоинство, а Милорадовичу пожалованъ орденъ Георгія 2-й степени.

Узнавъ о занятій Вильно, Императоръ Александръ пожелалъ самъ поѣхать туда и, несмотря на сильные морозы и на быструю ѣзду, совершилъ весь путь въ открытыхъ саняхъ.

Въ Вильно Императора Александра сопровождали: Аракчеевъ, Волконскій, Толстой и Шишковъ.

У Дворца Его встрѣтилъ Кутузовъ, причемъ Государь обнялъ старика и крѣпко поцѣловалъ его.

По выходѣ Кутузова изъ кабинета Государя, гофмаршалъ, графъ Толстой, поднесъ ему на золотомъ блюдѣ орденъ Георгія 1-й степени, котораго въ то время никто въ Россіи не имѣлъ.

Окрыленный побѣдой, горячо привѣтствуемый на всемъ пути, Императоръ Александръ I, во главѣ союзныхъ войскъ, двинулся къ границамъ „побѣдоносной“ Франціи...

Наполеонъ не вѣрилъ въ возможность быть побѣжденнымъ на поляхъ возвеличенной имъ Франціи, той Франціи, которую онъ силой своего военнаго генія, довелъ до апогея славы и могущества!

Онъ вернулся въ Парижъ въ концѣ октября, и тутъ произошелъ рядъ битвъ, изъ которыхъ рѣшительной и послѣдней была битва при Феръ-Шампенуазѣ.

Наполеонъ, видя свою неминуемую гибель, отправилъ къ Маріи-Луизѣ, находившейся въ Парижѣ, письмо, которое было перехвачено, и указало нашимъ войскамъ на ту послѣднюю и отчаянную хитрость, которую намѣревался пустить въ ходъ Наполеонъ.

Побѣда была рѣшена безповоротно... Наполеонъ погибъ!..

Государь, ни на минуту не оставлявшій своей побѣдоносной арміи, ѣхалъ тутъ же, рядомъ съ солдатами, сопровождавшими каждый Его шагъ восторженными кликами: „Ура!“. Императоръ былъ необыкновенно оживленъ и, обратившись къ преображенцамъ, сказалъ: „Ребята!.. Ужъ не далеко до Парижа... Поемъ послѣднюю пѣсню“!..

Онъ былъ правъ... и эта „послѣдняя пѣсня“ была пѣснью славы и могущества Россіи!..

17-го марта, утромъ, Марія-Луиза, не за долго передъ тѣмъ провозглашенная регентшей, оставила Парижъ.

На другой день произошла послѣдняя битва уже подъ стѣнами Парижа и послѣ рѣшительной схватки, въ рядахъ нашихъ войскъ молніей пронеслась вѣсть, что Парижъ сдается...

Восторгъ, охватившій солдатъ при этотъ извѣстіи, былъ неописуемъ.

— Пришлось батюшкѣ-Парижу поплатиться за матушку-Москву!.. — восклицали они, набожно крестясь и утирая радостныя слезы...

На высотахъ Монмартра заиграла русская музыка и, какъ бы въ отвѣтъ на эти побѣдные звуки, у всѣхъ заставъ появились бѣлыя знамена.

Во главѣ арміи на Монмартскихъ высотахъ находился графъ Ланжеронъ, въ тотъ же день приглашенный вмѣстѣ съ Императоромъ на обѣдъ къ Великому Князю Константину Павловичу.

За обѣдомъ Государь, обратившись къ Ланжерону, спросилъ: не потерялъ ли онъ чего-нибудь на вершинахъ Монмартра? Ланжеронъ отвѣтилъ, что ничего рѣшительно не терялъ. Тогда Императоръ передалъ ему запечатанный конвертъ, сказавъ:

— Вотъ что Я нашелъ на Монмартрѣ! Это вамъ принадлежитъ.

Въ конвертѣ оказались алмазные знаки ордена Андрея Первозваннаго.

Въ тотъ же день издана была Императоромъ Александромъ прокламація, обращенная къ парижанамъ, и объявлявшая имъ, что ни самъ Императоръ и никто изъ Его союзниковъ не вступятъ въ переговоры съ Наполеономъ и съ членами его семейства, и что французамъ предоставляется право назначить у себя временное правительство.

Французскій Сенатъ, подъ вліяніемъ Талейрана, объявилъ Наполеона низвергнутымъ съ Престола, и въ тотъ же день въ Фонтенебло, Наполеонъ подписалъ за себя и свое потомство отреченіе отъ престола Франціи и Италіи, и вмѣсто обширнѣйшаго государства, простиравшагося отъ Испаніи до Россіи и отъ Даніи до Италіи, получилъ крошечный и ничтожный островъ Эльбу.

Парижъ ожилъ. Всѣ лавки и магазины въ городѣ были открыты, народъ ликовалъ, и при появленіи Императора Александра въ ложѣ Парижскаго Большого Театра, Онъ встрѣченъ былъ долго не смолкавшими кликами привѣтствія и восторга.

Тогда же подписанъ былъ первый Парижскій трактатъ, послѣ подписанія котораго, Императоръ Александръ вмѣстѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ проѣхалъ въ Лондонъ.

Здѣсь Его ожидала самая привѣтливая и торжественная встрѣча, равно какъ и въ Голландіи, куда Онъ проѣхалъ изъ Англіи.

Изъ Голландіи Императоръ прослѣдовалъ въ Карлсруэ, для свиданія съ Императрицей Елисаветой Алексѣевной.

Одновременно съ этимъ въ Карлсруэ прибыла депутація отъ Св. Синода, Государственнаго Совѣта и Сената, для поднесенія Ему титула „Благословеннаго“.

Кромѣ того депутація ходатайствовала о разрѣшеніи выбить въ честь Его медаль, и воздвигнуть Ему въ Петербургѣ памятникъ.

Скромный и сдержанный какъ всегда, Императоръ отклонилъ всѣ эти ходатайства и изданнымъ указомъ, благодаря народъ за его горячее желаніе, закончилъ воззваніе Свое словами:

„Да соорудится Мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ. Да благоденствуетъ Россія и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе“.

12-го іюня Государь вернулся въ Павловскъ, гдѣ Его ожидала вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна.

Восторгъ народа при видѣ Императора былъ неописуемъ. Многіе падали на колѣни и кланялись Ему до земли. Многіе осѣняли Его крестнымъ знаменіемъ... Всѣ дома были богато украшены... По вечерамъ горѣла ослѣпительная иллюминація.

Всѣ поэты того времени воспѣвали Императора Александра въ торжественныхъ одахъ и въ числѣ ихъ были, и сходившій со сцены старикъ Державинъ, и новое восходившее на литературномъ горизонтѣ свѣтило—Пушкинъ.

Въ Петербургѣ Императоръ Александръ пробылъ недолго. Онъ проѣхалъ въ Вѣну на собравшійся тамъ конгрессъ и тутъ уже начинаетъ появляться въ Его характерѣ и въ Его настроеніи, тотъ холодный скептицизмъ, который мало-по-малу овладѣлъ Имъ всецѣло, и совершенно пересоздалъ весь Его внутренній міръ.

Не мало способствовала такой перемѣнѣ та черная неблагодарность, какую встрѣтилъ Онъ со стороны французскаго короля Людовика XVIII, всѣмъ обязаннаго Императору, и не сумѣвшаго не только достойно отблагодарить Его, но не сумѣвшій даже соблюсти простыхъ, основныхъ законовъ вѣжливости.

Когда Императоръ, всегда привѣтливый и предупредительный, посѣтилъ короля въ Тюльерійскомъ дворцѣ, Людо-

викъ не только не вышелъ навстрѣчу своему высокому гостю, но принялъ Его сидя въ глубокихъ креслахъ, и предложилъ Императору только простой стулъ.

Императоръ встрѣтилъ эту безтактность съ добродушной улыбкой, и говоря объ этомъ въ Своемъ интимномъ кружкѣ, замѣтилъ:

— Мы, сѣверные варвары, сумѣли—бы быть учтивѣе!.. Ежели ужъ королю, по его преклонному возрасту, необходимо нужно было занимать кресло, то почему было не предложить другого такого же кресла гостю?..

Еще сильнѣе сказалась неблагодарность короля послѣ бѣгства его изъ Парижа, вызваннаго возвращеніемъ Наполеона, съ острова Эльбы.

Король такъ напуганъ былъ внезапной высадкой Наполеона, и такъ поспѣшно устроилъ свое бѣгство изъ Парижа, что не успѣлъ захватить съ собой всѣхъ своихъ бумагъ, и въ секретныхъ его запискахъ нашелся цѣлый планъ возмутительныхъ дѣйствій, противъ Императора Александра.

Императоръ, ознакомившихъ съ содержаніемъ этихъ знаменательныхъ записокъ, бросилъ ихъ въ огонь, и никогда болѣе объ нихъ не поминалъ.

Вернувшись въ Россію, покрытый славой побѣдителя, Императоръ Александръ узналъ о крупномъ заговорѣ, направленномъ лично противъ Него, людьми, которыхъ Онъ близко зналъ, которыхъ горячо любилъ и которымъ привыкъ вѣрить.

Первыми словами Его, при предъявленіи Ему прямыхъ уликъ противъ злоумышленниковъ, было восклицаніе:

— Неблагодарные!.. За что?.. Я заботился только о ихъ благѣ и ихъ счастіи!..

Сильно и упорно волновали Императора, въ теченіе всего Его царствованія, быстро измѣнявшіяся неуравновѣшенныя отношенія къ мятежной и всегда недовольной Польшѣ.

Въ принципѣ жаждавшій мира и согласія всюду и со всѣми, Императоръ Александръ Павловичъ къ Польшѣ и полякамъ относился съ особымъ терпѣливымъ благоволеніемъ, и въ мемуарахъ графини Шуазель-Гуфье, съ большимъ самомнѣніемъ намекающей на исключительное вниманіе, какимъ ее дарилъ Императоръ,— приведено нѣсколько анекдотиче-

скихъ сообщеній, ясно доказывающихъ ту готовность, съ какою Императоръ шелъ на встрѣчу польскому обществу.

На балахъ, дававшихся въ честь Его въ Варшавѣ, Императоръ, уже почти непереставашій танцовать, всегда принималъ участіе въ національной польской мазуркѣ, которую танцовалъ съ особымъ умѣньемъ, и истинно польскимъ увлеченіемъ.

Съ польскими дамами Императоръ былъ необыкновенно любезенъ, и благосклонно улыбался на тѣ рѣзкія и безцеремонныя выходки, какія онѣ подчасъ позволяли себѣ.

Такъ на одномъ изъ Варшавскихъ баловъ къ Нему подошла княгиня Радзивилъ, и на ломанномъ русскомъ языкѣ стала ходатайствовать передъ Нимъ, о разрѣшеніи прирѣзать къ ея владѣніямъ четыре версты казенной земли.

Государь, милостиво выслушавъ просительницу, обратился къ присутствующему тутъ же Новосильцеву, съ просьбой немедленно исполнить желаніе княгини.

Та, желая сказать что-нибудь любезное, добавила, что пыталась устроить это дѣло раньше, то путемъ католическаго духовенства, то черезъ маршала Даву, но оба раза потерпѣла неудачу.

Окончивъ свое оригинальное повѣствованіе, княгиня Радзивилъ, къ ужасу окружающихъ, разразилась слѣдующей фразой:

— Не моя вина, что я не могла покончить это дѣло съ двумя примасами и съ Даву!.. Они всѣ слетѣли!.. Но, съ Вами Государь, надѣюсь этого не случится?

Эффектъ такого оригинальнаго „предположенія“, выраженнаго прямо въ глаза Императору, былъ подавляющій.

Старики были ошеломлены... Молодежь дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы не расхохотаться...

Государь съ благосклонной улыбкой замѣтилъ, что „постарается не слетѣть“, и безтактная фамильярность польской аристократки не имѣла иныхъ послѣдствій.

На балѣ польскаго дворянства, начавшемся съ традиціоннаго польскаго, Императоръ Александръ, пройдя первый туръ съ хозяйкой дома, для второго тура выбралъ графиню Валевскую, извѣстную своей близостью къ Наполеону, что заставило Великаго Князя Константина смѣясь замѣтить:

— Мой братъ хочетъ положительно „все“ отнять у Наполеона!

Широко выразилось благоволеніе Императора Александра къ Польшѣ и полякамъ, въ разрѣшеніи данномъ Имъ на бракъ Великаго Князя Константина Павловича съ кровной полькой Жанетой Грудзинской, къ которой Государь относился съ неизмѣннымъ благоволеніемъ и которую Онъ осыпалъ богатыми подарками.

Въ первомъ бракѣ своемъ, какъ извѣстно, Константинъ Павловичъ счастья не нашелъ.

Онъ не любилъ Великую Княгиню Анну Ѳеодоровну, обходился съ ней непривѣтливо и даже грубо, и послѣ отъѣзда Ея обратно на родину, громко говорилъ, что судьба сняла съ Его шеи туго затянутую петлю...

Грудзинская напротивъ, до того поработила своего супруга, что Константинъ Павловичъ, вообще не уступчивый, буквально въ глаза ей глядѣлъ, спѣша предупредить ея малѣйшее желаніе и по первому ея слову бросался, то принести ей ея любимое мороженое, то заказать ей ванну.

Все польское общество, внимательно слѣдившее за тѣмъ вліяніемъ, какое Грудзинская пріобрѣтала надъ своимъ августѣйшимъ супругомъ, возлагало на это большія надежды, которыя на дѣлѣ не оправдались.

Правда, къ семьѣ своей второй жены, Константинъ Павловичъ относился очень корректно и отца Жанеты, старика Грудзинскаго, онъ представилъ Варшавѣ, показавшись на гуляньѣ съ нимъ и его дочерью, причемъ оба главныя мѣста въ экипажѣ Онъ уступилъ имъ, а Самъ удовольствовался передней банкеткой; но дальше этой очень тактичной, чисто семейной демонстраціи дѣло не пошло, и на всѣ настоянія польскихъ магнатовъ Жанета неизмѣнно отвѣчала:

— Я слишкомъ обязана Великому Князю, для того, чтобы докучать Ему какими бы то ни было просьбами. Я постараюсь сдѣлать Его Высочество на столько счастливымъ, чтобы это отозвалось и на полякахъ.

Къ этому времени относится тайное отреченіе Константина Павловича отъ правъ своихъ на Престолъ, и хотя онъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Императоромъ и шансы ихъ на Пре-

столъ были совершенно равны, но Императоръ глубоко цѣнилъ то самоотверженіе, съ какимъ Константинъ Павловичъ отказался отъ короны и отъ власти, изъ прямого Наслѣдника Престола превращаясь добровольно, въ простого подданнаго своего меньшаго брата.

Движимый желаніемъ всѣми силами и мѣрами вознаградить и отблагодарить Константина Павловича за его безкорыстную преданность, Императоръ Александръ осыпалъ милостями и вниманіемъ его вторую жену, которая помимо всего снискала его благоволеніе еще и тѣмъ, что составляла нѣсколько своеобразное, но полное счастіе избравшаго ее Великаго Князя.

Близко вглядываясь въ семейную жизнь своего августѣйшаго брата, Императоръ Александръ открыто говорилъ:

— Наконецъ-то братъ Мой прочно и надежно счастливъ! Мнѣ не очень-то нравилось Его прежнее счастіе!

Въ ознаменованіе Своего благоволенія, Императоръ тотчасъ послѣ бракосочетанія брата, даровалъ Грудзинской титулъ графини Ловичъ, пожаловавъ ей при этомъ богатое княжество Ловичское съ ежегоднымъ доходомъ въ 400.000 франковъ. Затѣмъ, въ день именинъ Константина Павловича супругѣ его пожалованъ былъ орденъ Святой Екатерины, и когда она надѣла его, то Государь Самъ подвелъ новую кавалерственную даму, къ ея августѣйшему супругу.

Въ день именинъ самой графини Ловичъ, Императоръ подарилъ ей богатѣйшее жемчужное ожерелье, и когда она однажды при Немъ сказала, что исключительно любитъ старинный Севрскій фарфоръ, то Императоръ выписалъ для нея изъ Петербурга дорогой сервизъ, поднесенный Ему во время Его побѣдоноснаго присутствія въ Парижѣ.

Словомъ, милостямъ и щедрымъ дарамъ Императора не было ни числа, ни мѣры, но какъ это ни странно, а не смотря на весь блескъ своего новаго положенія, графиня Ловичъ скучала какъ никогда, и часто жаловалась на то принужденіе, которое она испытывала среди окружающаго ее величія и роскоши.

Она страстно любила танцы и, не смотря на это, никогда на балахъ не танцовала. Никто изъ придворныхъ кавалеровъ

не осмѣливался приглашать ее, а сама она, не принадлежа оффиціально къ числу русскихъ Великихъ Княгинь, не рѣшалась назначать себѣ кавалеровъ.

Судьбу Польши, собственно говоря, рѣшилъ Вѣнскій конгрессъ, съ котораго Императоръ прямо проѣхалъ въ Варшаву.

Принявъ титулъ Польскаго короля и объявивъ объ этомъ полякамъ, Императоръ обѣщалъ даровать имъ конституцію, самоуправленіе, собственную армію, и свободу печати.

Поляки восторженно приняли всѣ эти обѣщанія, Варшава разукрасилась флагами, надъ всѣми казенными зданіями появились польскія знамена съ бѣлымъ орломъ, и подъ гулъ всѣхъ городскихъ колоколовъ, во всѣхъ церквахъ отслужены были молебны.

Къ эпохѣ Вѣнскаго конгресса относится одинъ изъ самыхъ характерныхъ и мало извѣстныхъ эпизодовъ въ жизни Императора Александра I-го, а именно столкновеніе Его съ Меттернихомъ, едва не окончившееся дуэлью между великимъ Монархомъ и извѣстнымъ дипломатомъ.

Антагонизмъ между Императоромъ и Меттернихомъ существовалъ еще раньше Вѣнскаго Конгресса, и начался во время кампаніи трехъ союзниковъ, когда, вопреки желанію Императора Александра Павловича, главнокомандующимъ союзныхъ войскъ назначенъ былъ генералъ Шварценбергъ, вмѣсто предложеннаго Императоромъ генерала Моро.

Александръ Павловичъ зналъ, что на этомъ назначеніи настоялъ Меттернихъ, и не могъ простить ему такого открытаго сопротивленія Его волѣ.

Позднѣе, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, Императоръ Александръ окончательно убѣдился въ постоянномъ желаніи Меттерниха во всемъ становиться наперекоръ Его волѣ и, не желая оставаться въ долгу, въ свою очередь въ Вѣнскихъ салонахъ, въ которыхъ Онъ всегда являлся желаннымъ и почетнымъ гостемъ, осыпалъ Меттерниха сарказмами и отзывался объ немъ самымъ нелестнымъ образомъ.

Между ними сталъ извѣстный дипломатъ Талейранъ, который, съ присущимъ ему маккіавелизмомъ, равно „сочувствовалъ“ обѣимъ сторонамъ, и съ неустаннымъ усер-

діемъ переносилъ изъ одного лагеря въ другой все то что могло способствовать къ возбужденію сильнѣйшей вражды.

Эта опасная политическая „игра“ привела къ обоюдному ожесточенію сторонъ, и передъ поѣздкой своей въ Венгрію, Императоръ Александръ, въ аудіенціи, данной Имъ Меттерниху, третировалъ его съ такимъ высокомѣріемъ, которое, по словамъ того же Талейрана—недопустимо даже по отношенію къ самой заурядной прислугѣ.

На замѣчаніе Талейрана, что австрійцы, участвовавшіе въ раздѣлѣ Польши, имѣютъ право требовать своей доли въ этомъ дѣлежѣ, Императоръ, рѣзко возвышая голосъ, назвалъ рѣчь дипломата „дерзкой“ и „возмутительной“, и прибавилъ, что на такомъ „непристойномъ“ и „невѣжливомъ“ тонѣ никто, кромѣ Меттерниха, съ Нимъ бы говорить не посмѣлъ!..

Въ отвѣтъ на эти слова Меттернихъ заявилъ, что будетъ просить своего государя назначить на его мѣсто въ конгрессъ, другого министра.

Этимъ инцидентомъ, имѣвшимъ мѣсто 24 октября 1814 года, не завершился рядъ недоумѣній между Императоромъ Александромъ и Меттернихомъ, и этотъ послѣдній, въ разговорѣ съ прусскимъ канцлеромъ Гарденбергомъ, замѣтилъ, что русскій Императоръ несравненно больше заботится о Польшѣ, нежели о Саксоніи.

Встревоженный этой инсинуаціей, Гарденбергъ поспѣшилъ повторить слова Меттерниха Императору Александру, и Онъ тотчасъ же отправившись къ Императору Францу I, объявилъ ему, что считаетъ себя лично оскорбленнымъ Меттернихомъ, и намѣренъ вызвать его на дуэль.

Императоръ Францъ долго старался всячески успокоить взволнованнаго Государя, и видя, что это ему плохо удается, выразилъ увѣренность, что въ случаѣ упорнаго настоянія своего державнаго противника, Меттернихъ приметъ Его вызовъ, но при этомъ посовѣтовалъ Ему, до окончательнаго рѣшенія вопроса, подробно объясниться.

Объясненіе это состоялось въ присутствіи генерала Ожаровскаго.

Меттернихъ, слабо защищаясь, свалилъ всю вину на глухоту прусскаго канцлера Гарденберга, не разслышавшаго въ точности его словъ, и этимъ исчерпанъ былъ на этотъ разъ весь инцидентъ; но, затаивъ въ душѣ неудовольствіе, Императоръ Александръ никогда болѣе не появлялся на балахъ и званыхъ вечерахъ Меттерниха, хотя ни Великимъ Князьямъ, ни Великимъ Княгинямъ не мѣшалъ на нихъ присутствовать.

Въ глубинѣ души Александръ никогда не могъ простить Меттерниху его рѣзкой выходки, хотя наружное примиреніе между ними и состоялось, въ тотъ день, когда Меттернихъ, по приказанію своего Государя, явился къ русскому Императору съ извѣстіемъ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы.

Государь, на-скоро переговоривъ съ Меттернихомъ о мѣрахъ, которыя необходимо было принять въ этомъ случаѣ, завершилъ рѣчь свою словами:

— Намъ нужно покончить съ нашей личной распрей. Мы христіане, наша святая вѣра предписываетъ намъ прощать и забывать обиды. Обнимемъ другъ друга и предадимъ все бывшее между нами забвенію.

Императоръ Александръ дѣйствительно обнялъ Меттерниха, и этимъ навсегда окончилось это характерное столкновеніе, не имѣвшее прецендентовъ въ исторіи коронованныхъ особъ.

Въ мартѣ 1818 года Императоръ Александръ лично открылъ Варшавскій сеймъ, и присутствіе Его въ Варшавѣ вновь послужило поводомъ къ цѣлой серіи пышныхъ и роскошныхъ празднествъ. Но не успѣлъ Государь оставить Варшаву, какъ уже обѣ польскія палаты стали предъявлять требованія, не согласныя съ достоинствомъ Верховной Власти.

Чарторижскій, какъ ярый представитель польскихъ требованій и польскаго недовольства, обратился лично къ Государю съ смѣлой просьбой прекратить тѣ „тиранства“, какимъ подвергаются польскіе солдаты, а одновременно съ этимъ получено было Государемъ донесеніе отъ главнокомандующаго польской арміей, Великаго Князя Константина Павловича, о полномъ паденіи дисциплины въ арміи, и о невозможности, при существующихъ порядкахъ, возстановить необходимое подчиненіе въ войскахъ, ввѣренныхъ главному командованію Великаго Князя.

Поляки требовали полной автономіи Польши...

Многочисленная русская партія въ Петербургѣ, съ Карамзинымъ во главѣ, смѣло доказывала Императору, что возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи.

Послушавшись этихъ послѣднихъ внушеній, какъ голоса правды и разсудка, Императоръ въ слѣдующемъ году вновь поѣхалъ въ Варшаву, взявъ съ собой Аракчеева.

На этотъ разъ Императоръ открылъ Сеймъ серьезной рѣчью, стараясь убѣдить поляковъ больше довѣрять русскому правительству, и не предъявлять къ нему неисполнимыхъ требованій.

Рѣчь Его не образумила поляковъ, и Государь на этотъ разъ оставилъ Варшаву, глубоко возмущенный неблагодарностью поляковъ.

Въ семейной жизни Императора въ это время произошло событіе, которое повидимому должно было бы сблизить царственную чету.

Императрица Елисавета разрѣшилась отъ бремени второй дочерью, которая, по желанію Государя, названа была Елисаветой, въ честь матери.

Но и эта семейная радость не могла возстановить разъ порванныхъ семейныхъ узъ, и рожденіе дочери не только не сблизило, а, напротивъ, еще сильнѣе разъединило супруговъ.

Роды Императрицы были трудны, перенесенныя страданія разрушительно повліяли на Ея наружность, въ конецъ подорвали Ея силы, и наложили на Нее печать ранней старости и истощенія.

Кромѣ того, всѣ доктора, пользовавшіе въ это время Императрицу, единодушнымъ приговоромъ воспретили Ей навсегда семейную жизнь, и осудили ее на пожизненное безбрачіе. Подъ гнетомъ этого приговора, навсегда разлучавшаго Ее съ горячо любимымъ мужемъ, Императрица попыталась найти себѣ утѣшеніе въ заботахъ о новорожденной дочери, но и тутъ надежды Ея не оправдались.

Ребенокъ родился слабымъ, съ трудомъ переносилъ болѣзни обычныя первому раннему возрасту, и не проживъ и полугода, скончался.

Въ самый моментъ этого послѣдняго удара, для любящаго сердца въ конецъ осиротѣвшей Императрицы, до Ея свѣдѣнія дошло, что у Маріи Антоновны Нарышкиной родилась прелестная дѣвочка, которую Императоръ Александръ обожаетъ, и нѣжныя заботы о которой не оставляютъ Его ни на минуту, не смотря на всѣ серьезныя и тревожныя заботы Его по управленію государствомъ.

Неспособная ни на какое тяжелое и враждебное чувство, Императрица всей душой устремилась на встрѣчу этому вновь появившемуся въ мірѣ маленькому созданью, въ которомъ Она видѣла утѣшеніе для Государя.

Она постаралась узнать куда и въ какіе часы выносятъ гулять маленькую Соню Нарышкину, и стала все чаще и чаще встрѣчаться съ нею въ аллеяхъ Лѣтняго сада.

Ребенокъ въ самомъ дѣлѣ былъ очаровательенъ, и такъ сильно, такъ несомнѣнно напоминалъ, въ чертахъ своего дѣтскаго личика, знакомыя и дорогія Императрицѣ черты, что Она мало-по-малу пристрастилась къ дѣвочкѣ, и уже дня не могла провести, не взглянувъ на маленькую Соню.

Малютка горячо откликалась на любовь этой красивой и всегда грустной незнакомки, и едва завидѣвъ Ее издали, съ радостнымъ привѣтомъ тянулась къ Ней.

Такимъ образомъ, между Императрицей и маленькой Нарышкиной завязалась горячая привязанность, которая не оставляла обѣихъ до того дня, когда неумолимая смерть безжалостно подкосила юную, и счастливую жизнь...

Императору извѣстна была эта исключительная дружба Императрицы съ малюткой. Онъ въ душѣ благоговѣлъ передъ Елисаветой Алексѣевной, но очарованіе, въ которомъ упорно держала Его Нарышкина, превозмогало все остальное.

Передъ ея вліяніемъ смолкало и исчезало все, и нѣкоторые изъ современниковъ Императора Александра, зараженные вѣрой въ чудесное и въ возможность тайнымъ образомъ воздѣйствовать на человѣка помимо его воли,—склонны были приписать неотразимое вліяніе Нарышкиной, какимъ-то особымъ чарамъ и волхвованіямъ...

На дѣлѣ, конечно, ничего подобнаго не было!..

Нарыщкина просто была легендарная красавица, умѣвшая дополнить чары своей красоты, уловками опытной кокетки. Въ душѣ она была ревнива, и не разъ серьезно дрожала при мысли о возможности потерять любовь Государя, но чувства эти она ловко скрывала, первая подшучивая надъ временными увлеченіями своего, не всегда вѣрнаго поклонника.

Предметомъ ея довольно серьезной ревности была супруга Прусскаго короля, молодая королева Луиза, почти такая же красавица какъ и сама Нарышкина, и къ которой Императоръ Александръ питалъ чувства самой нѣжной, хотя и совершенно безукоризненной дружбы.

Императоръ впервые встрѣтился съ королевой Луизой въ Тильзитѣ, куда она прибыла для свиданія съ Наполеономъ.

Она пріѣхала просить грознаго и неумолимаго завоевателя о нѣкоторомъ снисхожденіи къ побѣжденной странѣ и ея злополучнымъ властителямъ, но... попытка ея не увѣнчалась успѣхомъ.

Наполеонъ заподозрилъ въ просительницѣ цѣль плѣнить его своей исключительной красотой, болѣе нежели холодно встрѣтилъ ея ходатайство и, не оставивъ въ душѣ ея ни малѣйшей надежды на исполненіе ея просьбы, сказалъ въ тотъ же вечеръ, въ собраніи окружавшихъ его офицеровъ, что онъ не Олоферъ, и что чары Юдифи надъ нимъ безсильны!..

Эти слова были злой и незаслуженной насмѣшкой.

Королева Луиза была женщина безукоризненной нравственности, и личнаго обращенія къ грозному завоевателю ей въ вину поставить было нельзя.

Она, какъ мать, просила за многочисленное семейство, оставленное ею въ Пруссіи.

Грубость, съ какою встрѣтилъ ее Наполеонъ, вызвала по ея адресу самое горячее сочувствіе Императора Александра Павловича, и Онъ тутъ же пригласилъ королеву пріѣхать въ Россію, гдѣ обѣщалъ ей самое широкое гостепріимство.

Онъ рыцарски сдержалъ свое слово, и когда 26 декабря 1808 года, на второй день Рождества, Прусская королева дѣйствительно пріѣхала въ Россію, то ее встрѣтилъ самый горячій и почетный пріемъ.

Подъ ружьемъ, въ день прибытія королевы въ Петербургъ, было свыше 1000 человѣкъ войска, она въѣхала въ

городъ при оглушительномъ звонѣ всѣхъ столичныхъ колоколовъ, на всѣхъ улицахъ пылали костры, и всѣ дома по пути ея слѣдованія, были роскошно иллюминованы.

На встрѣчу почетной гостьѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ собрались всѣ чины Высочайшаго Двора и вся Царская фамилія, съ обѣими Императрицами во главѣ.

Государь выѣхалъ на встрѣчу и вышелъ изъ кареты, ведя подъ руку королеву Луизу, закутанную въ роскошную синюю бархатную шубу, подарокъ Императора.

Императрицы встрѣтили королеву Луизу на верху лѣстницы, и аппартаменты приготовленные для нея, отдѣланы были съ баснословной роскошью.

Королева произвела на всѣхъ чарующее впечатлѣніе.

Не смотря на то, что она была уже матерью многочисленнаго семейства, красота ея была ослѣпительна, и свѣжестью и нѣжностью кожи она могла бы поспорить съ любой молоденькой дѣвушкой.

Пройдя въ отведенные ей аппартаменты, королева нашла тамъ массу приготовленныхъ для нея богатыхъ подарковъ, въ числѣ которыхъ былъ баулъ съ 12 турецкими шалями, и большой пальмовый картонъ съ платьемъ, богато вышитымъ крупнымъ жемчугомъ.

Кромѣ того, всѣ шкапы были наполнены роскошными туалетами, а ящики комодовъ переполнены были золотыми украшеніями, съ брилліантами и дорогими каменьями.

Маріи Антоновны Нарышкиной на этой встрѣчѣ не было... но ей извѣстны были всѣ приготовленія, сдѣланныя къ пріему королевы Луизы, и она не умѣла и не хотѣла скрыть того чувства непреодолимаго оскорбленія, какое это пробуждало въ ея душѣ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, напротивъ, встрѣтила все это съ видимымъ удовольствіемъ.

При всей кротости и покорности своей, она не прочь была взглянуть на униженіе той женщины, которая отняла у Нея послѣднюю надежду на счастье!..

Нарышкина, не видавшая королеву, заочно скептически относилась къ красотѣ и свѣжести матери большого семей-

ства, и выжидала случая во очію помѣряться красотой, съ высокой гостьей.

Съ дѣтства ни во что ставившая вопросы строгой нравственности, Марія Антоновна не могла повѣрить въ идеальную дружбу, и въ отвѣтъ на увѣренія Императора Александра о чистотѣ Его отношеній къ королевѣ Луизѣ, съ своей холодной, нѣсколько высокомѣрной улыбкой давала Ему торжественное обѣщаніе, найти себѣ среди блестящаго Двора, такого же „идеальнаго“ и безкорыстнаго „друга“.

А тѣмъ временемъ она стороной прислушивалась ко всѣмъ отзывамъ придворныхъ о красотѣ высокой гостьи, и то что она слышала, далеко не служило къ ея успокоенію.

Красавицей королевой всѣ поголовно восхищались, и болѣе смѣлые изъ друзей Нарышкиной, прямо предупреждали ее, что въ королевѣ она встрѣтитъ себѣ опасную соперницу.

Такъ прошло два или три дня...

Назначенъ былъ день представленія всѣхъ придворныхъ дамъ, съ которыми королева выразила желаніе познакомиться раньше, нежели откроется рядъ придворныхъ баловъ, откладывавшихся, чтобы дать королевѣ Луизѣ время отдохнуть и оправиться отъ дальняго пути.

Разосланы были приглашенія, и въ числѣ прочихъ получила приглашеніе и Марія Антоновна Нарышкина.

Императоръ, посѣтившій ее наканунѣ назначеннаго дня, освѣдомился, въ какомъ туалетѣ она будетъ представляться королевѣ?

Она съ улыбкой отвѣчала, что вопросъ этотъ ее очень мало занимаетъ, и что все равно, чтобы она ни надѣла, перещеголять высокую гостью ей не удастся!

— Я, конечно, говорю о брилліантахъ!—съ самонадѣянной улыбкой добавила она.—Королева Луиза, вѣроятно, будетъ залита ими... Вы ей ихъ такъ много надарили... а она въ своей бѣдной нѣметчинѣ, къ нимъ такъ мало привыкла!..

Насталъ, наконецъ, и день нетерпѣливо ожидаемаго пріема. Всѣ придворныя дамы, узнавъ, что королевѣ готовится туалетъ, роскошью своею затмѣвающій всякое воображеніе, въ свою очередь, постарались блеснуть роскошью нарядовъ,

и зала, въ которой собрались всѣ приглашенные, буквально утопала въ блескѣ золота и брилліантовъ.

Каждая изъ модныхъ красавицъ надѣла все, что у нея было роскошнаго и дорогого...

Общій видъ большой дворцовой залы, напоминалъ былую роскошь Екатерининскихъ временъ.

Какъ будто дѣйствительно вернулись тѣ „бабушкины дни", о которыхъ говорилъ Императоръ Александръ, при вступленіи своемъ на престолъ.

Государь, вошедшій въ пріемную залу за нѣсколько минутъ до выхода королевы, остановился, очарованный представившимся Ему зрѣлищемъ.

Такого яркаго букета пышныхъ и нарядныхъ красавицъ, Ему давно не приходилось видѣть!

Но, вотъ, широко распахнулись двери, и церемоніймейстеръ, предшествуя высокой гостьѣ, громко возгласилъ:

— Ея величество королева!

Все встрепенулось... Императоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу королевѣ Луизѣ и почтительно подалъ ей руку.

Все склонилось на Ея пути, да и было передъ чѣмъ склониться!

Такого царственнаго величія, соединеннаго съ такой поразительной красотой, давно не видалъ въ стѣнахъ своихъ, Зимній дворецъ.

Королева Луиза вошла въ залу, отвѣчая наклоненіемъ головы на почтительные поклоны и на восторженные взгляды, встрѣчавшіе ее на пути.

Вся залитая брилліантами, вся блещущая молодостью и почти невѣроятной красотой, королева Луиза казалась какою-то волшебной сказкой, во очію приснившейся всѣмъ присутствующимъ.

Не оставалось мѣста ни критикѣ, ни осужденію... ни зависти!.. Передъ этой царственной красотой, все стушевывалось, все умолкало!..

Королева поняла все это. Она прочла это въ восторженныхъ взглядахъ Императора и, занявъ мѣсто на приготовленномъ возвышеніи, она спокойно ожидала начала церемоніи.

Приглашенныя дамы подходили по очереди, и церемоній-мейстеръ громко произносилъ ихъ имена и титулы...

Королева находила благосклонный привѣтъ по адресу каждой изъ нихъ... и обаятельная улыбка ни на минуту не оставляла ея плѣнительнаго лица... когда вдругъ на этомъ очаровательномъ лицѣ, появилось выраженіе нѣмого удивленія.

Церемоніймейстеръ назвалъ имя Маріи Антоновны Нарышкиной, и королева увидала передъ собой красавицу, которая не только могла смѣло поспорить съ нею, но имѣла всѣ шансы затмить ее своею легендарной, почти невѣроятной красотой.

Заранѣе зная о блескѣ и пышности туалета, который готовился для королевы, и предвидя, что всѣ придворныя дамы, въ свою очередь, захотятъ блеснуть роскошью своихъ нарядовъ,—Марія Антоновна съ присущимъ ей тонкимъ кокетствомъ порѣшила рѣзко выдѣлиться среди всѣхъ, изысканной простотой своего наряда.

На ней не было ни золота, ни брилліантовъ, ничего, кромѣ воздушнаго бѣлаго платья, и вѣнка изъ васильковъ на темно-русыхъ волосахъ...

Нарышкина почтительно склонилась передъ своей царственной соперницей и, затѣмъ, поднявъ голову, прямо и пристально взглянула ей въ глаза.

Королева отвѣтила ей такимъ же пристальнымъ взглядомъ.

Прошла секунда мертваго молчанія.

Какъ будто два мощныхъ богатыря, сошедшись на аренѣ, заранѣе мѣрились своими силами... Какъ будто на рѣшительный бой они вызывали другъ друга!

И въ эту минуту всѣ безъ исключенія, какъ сторонники, такъ и враги всесильной фаворитки, безповоротно поняли, что побѣда осталась за нею, и что ея силы и власти никому не сразить!..

Поняла это и красавица королева, съ гордой досадой опустившая глаза передъ смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ Нарышкиной.

Поняла это и мгновенно поблѣднѣвшая Императрица Елизавета, изъ груди которой вырвался глубокій вздохъ...

Мимолетный пріѣздъ королевы Луизы пробудилъ въ душѣ Императрицы слабую надежду, вырвать Государя изъ-подъ вліянія Нарышкиной.

Но одного появленія неотразимой фаворитки было достаточно для того, чтобы навсегда похоронить всѣ эти несбыточныя мечты!

Вдовствующая Императрица, отъ которой не укрылась характерная встрѣча двухъ красавицъ, и которая въ душѣ не любила невѣстку, назвала эту встрѣчу „турниромъ“, и шутя поручила Императору передать Нарышкиной Ея поздравленіе, съ одержанной „побѣдой“.

Помимо пировъ и празднествъ, устроиваемыхъ въ честь почетныхъ прусскихъ гостей, широкое гостепріимство русскаго Двора имѣло и свое глубокое политическое значеніе.

Оно подкрѣпляло прочность дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Прусскимъ Дворомъ, и этимъ самымъ служило какъ бы молчаливымъ вызовомъ Франціи.

Такъ понялъ это французскій посланникъ Коленкуръ отказавшійся иллюминовать свой домъ въ день въѣзда въ Петербургъ Прусской королевы, и отличившійся во время придворныхъ празднествъ, цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ выходокъ.

Пребываніе королевы въ Петербургѣ не было продолжительно, и несмотря на роскошь и задушевность сдѣланнаго ей царскаго пріема, королева Луиза вернулась на родину сильно разочарованная.

Она поняла, что ничего существеннаго поѣздка эта, въ ея жизнь внести не могла, и вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Пруссію, писала къ своей сестрѣ:

„Я воротилась съ тѣмъ же предчувствіемъ бѣды!.. Ничто теперь не можетъ ослѣпить меня! Я еще разъ скажу тебѣ: мое царство уже не отъ міра сего!“

А въ Петербургѣ, между тѣмъ, временное пребываніе королевы Луизы оставило по себѣ слѣдъ, выразившійся въ еще болѣе тѣсномъ сближеніи Императора съ красавицей Нарышкиной.

Лѣтомъ Государь очень часто проводилъ время на дачѣ Нарышкиныхъ, на берегу Малой Невки, противъ Крестовскаго Острова.

Кромѣ этого, у Маріи Антоновны была еще роскошная и обширная дача на 5-й верстѣ Петергофской дороги, но тамъ она бывала сравнительно рѣдко, предпочитая жить на Островахъ.

Въ то время весь Каменноостровскій проспектъ, а равно и вся Карповка застроены были роскошными дачами Петербургскихъ аристократовъ, и богачей: Вяземскихъ, Зубовыхъ, Куракиныхъ и прочихъ знатныхъ вельможъ.

Лѣтомъ, во время пребыванія Императора на Каменномъ Островѣ, во всѣхъ этихъ дворцахъ-дачахъ, давались въ честь Его роскошные праздники, которые Онъ всегда украшалъ Своимъ присутствіемъ.

Въ годъ посѣщенія Петербурга Прусской Королевой, Марія Антоновна Нарышкина дала на своей дачѣ балъ, на который не пригласила Коленкура.

Онъ отвѣтилъ на это особенной любезностью, и устроилъ въ свою очередь балъ, на который разослалъ всего только сто приглашеній, включивъ красавицу-фаворитку въ число приглашенныхъ.

Скука на этомъ балѣ царила необычайная, и Великому Князю Константину Павловичу вмѣстѣ съ Маріей Антоновной, суждено было оживить этотъ скучный балъ самымъ оригинальнымъ образомъ.

Константинъ Павловичъ, отнюдь не принадлежавшій къ числу ловкихъ и граціозныхъ танцоровъ, имѣлъ еще гибельную привычку являться на балы не иначе, какъ съ длиннѣйшими шпорами на сапогахъ.

Пригласивъ Нарышкину на туръ вальса, онъ запутался шпорами въ складкахъ ея шлейфа и, стараясь удержать свою даму, вмѣсто этого повалилъ ее на полъ и самъ растянулся во всю длину, рядомъ съ нею.

Это паденіе было единственной диверсіей неудачнаго французскаго праздника, и Нарышкина, поднявшись и слѣдуя по залѣ подъ руку съ своимъ неловкимъ кавалеромъ, шутя замѣтила ему, что Коленкуръ обязанъ принести имъ обоимъ особую благодарность за ту всероссійскую диверсію, какую они внесли въ его французскую скуку.

Горячая любовь Императора къ Нарышкиной усиливалась возраставшей Его привязанностью къ маленькой

Сонѣ, въ свою очередь обожавшей Государя, и встрѣчавшей Его появленіе громкимъ выраженіемъ своей дѣтской радости.

Усиливалось и обожаніе Императрицы Елизаветы Алексѣевны къ маленькой Сонѣ. Она выпросила у Императора разрѣшеніе на то, чтобы ребенка время отъ времени привозили къ Ней во дворецъ, нѣжно ласкала ее, любила Сама ее одѣвать и, находя въ ней замѣтное сходство съ Своей умершей дочерью, прижимала ее къ сердцу, и роняла горячія слезы на ея дѣтскую головку.

Родную мать свою дѣвочка любила несравненно меньше нежели Императрицу и, впослѣдствіи, умирая и душою стремясь къ далекому родному образу Императрицы Елизаветы Алексѣвны, молодая Нарышкина заочно прощалась съ Нею, и громко исповѣдывала свою глубокую и безграничную любовь къ Ней.

Марья Антоновна продолжала свою смѣлую жизнь открытой фаворитки, и разоряла своего державнаго поклонника безграничными требованіями и выпрашиваніями денегъ, то на уплату долговъ, то на покупку новыхъ брилліантовъ, хотя при частыхъ выѣздахъ своихъ, а, въ особенности, при пріемахъ у себя дома, она любила подчасъ щегольнуть утрированной простотою туалета.

Такъ на послѣднемъ балѣ, данномъ ею передъ отъѣздомъ Императора въ дѣйствующую армію, она появилась въ гладкомъ воздушномъ бѣломъ платьѣ съ букетомъ незабудокъ на груди, приколотыхъ брошкой съ портретомъ Государя.

Государь уѣхалъ на другой день послѣ бала, но ни тревожныя заботы войны, ни неудачи горькихъ пораженій, ни лучезарный блескъ почти нежданныхъ побѣдъ — ничто не могло затмить въ сердцѣ Императора ту власть, какую имѣла надъ Нимъ Нарышкина.

Бывали въ Его душѣ минуты серьезнаго возмущенія противъ этого добровольнаго ига... Бывали минуты, когда Онъ самъ стыдился своего полнаго порабощенія, но... все это было кратковременно... и вновь все возвращалось къ прежнему порядку, и побѣдитель народовъ дѣлался вновь рабомъ слабой женщины!..

Въ 1816 году вниманіе Императора Александра было отвлечено бракомъ меньшаго брата Великаго Князя Николая Павловича съ прусской принцессой Шарлотой Вильгельминой, впослѣдствіи Императрицей Александрой Федоровной.

Александръ уже зналъ, что вѣнецъ будутъ держать надъ головой будущаго Императора, и свадьба Великаго Князя Николая была отпразднована самымъ пышнымъ образомъ.

Императоръ окружилъ новую Великую Княгиню самымъ заботливымъ вниманіемъ, и когда Она собралась въ первое свое заграничное путешествіе, то въ Ея распоряженіе предоставленъ былъ фрегатъ, съ громаднымъ роскошно отдѣланнымъ помѣщеніемъ въ 11 комнатъ.

Но ни эта царственная пышность, ни эти родственныя заботы, не наполняли сердце Императора.

Онъ тосковалъ прежней неопредѣленной тоской неудовлетворенной души, и по прежнему рвался къ той широкой, полной свободѣ, которая немыслима и невозможна на ступеняхъ трона.

Въ этомъ стремленіи къ чему-то новому... въ этомъ вѣчномъ исканіи чего-то далекаго, недостижимаго, слѣдуетъ искать причины тѣхъ безконечныхъ переѣздовъ, тѣхъ нескончаемыхъ путешествій, которыми такъ обильно и богато было царствованіе Императора Александра Павловича.

Онъ никогда подолгу не оставался на одномъ и томъ же мѣстѣ, и по подсчету близко къ Нему стоявшихъ лицъ, Онъ проѣхалъ на Своемъ вѣку свыше 100.000 верстъ на лошадяхъ, такъ какъ никакого иного способа передвиженія во то время не было.

Среди непрестаннаго движенія физическаго, среди неустанной тревоги нравственной, проходила эта жизнь, остановившая на себѣ такое исключительное вниманіе исторіи!..

До 1812 года Аракчеевъ стоялъ далеко отъ кормила правленія, и та внезапная сила и вліяніе, какія онъ возымѣлъ надъ Императоромъ Александромъ, объясняются отчасти полнымъ разочарованіемъ Его въ людяхъ.

Императоръ созналъ, что путемъ всевозможныхъ уступокъ, путемъ любви къ народу и постоянныхъ заботъ о его благѣ, Ему не удалось купить ничего, кромѣ самой черной небла-

годарности, ничего, кромѣ мятежныхъ порывовъ къ возстанію, доходившихъ до покушенія на Его жизнь.

И Онъ разочарованный, сказалъ Себѣ, что то, чего нельзя достигнуть путемъ кротости любви и мира, можетъ быть достигнуто путемъ рѣзкихъ мѣръ, строгости и безпощадныхъ каръ!

Вотъ историческое объясненіе силы и власти Аракчеева.

Вотъ объясненіе того, что кроткій и благой правитель призвалъ Себѣ въ помощники злодѣя и тирана, какимъ былъ въ дѣйствительности Аракчеевъ.

Вообще событія 12 года сдѣлали громадный переворотъ въ характерѣ и во всемъ внутреннемъ мірѣ, Императора Александра Павловича.

Послѣ ряда неудачъ, сдачи Москвы и грознаго нашествія „двунадесяти языковъ", Онъ разомъ оказался побѣдителемъ несмѣтныхъ вражескихъ силъ, и прямо и ясно взглянулъ на обновленную, побѣдоносную Россію!

Убитый горемъ—Онъ разомъ поднялся и воскресъ... Переставшій вѣрить и молиться—Онъ разомъ отдался религіи, увѣровалъ всѣми силами Своей могучей души, всѣми фибрами Своего воскреснувшаго сердца!..

Религіозное настроеніе Его приняло разомъ тотъ характеръ глубокаго мистицизма, которымъ отмѣчена была вся эта историческая жизнь, полная такой лучезарной славы, и такого глубокаго душевнаго горя.

Тутъ выступаетъ на сцену знаменитый Фотій, этотъ изувѣръ въ монашеской мантіи, этотъ полупомѣшанный глашатай апокалипсическихъ предсказаній, смыслъ которыхъ врядъ ли былъ понятенъ ему самому.

Тутъ выступаетъ баронесса Крюднеръ, эта загадочная личность, полуавантюристка, полупомѣшанная, съ большимъ крестомъ на груди, съ длинными черными четками въ рукахъ, съ мрачнымъ чернымъ капюшономъ, густыми складками спускавшимся на ея полумертвое лицо.

Мало кто знаетъ, въ силу чего въ воспріимчивой душѣ Александра I-го зародилась та глубокая вѣра въ мистическую силу баронессы Крюднеръ, которая не оставляла Его до конца Его дней.

Случай, послужившій источникомъ сближенія Императора Александра съ баронессой, заключается въ слѣдующемъ:

Подписавъ условія Вѣнскаго конгресса, Императоръ прибылъ изъ Вѣны въ Гейдельбергъ, гдѣ въ то время находилась главная квартира русской арміи.

Государю, уже утомленному торжественными встрѣчами и пріемами по пути, пришлось еще въ самый день пріѣзда своего, отвѣчать на горячій пріемъ жителей Гейдельберга и, вернувшись во дворецъ, Онъ тотчасъ же легъ въ постель. Онъ хотѣлъ отдохнуть и строго запретилъ безпокоить Его, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Въ виду такого категорическаго приказанія, тишина въ царскихъ покояхъ водворилась мертвая.

Но заснуть Императоръ не могъ, и надежды Его на продолжительный и ненарушимый покой, не оправдались.

Сонъ упорно бѣжалъ Его глазъ.

Онъ зажегъ огонь и взялъ со стола Библію, которая всегда была неизмѣнно при Немъ.

Онъ въ священной книгѣ хотѣлъ найти Себѣ успокоеніе. Онъ хотѣлъ на ея страницахъ найти разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ Его вопросовъ, и сомнѣній.

Но книга, на этотъ разъ, оставалась нѣмою для Него.

Взоръ Его разсѣянно скользилъ по строкамъ, и Онъ съ трудомъ понималъ что читалъ.

Въ эту минуту Ему внезапно вспомнилась баронесса Крюднеръ, о которой Онъ много слышалъ отъ фрейлины Императрицы, г-жи Струдза.

Онъ вспомнилъ что баронесса, которую Онъ лично никогда не видалъ, безошибочно предсказала и гибель „великой арміи“ въ снѣгахъ Россіи, и постыдное бѣгство Наполеона, и торжественное вступленіе во Францію русскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Самого Императора.

Ему живо вспомнилось все это, и душой Его овладѣло упорное желаніе увидать эту необыкновенную женщину, и лично отъ нея услышать вдохновенныя указанія на дальнѣйшее будущее.

Но какъ это сдѣлать?.. Гдѣ искать ее?..

Императоръ Александръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ она находится, и изъ приближенныхъ къ Нему

лицъ никто не зналъ баронессу, и никогда не встрѣчался съ нею.

Императоръ самъ улыбнулся надъ несбыточностью своей фантазіи, когда въ дверь Его внезапно раздался довольно сильный стукъ, и на разрѣшеніе войти въ дверяхъ показался князь Волконскій.

Онъ казался сильно смущеннымъ и недовольнымъ, и, извинившись, что осмѣлился ослушаться Государя и потревожить Его покой, представилъ въ оправданіе своего поступка то, что во дворецъ явилась какая-то незнакомая женщина, которая требуетъ, чтобы объ ней было немедленно доложено Императору.

— Отвязаться отъ нея нѣтъ никакой возможности!.— нетерпѣливо добавилъ Волконскій. — Она ничего слышать не хочетъ!.. Утверждаетъ, что Ваше Величество не откажете ей въ немедленномъ пріемѣ?..

— Странно!.. — пожалъ плечами Государь. — Въ такой неурочный часъ... и такой настоятельный визитъ!..

— Я старался доказать ей то же самое... — отвѣчалъ Волконскій, — но, повторяю Вашему Величеству, что образумить ее совершенно невозможно!..

— Но имя свое она, по крайней мѣрѣ, сказала?..

— Сказала, Ваше Величество!.. Но мнѣ имя это совершенно неизвѣстно... Она назвалась баронессой Криднеръ или Крюднеръ, я не разслышалъ хорошенько!

— Баронесса Крюднеръ?..—воскликнулъ Государь, быстро поднимаясь съ постели.—Баронесса Крюднеръ?.. Да!.. Конечно!.. Я ее приму безотлагательно!.. Попросите ее ко Мнѣ черезъ пять минутъ... Время встать съ постели, и накинуть сюртукъ!..

Принятая немедленно Государемъ, баронесса Крюднеръ бесѣдовала съ Нимъ болѣе двухъ часовъ, и бесѣда эта неизгладимыми чертами запечатлѣлась и въ Его умѣ, и въ Его душѣ...

Она смѣлой рукой приподняла передъ Нимъ завѣсу прошлаго, и, показавъ Ему всѣ заблужденія тщеславія и суетной гордости которымъ Онъ предавался, съ строгимъ порицаніемъ отнеслась и къ настоящему Его настроенію, упорно доказывая Ему, что минутное пробужденіе совѣсти и вре-

менное раскаяніе, далеко не искупаютъ ни прошлыхъ ошибокъ, ни прошлыхъ заблужденій!

Это непостижимое появленіе баронессы Крюднеръ въ ту самую минуту, когда Онъ въ душѣ призывалъ ее, еще невѣдомую и незнакомую Ему,—глубоко потрясло впечатлительнаго Императора, и прощаясь съ нею, Онъ горько плакалъ... Онъ увѣровалъ и въ ея мистическую силу, и въ ея нравственное совершенство, и эта вѣра не оставила Его до конца Его дней!

Послѣднее слово міровой славы, было сказано...

Ореолъ побѣдителя сіялъ во всемъ своемъ блескѣ, а настроеніе Императора Александра дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе!.. Онъ все глубже уходилъ въ себя, и живя въ Царскомъ Селѣ вмѣстѣ съ Императрицей, не встрѣчался съ нею по цѣлымъ днямъ.

Онъ завтракалъ и обѣдалъ одинъ, и въ тѣ часы, которые Онъ посвящалъ своимъ одинокимъ прогулкамъ по аллеямъ парка, всѣ должны были избѣгать встрѣчи съ Нимъ, для того чтобы не потревожить Его, и не отвлечь Его отъ глубокихъ, сосредоточенныхъ думъ...

Императрица, съ своей стороны, гуляла съ фрейлиной Валуевой, почти не разстававшейся съ Ней.

Въ послѣднее лѣто, проведенное Императоромъ въ Царскомъ Селѣ, всѣ флигель-адъютанты Его помѣщались въ китайскихъ домикахъ, раскинутыхъ на пространствѣ 2—3 миль, и являвшихъ собою цѣлый китайскій городокъ.

1000 человѣкъ рабочихъ были ежедневно заняты тѣмъ, чтобы заметать слѣды конныхъ и пѣшихъ посѣтителей „маленькаго поселка мандариновъ“, какъ шутя называлъ Императоръ, оригинальное помѣщеніе своей свиты.

На большой площадкѣ ежедневно играла музыка... но Самъ Государь удалялся отъ всякаго призрака шумнаго веселья...

Онъ ужиналъ въ 10 часовъ, и тотчасъ же ложился спать...

Передъ Его окнами съ 9 до 10 часовъ вечера игралъ придворный оркестръ, причемъ выборъ пьесъ соотвѣтствовалъ мрачному настроенію Государя. Играли исключительно элегіи, ноктюрны написанные въ минорномъ тонѣ, и изрѣдка заунывныя русскія пѣсни, мелодіи которыхъ очень нравились Государю.

Съ этимъ временемъ совпадаетъ тяжелая потеря, понесенная Императоромъ Александромъ, въ лицѣ 16-ти лѣтней Софьи Дмитріевны Нарышкиной, которую Государь съ ранняго дѣтства любилъ горячо и безгранично.

Его дорогая „Соня“ почти выросла на Его рукахъ... Онъ слѣдилъ за ея умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, и съ живымъ чувствомъ видѣлъ ту искреннюю преданную любовь, которая связывала, сначала ребенка, а затѣмъ быстро развивавшуюся молодую дѣвушку, съ Императрицей Елисаветой Алексѣевной.

Привязанность Софьи Дмитріевны къ Императрицѣ, была безгранична... Она считала минуты до свиданія съ Нею и при встрѣчѣ бросалась на шею своей высокой покровительницѣ, которую не называла иначе, какъ нѣжнымъ именемъ матери.

Легкомысленная Марія Антоновна была слишкомъ занята своими личными дѣлами, для того чтобы заниматься дочерью, и Ея заботы о ней носили характеръ чего-то случайнаго, неглубокаго...

Ей некогда было слѣдить ни за умственнымъ развитіемъ дочери... ни за первыми проблесками ея молодой жизни! Она ни разу не заглянула въ сердце дочери...

Софья Дмитріевна росла одиноко, издали согрѣваемая лучами горячей привязанности Императора, и Императрицы Елизаветы.

Съ дѣтства горячо любила она своего сверстника и вѣрнаго друга князя Валеріана Голицына, сына извѣстнаго министра и наперстника Императора Александра, и между ними шутя состоялось неизмѣнное рѣшеніе, со временемъ соединиться узами брака.

Но бракъ этотъ не входилъ въ разсчеты Маріи Антоновны и она, воспользовалась отъѣздомъ молодого Голицына за границу чтобы приблизить къ дочери лично ею избраннаго жениха, графа Шувалова, сына одной изъ придворныхъ дамъ Императрицы.

Къ тому времени здоровье молодой Нарышкиной пошатнулось. Появились угрожающіе признаки грудной болѣзни и Марія Антоновна, не слушая совѣта докторовъ пользовав-

шихъ ея дочь, повезла ее въ Швейцарію, чѣмъ значительно усилила приступы болѣзни...

Молодой Шуваловъ послѣдовалъ за Нарышкиными за границу и возвратился изъ Швейцаріи одновременно съ ними.

Совмѣстное пребываніе за границей значительно сблизило ихъ.

Нарышкина, по возвращеніи изъ-за границы поселилась съ дочерью на своей дачѣ, по Петергофской дорогѣ.

Государь, сильно встревоженный недомоганіемъ своей любимицы, несмотря на дальнее разстояніе, очень часто посѣщалъ Нарышкиныхъ, и требовалъ, кромѣ того, чтобы пользовавшіе больную доктора, держали Его въ курсѣ ея болѣзни.

Софью Дмитріевну лечили лейбъ-медики Реманъ и Миллеръ и оба единодушно сходились во мнѣніи, что всѣ старанія должны быть сосредоточены на подкрѣпленіи силъ больной, и на борьбу съ ея постоянно развивавшейся грудной болью.

Въ это время Марія Антоновна услыхала отъ кого-то, что всемогущимъ средствомъ противъ всякой болѣзни, можетъ служить только входившій въ то время въ моду магнетизмъ, и порѣшила обратиться именно къ этому средству, тѣмъ болѣе, что магнетизеромъ явился все тотъ же неотразимый молодой женихъ, графъ Шуваловъ.

Бракъ между нимъ и Софіей Дмитріевной Нарышкиной, былъ рѣшенъ безповоротно... и Марія Антоновна охотно поручила ему леченіе больной.

Князь Голицынъ въ это время былъ въ отсутствіи и когда онъ, вернувшись въ Россію, въ первый разъ встрѣтился съ бывшей горячо любимой невѣстой своей, то онъ почти не узналъ ее.

Обезсиленная болѣзнью, худая и блѣдная, Софья Дмитріевна была тѣнью той юной красавицы, которую онъ помнилъ и зналъ.

А магнетическія пассы продолжались съ прежнимъ усердіемъ, и одновременно съ ними постепенно истощались силы больной.

Софью Дмитріевну, почти умиравшую, по настоянію матери, помолвили съ графомъ Шуваловымъ, и она едва вы-

несла утомительную церемонію обрученія. Сидя въ глубокихъ креслахъ, съ головой прислоненной къ цѣлой грудѣ подушекъ, молодая невѣста обмѣнялась обручальнымъ кольцомъ съ нареченнымъ женихомъ своимъ, и не имѣла силъ даже взглянуть на богатое приданое, выписанное для нея изъ Парижа и стоившее 400.000 франковъ.

Государь, издали слѣдя за быстро развивавшейся болѣзнью Своей любимицы, отдалъ приказъ, чтобы каждое утро и каждый вечеръ, особо назначенный для этого фельдъегерь доставлялъ Ему бюллетени о здоровьѣ Софьи Дмитріевны.

Мать ея, въ своемъ упрямомъ ослѣпленіи настаивала на немедленномъ замужествѣ дочери, слѣпо вѣря въ то, что всемогущей силой магнетизма, молодой мужъ возвратитъ ее къ жизни. Но этому воспротивились всѣ доктора, и бракъ молодой Нарышкиной былъ отложенъ до ея полнаго выздоровленія.

Выздоровленія этого дождаться не пришлось! Болѣзнь усиливалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и бюллетени, доставляемые Государю, оставляли все меньше и меньше надежды на благополучный исходъ болѣзни.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1824 года, Гвардейскій корпусъ выступилъ въ лагерь, и Государь въ слѣдъ за нимъ переѣхалъ изъ Царскаго въ Красное Село.

У Него въ это время болѣла нога, и Ему ежедневно дѣлались перевязки, подъ наблюденіемъ лейбъ-медика Вилліе.

Въ день, назначенный для перваго сборнаго ученія полковъ, въ 9 часовъ утра, прибывшій изъ Петербурга фельдегерь привезъ извѣстіе о кончинѣ молодой Нарышкиной.

Среди придворныхъ произошло смятеніе...

Никто не рѣшался первый сообщить Государю роковое извѣстіе!.. Всѣ знали какъ Онъ любилъ умершую, и какое удручающее впечатлѣніе ея смерть произведетъ на Него.

Тѣмъ временемъ, въ ожиданіи Императора, передъ дверьми Его кабинета собрался многочисленный генералитетъ.

Въ числѣ ожидавшихъ царскаго выхода находились баронетъ Вилліе и князь Волконскій, которому Вилліе успѣлъ сообщить, о привезенной фельдъегеремъ печальной вѣсти. Волконскій наотрѣзъ отказался объявлять Государю о кончинѣ молодой Нарышкиной.

— Возьмите это на себя!..—сказалъ онъ Виллiе.—Вы докторъ... Для васъ яснѣе, что можетъ и чего не можетъ вынести Государь!

Виллiе долго отговаривался, но наконецъ согласился.

Въ эту минуту въ кабинетъ Государя былъ позванъ медикъ Тарасовъ для перевязки ноги.

Въ слѣдъ за нимъ вошли безъ доклада Волконскiй и Виллiе. Оба были смущены...

Въ первую минуту Государь не замѣтилъ этого.

Тарасовъ наскоро сдѣлалъ перевязку, и Виллiе, нагнувшись надъ больной ногою, замѣтилъ что онъ доволенъ состояніемъ затягивающейся раны.

Послѣ этихъ словъ Тарасовъ оставилъ комнату, и съ Государемъ остались только Волконскiй и Виллiе.

Волконскiй продолжалъ молча стоять у двери... Государь, встревоженный этимъ напряженнымъ молчаніемъ, взглянулъ на Волконскаго и тихо, почти робко спросилъ:

— Что новаго?.. Пріѣхалъ фельдъегерь?.. Да?..

Волконскiй. продолжалъ упорно молчать...

Государь дрогнувшимъ голосомъ повторилъ свой вопросъ, по-англiйски...

Виллiе приблизился къ Нему, какъ бы желая сообщить Ему что-то...

Александръ поблѣднѣлъ и дрожащимъ отъ волненiя голосомъ произнесъ:

— Да говорите же!.. Говорите!!..

Виллiе, опустивъ голову и не глядя на Императора, сказалъ:

— Все кончено!.. Ея ужъ нѣтъ!..

Императоръ не проронилъ ни слова.

Онъ взглянулъ на образъ, и изъ глазъ Его хлынулъ такой потокъ слезъ, что вся грудь Его рубашки была ими смочена.

Прошла минута тяжкаго, мучительнаго страданiя...

Государь овладѣлъ собой и, къ удивленiю Волконскаго и Виллiе, не только не отмѣнилъ обычнаго пріема и назначеннаго ученья, но вышелъ въ пріемную залу совершенно твердымъ и спокойнымъ шагомъ, привѣтливо поздоровался со всѣми присутствующими, многихъ удостоилъ особымъ

разговоромъ и, ровнымъ, нѣсколько ускореннымъ шагомъ пройдя пріемную, вышелъ на крыльце, и сѣлъ на подведенную Ему верховую лошадь...

Ученье прошло обычнымъ порядкомъ... и никто изъ окружавшихъ Императора въ это утро, не могъ бы даже заподозрить какой тяжкій ударъ нанесенъ былъ Его сердцу.

Тотчасъ по окончаніи полковаго ученія, Императоръ, быстро переодѣвшись, сѣлъ въ коляску запряженную четверкой по загородному, и во весь карьеръ помчался на дачу Нарышкиной. О непомѣрной быстротѣ ѣзды можно составить себѣ понятіе изъ того, что вернулся Императоръ, въ 5 часовъ, уже на парѣ лошадей. Двѣ изъ нихъ пали дорогой.

Горе Императора, заставшаго свою любимицу уже на столѣ, въ бѣломъ вѣнчальномъ платьѣ и въ фатѣ, приготовленной для вѣнца и замѣнившей погребальный саванъ,—не поддается описанію.

Онъ выславъ всѣхъ изъ комнаты, опустился на колѣни передъ покойницей, и долго и горячо молился...

Вставъ, Онъ отрѣзалъ локонъ ея волосъ, перекрестилъ ее и, крѣпко прижавшись губами къ ея уже холодному лбу, почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ дома.

Онъ отправился прямо въ Петербургъ и оттуда въ тотъ же день выѣхалъ въ Грузино, къ Аракчееву.

Императрица Елисавета, выѣхавшая къ Нему на встрѣчу изъ Царскаго Села, ни слова не сказала Ему о поразившей Его кончинѣ. Она сама страдала сильно, и Государь съ любовью и благодарностью подмѣтилъ на Ея лицѣ слѣды пролитыхъ слезъ.

Императрица опустошила всѣ оранжереи, чтобы осыпать цвѣтами и убрать роскошными гирляндами гробъ молодой Нарышкиной и съ благодарностью приняла отъ Императора, послѣ погребенія ихъ общей любимицы, широкое золотое кольцо, съ вложенными въ него волосами покойной.

Такія же кольца Императоръ раздавалъ многимъ изъ своихъ приближенныхъ, а одно изъ нихъ, всегда бывшее у него на рукѣ, было опущено съ Нимъ въ гробъ.

Самъ Императоръ не вернулся въ Петербургъ ко дню погребенія, и не провожалъ дорогую покойницу на ея по-

слѣднее новоселье, но эту горькую обязанность исполнили за Него всѣ обыватели Петербурга.

За гробомъ молодой Нарышкиной шелъ положительно весь городъ, отъ мала до велика, и посмертный почетъ оказанный ей, былъ почти равенъ царскому почету.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Императоръ тотчасъ же посѣтилъ могилу Софьи Нарышкиной въ Сергіевской Пустыни подъ Петербургомъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея кончины, воздвигъ надъ ея могилой, роскошный памятникъ.

Впервые опустившись на колѣни передъ могильнымъ холмомъ той, которую всѣ считали Его родной, горячо любимой дочерью, Императоръ съ глубокимъ вздохомъ произнесъ:

— Вотъ наказаніе за всѣ мои заблужденія!..

Съ момента кончины молодой Нарышкиной, никто уже не видалъ веселой улыбки на лицѣ Императора Александра.

Онъ молча переносилъ свои страданія, никогда не произносилъ имени покойной, но эта молчаливая тоска еще больнѣе ложилась на Его душу.

Когда Онъ вернулся изъ поѣздки на военныя поселенія, жена одного изъ его генераловъ, графиня Ожаровская, спросила Его, какъ онъ себя чувствуетъ?

— Благодарю васъ, графиня!..—отвѣтилъ Императоръ.

— Я чувствую себя совершенно бодрымъ и здоровымъ... Но нравственно Я сильно страдаю, тѣмъ болѣе, что ни передъ кѣмъ не могу излить свое горе!

Сказавъ это, Императоръ прослезился и поспѣшно ушелъ, чтобы скрыть свои слезы.

Но и относительно физическаго здоровья своего Онъ горько ошибался. Его силы были надорваны, и ангелъ смерти уже виталъ надъ Нимъ!

Сильно подѣйствовало на Императора и то страшное бѣдствіе, которое разразилось надъ Петербургомъ въ ноябрѣ 1824 года, когда столицу постигло наводненіе, небывалое съ памятнаго всѣмъ 1777 года.

Съ вечера 6-го ноября поднялся порывистый вѣтеръ, дувшій съ моря, который вмѣстѣ съ проливнымъ дождемъ и бурей налетѣлъ на перепуганную столицу.

Вѣтромъ ломало деревья въ садахъ, сносило крыши съ домовъ, разносило по воздуху сорванныя вывѣски... Вода выступила изъ береговъ... Мимо дворца и вдоль по всей площади неслись обломки зданій и заборовъ, развалины домовъ, мебель, экипажи, бурей вырванные изъ жилыхъ помѣщеній!..

Не пощажены были и кладбища, и нагробные памятники вмѣстѣ съ вырытыми изъ земли гробами, неслись по поверхности образовавшагося бурнаго моря...

Императоръ, сильно встревоженный, вышелъ на балконъ Зимняго Дворца, и съ ужасомъ смотрѣлъ на все окружавшее...

Въ эту минуту Онъ увидалъ вдали что-то стремительно несшееся по волнамъ, прямо къ подъѣзду дворца.

Онъ сталъ пристально вглядываться и увидалъ, что плывутъ рядомъ, большой черный гробъ и крошечная дѣтская колыбель, изъ которой, какъ бы моля о спасеніи, протягиваются двѣ крошечныя ручки...

— Ребенка!.. Спасите ребенка!!.—внѣ себя отъ ужаса крикнулъ Государь, пораженный этимъ страшнымъ сближеніемъ жизни и смерти!..

Эта страшная картина, по Его собственному сознанію, никогда не могла исчезнуть изъ Его воображенія.

Разореніе, внесенное страшнымъ бѣдствіемъ въ столичное населеніе, не поддается ни подсчету, ни описанію!

Разорены же были поголовно всѣ, кого коснулось роковое бѣдствіе...

Вода держалась сравнительно долго, и 15 ноября только, въ столичныхъ церквахъ были отслужены благодарственные молебны за избавленіе отъ грозной опасности.

Нервы Императора были окончательно расшатаны!..

Онъ съ каждымъ днемъ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе, и когда, въ разгарѣ страшнаго наводненія, Онъ на катерѣ поплылъ къ погибавшимъ и услышалъ среди нихъ возгласы: „Это все за грѣхи наши караетъ насъ Господь“!.. то Онъ, опустивъ голову на грудь, громко произнесъ:

— Нѣтъ!.. Это за мои грѣхи... постигла насъ Божья кара!!..

Императрица Елисавета Алексѣевна, широко помогала всѣмъ обращавшимся къ ней за помощью, и являлась истиннымъ ангеломъ утѣшителямъ для всѣхъ страждущихъ...

Наступилъ 1825 годъ... Здоровье Императрицы внушало все болѣе и болѣе серьезныя опасенія, и по совѣту докторовъ Ее пользовавшихъ, необходимо было пребываніе Ея въ другомъ, болѣе благопріятномъ климатѣ.

Государь горячо занялся этимъ вопросомъ, но въ это время назначенъ былъ срочный сеймъ въ Варшавѣ, откуда Государь проѣхалъ сначала въ Калишъ и Ковно, а оттуда по бѣлорусскому тракту въ Ригу и Ревель, и въ половинѣ іюля только вернулся въ Петербургъ. Эта поѣздка Императора въ Западный и Прибалтійскій край, была послѣдней въ Его жизни.

Онъ нашелъ Императрицу Елисавету Алексѣевну сильно ослабѣвшей, и немедленно приказалъ готовиться къ отъѣзду. Оставалось только выбрать мѣсто пребыванія для августѣйшей больной.

Сначала рѣчь шла объ Италіи, но Императрица и слышать не хотѣла о такой дальней, и разорительной поѣздкѣ.

— Мѣсто Русской Императрицы въ Россіи!.. — твердо и неуклонно отвѣчала Она на всѣ домогательства медиковъ.— Здѣсь Я должна жить и умереть!..

Этимъ окончились всѣ толки о заграничной поѣздкѣ, и приступлено было къ выбору благопріятной мѣстности въ нѣдрахъ Россіи.

На общемъ консиліумѣ всѣхъ медицинскихъ знаменитостей того времени рѣшено было, что августѣйшая больная можетъ поправиться всюду, за исключеніемъ одного только Петербурга. Императрица Марія Ѳеодоровна, поддерживаемая лейбъ-медиками Рюлемъ и Штофрегеномъ, стояла за Крымъ, а Императоръ Александръ остановилъ свой выборъ на Таганрогѣ, расположенномъ на берегу Азовскаго моря, и мнѣніе Его поддерживалъ лейбъ-медикъ Виллié.

Рѣшеніе это было санкціонировано самой августѣйшей больной, и Императоръ, въ то время всей душой вернувшійся къ своей супругѣ, и окружавшій Ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ, объявилъ что Онъ самъ поѣдетъ впередъ, чтобы все приготовить къ прибытію Императрицы.

Отъѣздъ Императора назначенъ былъ на 1-е сентября съ тѣмъ разсчетомъ, что черезъ 14 дней, въ день Воздвиженія Креста, Онъ располагалъ прибыть въ Таганрогъ.

Пріѣздъ туда Императрицы предполагался недѣлей позднѣе.

Съ той минуты, какъ рѣшена была эта поѣздка, послѣдняя въ жизни Государя, Его не оставляло мрачное настроеніе, въ которомъ замѣтно было какъ бы тайное предчувствіе чего-то тяжелаго.

Когда камердинеръ Его, укладывая въ чемоданъ Его вещи, спросилъ, сколько надо брать съ собой бѣлья и платья, и на долго-ли уѣзжаетъ Государь, — Онъ, указавъ рукой на небо, отвѣтилъ:

— Вотъ Кто одинъ это знаетъ!..

Наканунѣ отъѣзда Онъ посѣтилъ въ Павловскѣ вдовствующую Императрицу, и съ грустью обошелъ съ ней вмѣстѣ опустѣвшія аллеи парка, и поблекнувшіе цвѣтники.

— Какъ здѣсь когда-то весело и хорошо жилось!..— грустно произнесъ Онъ.

При отъѣздѣ съ Каменнаго Острова въ Царское Село, Государь, проѣзжая черезъ Троицкій мостъ, приказалъ кучеру своему, извѣстному Ильѣ Байкову, остановиться, и привставъ въ колескѣ, набожно перекрестился на главы Петропавловскаго собора и низко наклонилъ голову, какъ бы посылая родной святынѣ, свой прощальный привѣтъ.

Затѣмъ, Онъ отправился прямо въ Казанскій соборъ и тамъ долго и усердно молился.

Онъ видимо казался чѣмъ-то сильно удрученнымъ, и трудно рѣшить, была-ли это невольная грусть разлуки съ горячо любимой столицей, или смутное предчувствіе того, что Онъ Петербурга больше не увидитъ?

1-го сентября Императоръ всталъ въ четвертомъ часу утра, и въ половинѣ пятаго Его коляска, запряженная парой лошадей, остановилась у воротъ Невской Лавры.

Предупрежденная о Его посѣщеніи, вся братія Лавры вышла къ Нему навстрѣчу, съ митрополитомъ Серафимомъ во главѣ. Императоръ въ шинели, фуражкѣ и военномъ сюртукѣ, безъ шпаги, поспѣшно вышелъ изъ коляски, и

приложившись ко кресту и принявъ благословеніе митрополита, направился прямо въ соборный храмъ Лавры, приказавъ запереть за собой монастырскія ворота.

Войдя въ соборъ, Императоръ опустился на колѣни передъ ракой Св. Александра Невскаго, и простоялъ на колѣняхъ въ теченіе всего молебна.

Полумракъ ранняго осенняго утра... длинныя тѣни монашескихъ рясъ, неподвижно сгруппировавшихся въ громадномъ полутемномъ храмѣ... тихій унылый напѣвъ поднимавшійся къ высокому куполу, вмѣстѣ съ густыми волнами кадильнаго дыма... все это представляло собой захватывающую, до ужаса мрачную картину, отъ которой вѣяло смертью...

Еще мрачнѣе было впечатлѣніе, ожидавшее Императора впереди.

Давно уже зная о томъ что въ Невской Лаврѣ спасается схимникъ, не сообщавшійся почти ни съ кѣмъ изъ монастырской братіи, Императоръ пожелалъ пройти въ его келью, и былъ пораженъ ея аскетическимъ характеромъ и видомъ чернаго досчатаго гроба, служившаго схимнику постелью. Государь смиренно и осторожно вошелъ въ тѣсную келью отшельника, и пробылъ въ бесѣдѣ съ нимъ около двухъ часовъ.

Что услыхалъ Онъ отъ прозорливаго старца въ эти часы серьезной бесѣды?.. Тайны-ли грядущаго открывалъ онъ передъ Императоромъ, или укорялъ Его за прошлыя заблужденія?.. Этого никто не узналъ!..

Извѣстно только, что Государь вышелъ отъ него блѣдный и сильно взволнованный.

Покидая Лавру и прощаясь съ братіей, Императоръ распорядился, чтобы въ обитель сдѣлано было пожертвованіе, состоявшее изъ восковыхъ свѣчей, деревяннаго масла и ладана...

Такое необычайное приношеніе тогда же возбудило тревожные толки...

Все это носило какой-то мрачный характеръ, и свидѣтельствовало о тяжеломъ предчувствіи, тяготѣвшемъ на душѣ Государя.

Въ тотъ же день, 1-го сентября, Императоръ Александръ

выѣхалъ изъ столицы и, проѣхавъ тріумфальныя ворота, всталъ въ колясклѣ во весь ростъ, снялъ шляпу, перекрестился и низко поклонился уходившимъ изъ глазъ Его, зданіямъ покидаемаго города.

Это нѣмое прощаніе поразило всѣхъ кто былъ его свидѣтелемъ, и знаменитый царскій кучеръ Илья разсказывалъ потомъ, что оглянувшись и увидавъ Государя, посылавшаго прощальный взглядъ своей столицѣ, у него упало сердце...

По прибытіи въ Таганрогъ, Императоръ прямо проѣхалъ въ церковь Греческаго Іерусалимскаго монастыря, и, отслуживъ тамъ молебенъ, проѣхалъ въ домъ, приготовленный для пребыванія державныхъ гостей. Помѣщеніе приготовленное для Императора и Императрицы, не отличалось ни богатствомъ, ни даже особымъ комфортомъ, но какъ Императоръ Александръ, такъ равно и державная супруга Его, отличались особой простотой и непритязательностью, и всегда укладывали личную свою жизнь, въ самыя тѣсныя и скромныя рамки.

Временный дворецъ былъ одноэтажный каменный домъ, съ подвальнымъ помѣщеніемъ для прислуги.

Императрицѣ въ немъ отведено было восемь маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ предназначались для фрейлинъ. На долю Государя оставалось всего только двѣ комнаты, изъ которыхъ одна предназначена была исполнять должность и кабинета и спальни, а другая, совсѣмъ маленькая, съ окномъ, выходившимъ во дворъ, служила уборной и туалетной комнатой.

Вообще обстановка была болѣе нежели скромная, но Императоръ ею довольствовался, и въ письмѣ къ Аракчееву, написанномъ вскорѣ по прибытіи въ Таганрогъ, Онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу приготовленнаго Ему помѣщенія.

Императрица прибыла въ Таганрогъ недѣлей позже Государя, и была встрѣчена Имъ съ вниманіемъ и нѣжностью, отъ которыхъ Она успѣла отвыкнуть за долгіе годы своей супружеской жизни.

Императоръ былъ къ Ней необыкновенно внимателенъ, старался предупредить каждое Ея желаніе, сопровождалъ Ее во всѣхъ Ея прогулкахъ, и лица, приближенныя къ Цар-

ственной четѣ, обрадованныя такой перемѣной, иначе не называли Императора Александра и Его супругу, какъ „наши молодые“.

Но несмотря на наружное спокойствіе и даже относительное веселье, одушевлявшее Императора, душа Его была омрачена плохо скрываемыми подозрѣніями...

Онъ зналъ о враждебномъ настроеніи, такъ незаслуженно Его окружавшемъ, и склоненъ былъ видѣть злой умыселъ и заговоръ даже тамъ, гдѣ въ сущности ихъ не было.

Такъ въ первые дни своего пребыванія въ Таганрогѣ, Онъ создалъ чуть не уголовное дѣло изъ небольшаго камушка, оказавшагося запеченнымъ въ поданномъ Ему хлѣбѣ. Опечатана была булочная, арестованы были пекари и мастера, и дѣлу приданъ былъ такой серьезный оборотъ, что разслѣдованіе его поручено было не Волконскому, а Дибичу.

Дѣло однако, окончилось ничѣмъ, и на повѣрку оказалось просто, что по недосмотру рабочихъ въ муку нечаянно попалъ крошечный камушекъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Таганрогъ, Императоръ получилъ отъ Аракчеева изъ Грузина письмо, въ которомъ временщикъ, полный ужаса и негодованія, сообщалъ Ему о насильственной смерти своей фаворитки, извѣстной Настасьи Минкиной, зарѣзанной поваромъ Аракчеева.

Императора сильно взволновало это извѣстіе, тѣмъ болѣе, что Аракчеевъ придалъ ему политическій характеръ, и старался убѣдить Государя, что убійство Настасьи Минкиной было дѣломъ партіи заговорщиковъ, стремившихся къ ниспроверженію верховной власти.

Повѣрилъ ли Императоръ такому толкованію или нѣтъ, сказать трудно, но слова Аракчеева совпали съ тѣми подозрѣніями, которыя и такъ уже тревожили Его, и усугубили то мрачное настроеніе, изъ-подъ гнета котораго Императоръ не могъ выйти съ первой минуты своего пріѣзда въ Таганрогъ.

Мрачному настроенію Его поспособствовалъ еще случай, въ сущности пустой и незначительный, по которому Императоръ, вообще мнительный и суевѣрный, придалъ исключительное значеніе.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ М. С. Воронцовъ, упорно приглашалъ Государя посѣтить Крымъ.

Государь согласился, и на 20 октября назначенъ былъ отъѣздъ. Все путешествіе разсчитано было на семнадцать дней, и это въ сущности была скорѣе увеселительная прогулка, нежели путешествіе.

Наканунѣ этого дня, утромъ, когда Императоръ, сидя передъ письменнымъ столомъ занимался дѣлами, надъ городомъ внезапно нависла такая громадная туча, что на улицахъ сдѣлалось темно какъ ночью, и во всѣхъ домахъ зажженъ былъ огонь. Камердинеръ Государя, Анисимовъ, внесъ свѣчи и въ Его кабинетъ.

Государь продолжалъ свои занятія, и углубившись въ нихъ, почти не замѣтилъ, какъ небо прояснилось, и миновала всякая надобность въ несвоевременномъ освѣщеніи.

Анисимовъ вошелъ и унесъ свѣчи.

— Что ты дѣлаешь?..—спросилъ Императоръ, поднимая голову.—Зачѣмъ ты уносишь свѣчи?..

— Помилуйте, Ваше Величество!.. Вѣдь совершенно прояснилось!..—отвѣтилъ Анисимовъ.—А зажженныя свѣчи днемъ, считаются на Руси дурной примѣтой. Могутъ подумать, что въ домѣ лежитъ покойникъ!

Эти слова поразили Государя, но Онъ не показалъ вида, и послѣ минутнаго молчанія, сказалъ:

— Ты правъ!.. И Я такъ думаю... Унеси свѣчи!..

Въ самый день возвращенія своего въ Таганрогъ, 6-го ноября, за тринадцать дней до своей неожиданной кончины, Императоръ, ложась въ постель, и охваченный сильнымъ ознобомъ, сказалъ, обращаясь къ камердинеру Анисимову:

— Я помню эти свѣчи, зажженныя у Меня въ кабинетѣ, передъ отъѣздомъ! Онѣ у меня изъ головы не идутъ!..

Существуетъ также, въ оффиціальныхъ запискахъ того времени, описаніе двухъ яркихъ звѣздъ, внезапно появившихся надъ дворцомъ, занимаемымъ Императоромъ и Императрицей, въ Таганрогѣ. Звѣзды эти обратили на себя вниманіе всего города. Всѣ видѣли, какъ онѣ, сначала появившись далеко одна отъ другой, затѣмъ стали постепенно сближаться, и, слившись вмѣстѣ, угасли почти мгновенно...

Падкіе до чудеснаго, обыватели Таганрога объясняли это явленіе тѣмъ, что Императоръ и Императрица, нѣкоторое время стоявшіе далеко другъ отъ друга, сблизятся передъ кончиной одного изъ нихъ...

Предсказаніе это сбылось шире и полнѣе!.. Скончались оба!..

Первые приступы той лихорадки, которая свела Императора Александра въ могилу, Онъ почувствовалъ 2-го Ноября въ Перекопѣ, гдѣ Онъ подробно осматривалъ госпиталь, переполненный въ ту минуту больными, страдавшими мѣстной крымской лихорадкой.

Окружающіе замѣтили Государю, что такое долгое пребываніе среди больныхъ можетъ оказаться вреднымъ для Него.

Ему говорили, что южная лихорадка исключительно прилипчива, но Онъ не хотѣлъ ничего слушать, и сильно утомленный, не давъ себѣ времени отдохнуть, отправился дальше въ Маріуполь, спѣша поспѣть обратно въ Таганрогъ къ 5-му числу, какъ Онъ обѣщалъ Императрицѣ.

Въ Маріуполѣ болѣзнь усилилась, и встревоженный Вилліе предлагалъ остановиться, но Государь ничего не хотѣлъ слушать.

Онъ зналъ, что Императрица ждетъ Его, и не хотѣлъ доставить Ей ни одной минуты тревоги.

Въ Таганрогъ Онъ прибылъ 5-го числа въ 6 часовъ вечера, въ крытой коляскѣ, закутанный теплой шинелью и закрытый сверху медвѣжьей полостью.

Несмотря на сильное недомоганіе, Императоръ, не желая пугать супругу, старался превозмочь болѣзнь, и на настоятельные вопросы Ея о здоровьѣ отвѣчалъ, что чувствуетъ только легкіе приступы лихорадки.

Въ первые дни доктора не предвидѣли ничего дурнаго, и ежели бы не упорство Императора, отвергавшаго всякое леченіе, то легко быть можетъ, что послѣдовало бы полное выздоровленіе. Но Государь не только не соглашался слѣдовать совѣтамъ медиковъ, но на настоятельныя предложенія Вилліе, Штофрегена и Тарасова отвѣчалъ громкими окриками, и въ отвѣтъ на настояніе Вилліе, подносившаго Ему ложку микстуры, крикнулъ ему по-французски:

— Убирайтесь вонъ!.. Allez vous en!

Замѣтивъ на глазахъ лейбъ-медика слезы, Государь тотчасъ же измѣнилъ тонъ и ласково произнесъ:

— Подойдите, мой милый другъ!.. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на Меня?.. У Меня есть свои причины!..

Углубиться въ суть этихъ „причинъ“ было трудно... но нельзя было не замѣтить, что въ умѣ Государя упорно вставало какое-то подозрѣніе, противъ всего Его окружавшаго. Даже въ тѣхъ несложныхъ блюдахъ, какія разрѣшались Ему докторами, Императоръ нерѣдко находилъ особый, подозрительный вкусъ, и давалъ окружающимъ пробовать, настоятельно повторяя:

— Тутъ есть что-то особенное!.. Прослѣдите сами хорошенько!.. Тутъ что-то примѣшано!..

Самую болѣзнь свою Онъ приписывалъ тому, что выпилъ стаканъ барбариснаго сиропа, поданный Ему однимъ изъ Его камердинеровъ.

Болѣзнь шла съ угрожающими симптомами, и 14 сентября Императрица, предупрежденная лейбъ-медиками о томъ что наступаетъ серьезная опасность, рѣшилась предложить Императору причаститься Св. Таинъ.

Государь, пристально взглянувъ на Нее, спросилъ:

— Развѣ Я такъ плохъ?..

Императрица поспѣшила успокоить Его увѣреніями, что предлагаетъ Ему это утѣшительное и спасительное лекарство, какъ средство облегченія... Государь, внимательно выслушавъ Ее, сказалъ:

— Да... Вы правы!.. Благодарю васъ!.. Пригласите священника!

15 ноября въ состояніи больнаго произошло такое сильное ухудшеніе, что Вилліе счелъ нужнымъ предупредить Его, объ угрожающей Ему опасности.

Императоръ выслушалъ его спокойно, и приказалъ попросить къ Нему духовника.

По немедленному вызову Императрицы, явился священникъ мѣстной соборной церкви, Алексѣй Федотовъ, и Государь, удаливъ всѣхъ присутствующихъ, приступилъ къ таинству исповѣди.

Онъ бесѣдовалъ съ духовникомъ долго, благоговѣйно приступилъ къ Таинству Причащенія, и съ просвѣтленнымъ лицомъ принялъ поздравленія всѣхъ окружавшихъ.

Священникъ съ своей стороны, приблизившись къ Нему для принесенія поздравленія, съ крестомъ въ рукахъ опустился на колѣни передъ Его кроватью и, колѣнопреклоненный, обратился къ Нему съ просьбой не противиться леченію, принимать неукоснительно всѣ приготовленныя для Него лекарства и разрѣшить поставить Ему за уши піявки.

Государь сказалъ: „Встаньте!..“ приложился къ кресту, и съ свѣтлой, радостной улыбкой сказалъ:

— Я никогда не испытывалъ такого полнаго чувства довольства и успокоенія!.. Благодарю васъ!..

Затѣмъ, обратившись къ докторамъ, Онъ съ кроткой улыбкой произнесъ:—Теперь вашъ чередъ!.. Распоряжайтесь, какъ знаете! Я ни противъ чего спорить не буду!..

Обрадованные этимъ разрѣшеніемъ, врачи немедленно приступили къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ.

За уши Императору поставлено было тридцать пять піявокъ, крови вышло много... но... было уже поздно!.. Средствъ къ спасенію не оставалось никакихъ.

Жаръ не уменьшался... Больной впадалъ въ постоянное забытье... и только по временамъ, открывая глаза, оглядывался кругомъ, и какъ будто во что-то вдумываясь, старался узнать окружающихъ.

Неизмѣнно Онъ узнавалъ только Императрицу, и каждый разъ, увидавъ Ее подлѣ Себя, подносилъ Ея руку къ губамъ, и затѣмъ прикладывалъ ее къ своему сердцу...

Императрица страдала невыразимо, но старалась побѣдить свое горе и казаться спокойной, и по возможности даже веселой. Она не хотѣла пугать и тревожить больного... и, не чувствуя въ себѣ силъ говорить, крѣпкимъ пожатіемъ руки отвѣчала на ласковый привѣтъ умирающаго.

17-го ноября наступило замѣтное ухудшеніе... Больной уже не могъ проглотить даже подаваемое ему питье.

Къ утру 18-го опасность обострилась, вся ночь проведена была безъ сна... и къ утру сознаніе совершенно оставило Императора...

Такъ прошло время до 10 часовъ утра 19-го числа, когда дыханіе стало постепенно ослабѣвать, и пульсъ сдѣлался почти неощутимъ...

Императрица все время сидѣла у постели больнаго, и лѣвой рукой своей держала Его за правую руку...

Онъ лежалъ съ полуоткрытыми глазами, но дышалъ все рѣже и тише... и въ 10 часовъ 50 минутъ изъ груди Его вылетѣлъ послѣдній вздохъ!

Императрица сама закрыла Ему глаза, подвязала платкомъ подбородокъ, чтобы удержать челюсть, и затѣмъ перекрестивъ дорогого покойника и поклонившись Ему до земли, прошла на свою половину.

О кончинѣ Императора Александра I, составленъ былъ въ тотъ же день оффиціальный актъ, подписанный княземъ Волконскимъ, барономъ Дибичемъ и лейбъ-медиками Вилліе и Штофрегеномъ.

20 ноября происходило бальзамированіе тѣла скончавшагося Императора, при чемъ мозгъ, сердце и внутренности вложены были въ большой серебряный сосудъ, и заперты замкомъ.

Императрица въ самый день кончины августѣйшаго супруга своего, переѣхала не на долго въ домъ Шихматова, и благодаря этому во дворцѣ царила полная анархія.

Безпорядокъ дошелъ до того, что при бальзамированіи нельзя было добиться ни чистыхъ простынь, ни чистыхъ полотенецъ.

Всѣ разбѣжались, и на лицо не было даже камердинеровъ почившаго Государя...

Въ запискахъ одного изъ очевидцевъ этого непростительнаго отношенія къ бреннымъ останкамъ скончавшагося Монарха, сохранились почти невѣроятныя подробности горькихъ минутъ, непосредственно послѣдовавшихъ за Его кончиной.

Авторъ записокъ, г. Шепингъ, служившій по квартирмейстерской части, командированъ былъ для присутствованія при бальзамированіи тѣла Императора Александра, за полнымъ отсутствіемъ лицъ свиты, словно разбѣжавшихся отъ печальнаго зрѣлища.

Кромѣ девяти лицъ, по обязанности службы присутствовавшихъ при вскрытіи и бальзамированіи тѣла, не было никого, и все совершалось такъ небрежно, какъ не моглобы совершаться, ежели бы на мѣстѣ почившаго Императора, былъ любой изъ его дежурныхъ генераловъ.

— Когда я вошелъ въ кабинетъ,—говоритъ Шепингъ,— я нашелъ Императора уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то разваренными въ спиртѣ травами. Доббертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кострюлѣ въ каминѣ, эти травы.

Не было не только бѣлья и простынь, какъ сказано выше, не было даже простыхъ полотенецъ, и Шепингъ, возмущенный до глубины души всѣмъ видѣннымъ, тутъ же ночью отправился къ Волконскому, и доложилъ ему обо всемъ.

Немедленно командированъ былъ фельдъегерь за камердинерами, которые только спустя четверть часа, явились и принесли нужное бѣлье.

По окончаніи бальзамированія, тѣло Государя одѣли въ генеральскій мундиръ, со звѣздою и орденами въ петлицѣ, на руки надѣли бѣлыя перчатки, и положили Его на желѣзную кровать, на которой Онъ скончался, покрывъ все тѣло кисеей.

Въ ногахъ поставленъ былъ аналой съ Евангеліемъ, которое читали священники поочередно, смѣняясь каждые два часа.

Дежурство было на-скоро сформировано изъ нѣсколькихъ бывшихъ налицо казацкихъ офицеровъ, и прикомандированныхъ къ нимъ четырехъ офицеровъ квартирмейской команды.

Всего этого было не въ мѣру мало... и все это было совершенно не согласно съ величіемъ охраняемаго этимъ дежурствомъ покойника,—но приходилось довольствоваться тѣмъ, что оказалось налицо!..

Кромѣ того, при тѣлѣ всегда находился одинъ изъ камердинеровъ и одинъ изъ фельдшеровъ, которые ежечасно смачивали лицо покойника губкой, напитанной спиртомъ.

Бальзамированіе было произведено не особенно удачно. И спирту, по словамъ производившихъ операцію докторовъ, было слишкомъ мало... да и умѣнья очевидно было не особенно много!..

Въ комнатѣ постоянно было не меньше 18 градусовъ тепла, и на второй день лицо усопшаго Императора начало чернѣть...

Тогда рѣшено было заморозить тѣло, и помимо корыта со льдомъ, поставленнаго подъ кроватью, всѣ окна и двери дома были отворены настежъ и температура доведена была до 10 градусовъ.

20-го числа въ залѣ поставленъ былъ тронъ, вся комната обита была чернымъ сукномъ. На Государя надѣли порфиру и положили Его въ гробъ, надѣвъ на Его голову золотую корону.

Подъѣхало съ Дону нѣсколько офицеровъ, оповѣщенныхъ о горькомъ событіи, и дежурство могло уже быть установлено съ бо́льшимъ порядкомъ.

Панихиды служились два раза въ день, и по окончаніи каждой панихиды, изъ залы выводился караулъ, и оставались, кромѣ священника, только два дежурныхъ казака, которымъ отданъ былъ приказъ стоять въ это время, не поднимая глазъ.

Строго исполняя этотъ приказъ, они тѣмъ не менѣе почти невольно видѣли, что въ это время въ комнату входила Императрица, одна безъ поддержки поднималась на катафалкъ, горячо молилась, и нѣжно цѣловала лицо и руки усопшаго. Это продолжалось обыкновенно минутъ десять, послѣ чего Она также неслышно удалялась, и Волконскій снова вводилъ въ залу временно удаленное изъ нея дежурство.

Въ Таганрогѣ тѣмъ временемъ царствовало неописуемое уныніе.

Всѣ дни передъ кончиной Императора, народъ, узнавшій о Его опасной болѣзни, унылой и молчаливой, хотя и несмѣтной толпой, собирался на площади передъ дворцомъ, и робко прислушивался къ движенію въ томъ заповѣдномъ скромномъ домикѣ, гдѣ угасала жизнь, равно близкая и дорогая всѣмъ русскимъ.

Извѣстіе о кончинѣ Государя, быстро разнесшееся по городу, поразило всѣхъ своей неожиданностью... Всѣ такъ недавно еще видѣли Царя здоровымъ и веселымъ... и никто не хотѣлъ вѣрить, что Его уже нѣтъ въ живыхъ!..

Поражало всѣхъ и то сравнительное небрежное отношеніе къ священному праху, которое не могло укрыться отъ самыхъ равнодушныхъ, самыхъ далекихъ взоровъ...

Всѣ понимали, что не такъ слѣдовало относиться къ праху скончавшагося, самодержавнаго русскаго Императора!..

Въ воздухѣ стояло и чувствовалось что-то натянутое, не нормальное...

Издали надвигалось что-то грозное и въ то же время неопредѣленное...

Въ Варшаву съ курьерами летѣли донесенія, адресованныя Императору Константину...

Шепотомъ другъ другу передавались вѣсти о какомъ-то отреченіи, сущность и смыслъ котораго далеко не всѣмъ были понятны!..

Бумаги скончавшагося Императора были опечатаны немедленно послѣ Его кончины, а на ящики Его личнаго письменнаго стола, печати наложены были еще раньше, нежели Государь испустилъ духъ...

Замѣчательно, что въ числѣ бумагъ, привезенныхъ Императоромъ съ собою изъ Петербурга и спеціально Имъ самимъ упакованныхъ, находился полный церемоніалъ погребенія Императрицы Екатерины II, послужившій первымъ и главнымъ основаніемъ, къ составленію церемоніала погребенія усопшаго Государя.

Императоръ Александръ, укладывая съ собой этотъ церемоніалъ, очевидно имѣлъ въ виду возможность близкой кончины Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которой, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, пришлось пережить Его, хотя и на самый короткій срокъ.

11-го декабря тѣло почившаго Императора перевезено было въ соборъ Александровскаго монастыря, а 29 декабря 1825 года, печальная процессія двинулась въ Петербургъ.

Императрица имѣла силу присутствовать при послѣдней панихидѣ, и, нѣжно простившись съ прахомъ супруга, отбыла обратно въ занимаемое Ею помѣщеніе.

Что же касается до собравшагося на проводы народа, то онъ безчисленными, скорбными толпами сопровождалъ гробъ до первой остановки, на которой назначенъ былъ ночлегъ, и къ густымъ толпамъ городскихъ жителей, по дорогѣ приставали несмѣтныя толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень.

Императрица Елисавета Алексѣевна потребовала къ себѣ прибывшаго изъ Петербурга графа Орлова-Давыдова, и лично препоручила ему драгоцѣнные останки своего супруга, а мадику почившаго Императора, Тарасову, поручила заботу о дорогомъ прахѣ, во время пути.

Процессія направилась на Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу, въ Москву, при чемъ на козлахъ печальной колесницы, безсмѣнно находился любимый кучеръ покойнаго Государя, Илья Байковъ.

Всѣ ночлеги по дорогѣ назначались исключительно въ городахъ и селахъ, и гробъ Императора всегда вносился на ночь въ церковь.

На границѣ каждой епархіи печальный кортежъ встрѣчалъ мѣстный архіерей съ духовенствомъ всего уѣзда, и сопровождалъ печальную колесницу до границы слѣдующей епархіи.

Усердіемъ жителей всюду въ церквахъ воздвигались богатые катафалки, войска развернутымъ фронтомъ встрѣчали печальную колесницу ружейной и пушечной пальбой, а въ мѣстахъ, особенно густо населенныхъ, народъ отпрягалъ лошадей и везъ колесницу на себѣ.

Переѣзды дѣлались небольшіе, не свыше пятидесяти верстъ въ сутки.

По мѣрѣ приближенія къ большимъ, центральнымъ городамъ, толпы встрѣчавшія печальную процессію, становились вся многочисленнѣе, что породило массу нелѣпыхъ слуховъ и опасеній.

Боялись возмущенія... Опасались, что народъ потребуетъ чтобы былъ открытъ гробъ, и чтобы показанъ имъ былъ усопшій Императоръ.

Особенно сильны были эти опасенія, по мѣрѣ приближенія къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ, но все обошлось благополучно, строгій порядокъ не былъ ничѣмъ нарушенъ, и всѣ требованія оружейниковъ ограничились тѣмъ, чтобы имъ разрѣшено было отпрячь лошадей, и на себѣ провезти печальную колесницу на протяженіи послѣднихъ пяти верстъ.

3-го февраля 1826 года, печальная процессія прибыла въ Москву, и здѣсь дорожная прислуга, сопровождавшая прахъ Императора, была замѣнена парадной придворной прислугой, а прежнія лошади—восьмеркой придворныхъ лошадей, запряженныхъ цугомъ, въ траурной сбруѣ.

Хотѣли смѣнить и вѣрнаго Илью Байкова, неизмѣнно сопровождавшаго Императора Александра во всѣхъ Его поѣздкахъ, и придворный кучеръ въ парадной траурной ливреѣ уже подошелъ къ козламъ, чтобы занять мѣсто Ильи, но тотъ, состарѣвшійся на службѣ покойному Государю, въ упоръ не уступилъ своего мѣста и послѣ долгихъ пререканій, былъ оставленъ на козлахъ печальной колесницы.

Въ Москвѣ гробъ Императора Александра Павловича былъ поставленъ на парадномъ катафалкѣ, среди Архангельскаго собора, и стеченіе народа, желавшаго поклониться праху почившаго Царя, было такъ велико, что вновь возбуждены были опасенія за полное сохраненіе порядка.

Носились слухи, что Москвичи будутъ требовать, чтобы имъ показанъ былъ лежавшій въ гробу Императоръ, и опасенія эти оправдались присутствіемъ среди Москвы неблагонамѣренныхъ людей, старавшихся возбудить сомнѣніе о подлинности перевозимаго священнаго праха. Съ цѣлью предупредить всякія покушенія на безпорядокъ, Кремлевскія ворота запирались въ 9 часовъ вечера, и у каждаго входа стояли заряженныя орудія. Кромѣ того, внутри Кремля расположена была пѣхота, а въ Экзерциргаузѣ стояла кавалерійская бригада, съ осѣдланными лошадьми. Изъ Москвы процессія выступила 6 февраля, сопровождаемая до Петровскаго Дворца митрополитомъ Филаретомъ, и направилась далѣе по Петербургскому тракту, черезъ Тверь и Новгородъ, въ Царское Село, гдѣ въ то время находилась Царская фамилія.

На границѣ Новгородской губерніи печальное шествіе встрѣчено было архимандритомъ Фотіемъ, который на всѣхъ слѣдовавшихъ затѣмъ ночлегахъ самъ читалъ у гроба Евангеліе.

Тутъ же присоединился къ печальному шествію и Аракчеевъ, который при выѣздѣ изъ Новгорода намѣревался стать на колесницу, но не былъ допущенъ до этого Орловымъ-Давыдовымъ, и позднѣе только получилъ разрѣшеніе слѣдовать за гробомъ, держась лѣвой стороны.

Изъ Петербурга послѣдовалъ запросъ о томъ, въ какомъ положеніи находится тѣло въ Бозѣ почившаго Императора, и вслѣдствіе этого, произведенъ былъ, на одной изъ промежуточныхъ станцій, подробный осмотръ бренныхъ останковъ Государя.

Передъ прибытіемъ въ Царское Село, осмотръ этотъ былъ повторенъ лейбъ-медикомъ Виллié, по именному повелѣнію Императора Николая Павловича, и Виллié подписью своею засвидѣтельствовалъ, что всѣ предосторожности въ пути были строго соблюдены, благодаря чему тѣло почившаго Государя находится въ полной сохранности.

Всѣ эти осмотры производились со всевозможными предосторожностями и хранились въ глубочайшей тайнѣ, и эта таинственность, еще усугубляла тѣ пустые и вздорные толки, которыми окружена была кончина Императора Александра.

28-го февраля процессія приблизилась къ Царскому Селу и была встрѣчена Императоромъ Николаемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Гробъ Императора Александра былъ внесенъ въ храмъ Чесменской богадѣльни, гдѣ и оставался до перевезенія его въ Петербургъ.

1-го марта Императоромъ Николаемъ отданъ былъ приказъ открыть гробъ и приготовить все къ посѣщенію Царской фамиліи, желавшей поклониться праху почившаго Государя.

Все должно было содержаться въ тайнѣ, и въ этомъ смыслѣ даны были строжайшія инструкціи князю Голицыну. Гробъ былъ открытъ въ 11 часовъ вечера, изъ него вынута была ароматная перинка, покрывавшая все тѣло, на Императорѣ перемѣнены были перчатки, потемнѣвшія дорогой, тща-

тельно вычищенъ былъ мундиръ и на голову почившаго возложена была корона.

Когда все было готово, изъ церкви не только удалено было все дежурство, состоявшее при гробѣ, но удаленъ былъ и священникъ читавшій Евангеліе, и въ храмѣ оставлены были только князь Голицынъ, графъ Орловъ-Давыдовъ и камердинеръ почившаго Императора, Завитаевъ, но и они скрыты были высокими ширмами...

Что же касается до наружныхъ карауловъ, то они были строжайшимъ образомъ усилены.

Ровно въ полночь, среди мертвой тишины храма, въ него вошла вся Царская фамилія, съ дѣтьми, для прощанія съ прахомъ почившаго.

Отсутствовала только Императрица Александра Ѳеодоровна, въ то время беременная.

Всѣ члены Царской семьи со слезами цѣловали лицо и руки Императора Александра, а Императрица-мать, приблизившись къ гробу Сына, заливаясь слезами, воскликнула по-французски:

— Да... Это мо́й дорогой сынъ... Мой дорогой Александръ... Ахъ, какъ Онъ худъ...

— Oui, c'est mon cher fils... Mon cher Alexandre!.. Ah! Comme il est maigre!..

6-го марта печальное шествіе двинулось изъ Чесменской богадѣльни въ Петербургъ, сопровождаемое Императоромъ Николаемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и многими иноземными принцами, при чемъ всѣ были въ длинныхъ траурныхъ плащахъ и большихъ черныхъ шляпахъ.

Въ 2 часа дня процессія прибыла къ Казанскому собору, гдѣ закрытый гробъ Императора, въ продо́лженіи семи дней, былъ выставленъ для поклоненія народу.

Въ соборѣ, за это время, перебывалъ положительно весь Петербургъ, при чемъ среди Петербуржцевъ немало ропота возбуждало то, что тѣло покойнаго Государя было упорно скрыто отъ народа, и прикладываться приходилось къ глухо закрытой крышкѣ гроба.

По этому поводу состоялся докладъ лейбъ-медиковъ, засвидѣтельствовавшихъ передъ Императоромъ, что открытіе

гроба вполнѣ возможно, но Николай Павловичъ не изъявилъ на это своего согласія, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что цвѣтъ лица почившаго Императора сильно измѣнился и принялъ свѣтло-коричневый оттѣнокъ.

Такое измѣненіе, по объясненію врачей, произошло отъ покрытія тѣла древесно-уксусной жидкостью, которая, впрочемъ, ни мало не измѣнила черты Его лица.

13-го марта 1826 года, въ 11 часовъ утра, при сильной снѣжной мятели, печальная процессія съ гробомъ Императора Александра I двинулась изъ Казанскаго собора, по Невскому, Большой Морской, Царицыну лугу, черезъ Троицкій мостъ, въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ въ тотъ же день состоялось отпѣваніе и погребеніе почившаго Императора. Въ 2 часа дня пушечной пальбой возвѣщено было жителямъ столицы, что прахъ Императора Александра Благословеннаго преданъ землѣ.

Императрица Елисавета Алексѣевна тѣмъ временемъ находилась еще въ Таганрогѣ, и здоровье Ея шло все ухудшаясь.

21-го только Она могла выѣхать изъ Таганрога, слѣдуя, черезъ Харьковъ и Калугу, по направленію къ Петербургу. Здѣсь должно было произойти свиданіе Императрицы съ августѣйшей свекровью, вдовствующей Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Но слабость августѣйшей больной такъ быстро усиливалась, что Она уже съ трудомъ могла говорить.

Лица, сопровождавшія Императрицу, не надѣялись довезти Ее до Петербурга.

Всѣ усилія ихъ были направлены къ тому, чтобы благополучно доѣхать до Калуги.

Объ этомъ немедленно сообщено было въ Петербургъ, и Императрица Марія Ѳеодоровна сама выѣхала на встрѣчу больной невѣсткѣ.

Но видѣться имъ, въ этомъ мірѣ, уже не было суждено!

Доѣхавъ до Бѣлева, гдѣ назначена была остановка, Императрица Елисавета Алексѣевна скончалась, и произошло это горькое событіе при такой невѣроятной обстановкѣ, что никто не уловилъ даже Ея послѣдняго вздоха.

Съ вечера августѣйшая больная легла спать, и состоявшій при Ней штатъ прислуги оставилъ Ее одну, а въ 4 часа утра, вошедшая къ Ней въ комнату камеръ-юнгфера, нашла Императрицу уже мертвой и почти совершенно застывшей. Какъ могъ имѣть мѣсто такой непостижимый и непростительный недосмотръ?.. Рѣшить трудно!..

Вѣрно только то, что, прибывъ въ Бѣлевъ къ 10 часамъ утра, Императрица Марія Ѳеодоровна присутствовала при первой панихидѣ, совершенной по ея почившей невѣсткѣ.

Императрица-мать казалась очень огорченной этой внезапной кончиной, но... было ли это огорченіе искренно или нѣтъ, рѣшить трудно!..

Въ жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны вообще было такъ мало искренности, такъ мало правды!..

Исторически извѣстно, что Императоръ Николай Павловичъ адресовалъ вдовѣ своего почившаго брата привѣтливое и почтительное письмо, на которое не получилъ никакого отвѣта, и что на предложеніе избрать для своей резиденціи любой изъ Императорскихъ Дворцовъ, Елисавета Алексѣевна, на словахъ, приказала отвѣтить Императору Николаю, что никакого дворца Она выбирать не желаетъ, на порогъ ни одного изъ Его Дворцовъ никогда не ступитъ ногой, и никакихъ милостей отъ преемника своего почившаго супруга, никогда не приметъ!

Завѣщанія Императрица Елисавета Алексѣевна послѣ себя не оставила никакого, и на предложеніе, сдѣланное Ей еще въ Таганрогѣ, на всякій случай указать на желаемыя Ею распоряженія, отвѣчала:

— Я ничего не привезла съ собой въ Россію, и слѣдовательно, ничѣмъ не могу распоряжаться!..

Прахъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, перевезенный съ подобающей помпой и честью въ Петербургъ, покоится рядомъ съ прахомъ Ея державнаго супруга...

Неразлучная съ Нимъ при жизни, Она и по смерти съ Нимъ не разлучилась!..

При такихъ исключительныхъ, отчасти таинственныхъ условіяхъ, сошли со сцены міра два историческихъ лица,

изъ которыхъ одно скромно стушевалось, освѣщенное только отблескомъ чужого, яркаго свѣта.

Мы говоримъ объ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, легкой тѣнью промелькнувшей на ступеняхъ русскаго трона, на который Она принесла съ собой всю тонкую прелесть той неувядаемой женственности, которую нѣмцы такъ глубоко поняли и такъ мѣтко охарактеризовали словами: „Das ewig weibliche!“

У Нея были свои недостатки, въ Ея безотрадной семейной жизни, горячей вспышкой промелькнулъ порывъ молодого увлеченія, но въ глубинѣ своего преданнаго сердца, Она всегда оставалась вѣрна горячо любимому супругу, и это ясно сказалось въ томъ сердечномъ порывѣ, съ какимъ Она откликнулась на возвратъ къ былой любви и былому счастью, которыми подарилъ Ее Императоръ Александръ въ послѣдніе дни своей жизни.

Вся охваченная порывомъ блеснувшаго Ей былого счастья, Императрица Елисавета Алексѣевна, съ задатками смертельной болѣзни въ груди, минутно воскресла, и вновь сраженная внезапнымъ недугомъ Державнаго супруга, нашла въ себѣ силы ни на минуту не оставлять умирающаго Императора, принять Его послѣдній вздохъ, и самой закрыть Ему глаза...

Она быстро послѣдовала за Нимъ въ могилу...

Пережить Его Она не могла!..

Она тихо и безропотно скончалась на пути въ Петербургъ, куда стремилась, напрягая угасавшія силы, чтобы поклониться дорогой могилѣ...

И рядомъ съ этой кроткой тѣнью, какъ бы пронесшейся надъ землей, встаетъ, во всемъ величіи своей міровой славы, крупный историческій образъ Императора Александра Благословеннаго!

Это гигантъ по широкому размаху своей, минутами вспыхивавшей, мощной силы...

Гигантъ по той борьбѣ, въ которой Онъ сокрушилъ непобѣдимаго Наполеона!..

И въ то же время это слабый, безвольный человѣкъ, благоговѣйно принимающій благословеніе отъ изувѣра

Фотія, и серьезно считающійся съ бреднями полу-безумной баронессы Крюднеръ!..

Въ Немъ все тревога... все борьба противуположныхъ силъ и стремленій...

Онъ понимаетъ нравственное совершенство своей царственной супруги — и безпрестанно измѣняетъ Ей для самыхъ недостойныхъ соперницъ!..

Онъ ясно видитъ все нравственное ничтожество Нарышкиной — и до конца своей жизни остается ея данникомъ!..

Онъ цѣнитъ высокій умъ и благія намѣренія Сперанскаго—и ссылаетъ его въ Сибирь!..

Онъ глубоко понимаетъ всю грубую жестокость Аракчеева — и отдаетъ ему во власть своихъ обездоленныхъ крестьянъ!..

Онъ гордится любовью къ Нему народа — и ищетъ отравы въ каждомъ подаваемомъ Ему кушаньѣ!..

Онъ глубоко чтитъ всѣ догматы Св. вѣры,—и дрожитъ при видѣ трехъ свѣчей на столѣ!..

Онъ весь проникнутъ тайной. Весь полонъ самыхъ рѣзкихъ недомолвокъ!..

Онъ измѣняетъ порядокъ престолонаслѣдія и, заручившись отреченіемъ отъ Престола прямого Наслѣдника своего, не только не обнародываетъ этого акта величайшей государственной важности, но хранитъ его запечатаннымъ въ ненарушимомъ тайникѣ святаго храма, и разрѣшаетъ вскрыть таинственный конвертъ, только послѣ своей кончины.

Годы Его царствованія, эпосомъ встаютъ въ исторіи Россіи, въ исторіи всего цивилизованнаго міра—и между тѣмъ, отъ Его загадочной могилы вѣетъ чѣмъ-то таинственнымъ, недосказаннымъ, какъ отъ внезапно прерванныхъ звуковъ стройной мелодіи... какъ отъ порванныхъ струнъ громко звучавшей арфы!..

Онъ умеръ... и никто не хотѣлъ вѣрить Его смерти!..

Онъ покончилъ всѣ свои земные счеты, но глубоко вѣровавшіе въ Него подданные, упорно ждали Его на ступеняхъ покинутаго трона, скептически относились къ привезенному изъ Таганрога наглухо заколоченному гробу, и... уносясь въ міръ фантазіи, искали Его, преобразившагося, духовно

обновленнаго, въ глубокихъ снѣгахъ далекой Сибири, въ пустынной кельѣ отшельника, подъ рубищемъ бездомнаго скитальца безъ роду и племени!..

Вокругъ Его имени легенды складывались... и отзвуки этихъ легендъ живы и понынѣ!..

Онъ какъ будто не могъ отойти въ область историческаго преданія, этотъ мощный, загадочный гигантъ, мистическимъ обликомъ вставшій на рубежѣ столѣтій!..

Многое въ Его жизни осталось не высказаннымъ... Многое осталось неразгаданнымъ!..

. . . . . .

Мы старались, на столбцахъ нашего историческаго этюда, по возможности уловить точный образъ той крупной и неразгаданной міровой загадки, которая свѣтлымъ бликомъ легла на страницы русской исторіи, подъ вѣщимъ именемъ Императора Александра Благословеннаго!

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1912 Г. ИЗД. Р. ГОЛИКЕ.